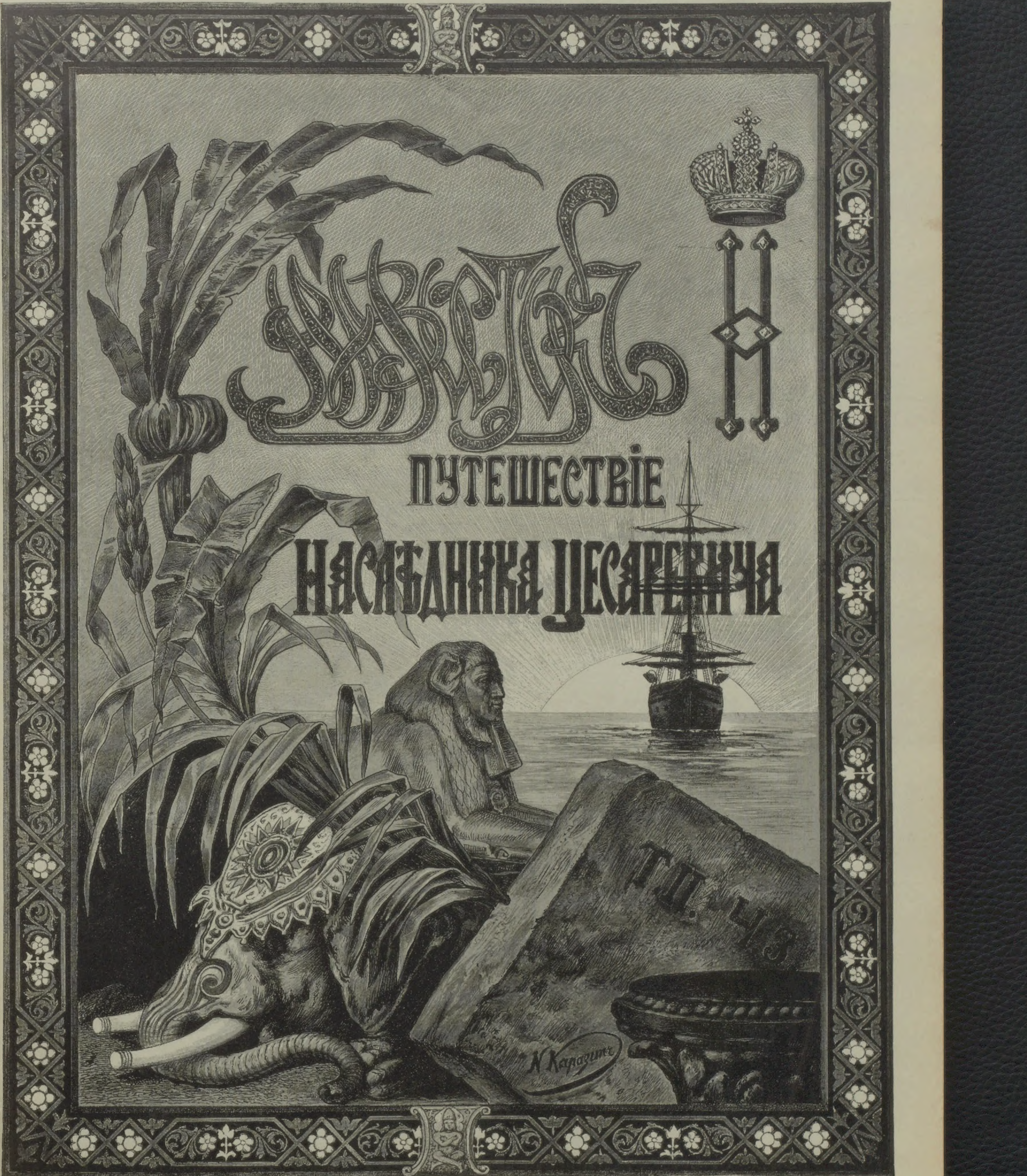
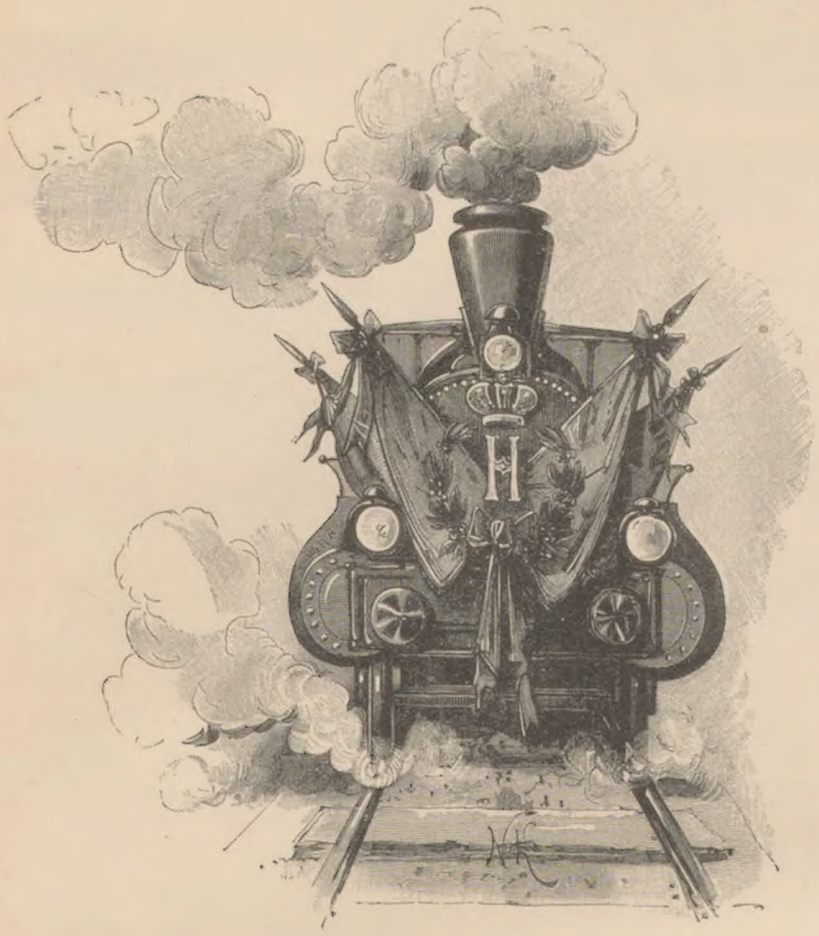
НА ВОСТОКЪ.

Н. В. ГАЕВСКІЙ, СПБ.

СПБ.


ПУТЕШЕСТВІЕ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
Н. Каразинъ



ВЪ СТРАНАХЪ ПОЛУДНЯ.

Tous droits réservés.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ВОСТОКЪ

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

1890—1891.

АВТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ КН. Э. Э. УХТОМСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАЛЪ Н. Н. КАРАЗИНЪ.

Ч. 3.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ: Ф. А. БРОКГАУЗЪ.

1894.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ВЪ БЕНАРЕСѢ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ пребываетъ въ самомъ любопытномъ городѣ Азіи. Центры ассиро-вавилонской, египетской и эллинской культуры давно померкли, отчасти стерты съ лица земли, только очами и устами археологовъ гласятъ о древнихъ, почти доисторическихъ формахъ человѣческаго культурнаго быта: одна дравидо-арійская Индія, отраженная и олицетворенная бенаресскими богомольями у священныхъ струй «небороднаго» Ганга, полна вѣчной тайны и вѣчнаго жизненнаго трепета, искони жаждетъ Божественнаго свѣта и томится предъ бездушнымъ мракомъ идоложреческихъ храмовъ, относится къ сверхчувственному міру съ вѣрой ребенка, но суровымъ стоицизмомъ дикаря.

Бенаресъ! Наименованіе, благоговѣйно повторяемое и чтимое сердцами сотенъ милліоновъ! Окаменѣлый прообразъ страны, на ряду съ которымъ тысячелѣтія Дэли — одинъ день бытія обитающихъ надъ Гималаями боговъ! Стоитъ припомнить, что лѣтописныя баснословія буддистовъ заставляютъ 84,000 монарховъ, потомковъ мудраго царя Асоки (Владиміра Красное Солнышко индо-туранской старины), безпрерывно править «во святомъ Варанази».

Названіе города объясняется двояко: или прозвищемъ раджи Банаръ, отстроившаго громадный разрушенный центръ восемьсотъ лѣтъ назадъ, или сліяніемъ близъ него съ водами Ганга двухъ окаймляющихъ столицу шиваизма рѣчекъ Варана и Азп. Послѣднее, впрочемъ, менѣе вѣроятно.

Древнее и донынѣ уцѣлѣвшее имя ея — «Каси» (блестящая, великолѣпная). Хотя свѣтлый царевичъ-аскетъ Шакьямуни начало проповѣди своей положилъ въ окрестностяхъ современнаго Бенареса и еще въ V—VII вѣкахъ нашей эры китайскіе пилигримы притекали сюда поклоняться памятникамъ излюбленной ими чужеземной религіи, воздвигнутымъ на мѣстѣ основной дѣятельности «учителя», — городъ всетаки преимущественно и даже почти

исключительно оставался и остался во власти браминовъ, создавшихъ себѣ тутъ въ нѣкоторомъ родѣ очагъ глубокаго знанія и соотвѣтственнаго вліянія на несмѣтныя толпы пришлаго и кореннаго населенія.

Черезъ нѣсколько часовъ Августѣйшіе путешественники приступятъ къ обозрѣнію здѣшнихъ достопримѣчательностей. Пока же, свыкаясь съ неуютнымъ и по характеру какъ-бы нежилымъ мрачно-сыроватымъ «домомъ для гостей» туземнаго махараджи, невольно озираешься на наше тридцатидвухдневное странствованіе по азіатскому материку и на порогѣ этнографически новаго міра, — такъ-сказать составляющаго переходную ступень къ Небесной имперіи съ ея гигантскими полувассальными окраинами на юго-западѣ, мысленно представляешь себѣ въ общихъ чертахъ ясную судьбу недавно покинутаго собственнаго Индостана. Это — тѣмъ болѣе кстати, что до сихъ поръ, при посѣщеніи и осмотрѣ черезчуръ тронутыхъ цивилизаціей (вродѣ Бомбея) или же, напротивъ, не въ мѣру обособленныхъ по духу городовъ (вродѣ Джодпора), соображенія культурно-историческаго, а подавно и политическаго свойства естественно отстранялись сами собой на второй планъ. Однако постепенно, чѣмъ сознательнѣе въ дорогѣ вырабатывается взглядъ на Востокъ, — вѣяніе его жизни, его культа и затаенной безсмертной мощи такъ и просится въ душу, такъ и чаруетъ невыразимой скорбной прелестью. Гдѣ, если не въ Бенаресѣ, умѣстно вспомнить хотя бы слѣдующую характеристику неподвижной Азіи?!

Въ тебѣ потокъ временъ, стирающій народы,
Надъ бездной зла и тьмы стихаетъ и молчитъ, —
А призракъ красоты, блаженства и свободы
Изъ вѣчности встаетъ, тускнѣетъ и бѣжитъ.

Но думать, будто двѣ трети человѣчества, именно въ силу какого-то фатализма и прирожденной косности, чуть-ли не вѣчно нѣмы и мертвы, чуть-ли не сказали своего послѣдняго слова на аренѣ міроваго развитія и міровыхъ событій, противорѣчило бы дѣйствительному положенію вещей: намъ — русскимъ особенно важно и любопытно вникнуть въ несостоятельность подобнаго обобщенія западниковъ, ибо наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои исконныя права. Согласиться съ тривіальной европейской точкой зрѣнія на инородческіе міры, значитъ подписать жалкій приговоръ самимъ себѣ, какъ государству и какъ племени съ преобладающими надъ всѣмъ остальнымъ мистически окрашенными высокими идеалами. Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, неизслѣдованная, никакими еще мыслителями не сознанная допетровская Русь съ ея непочатой ширью преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ.

Сближеніе туземцевъ Индіи съ русскимъ простонародьемъ многими должно быть сочтено тенденціознымъ, почти невѣроятнымъ или же просто на́просто фантастическимъ. Случайное подтвержденіе того, что не мнѣ одному аналогія рѣзко бросалась въ глаза, я нахожу въ купленной здѣсь на дняхъ трехтомной книгѣ епископа Хебера, которая издана, когда о нашемъ наступательномъ возсоединеніи съ Азіей англичане серьезно и не помыш-

..яли. Замѣтки названнаго автора относятся къ двадцатымъ годамъ, послѣ того какъ онъ посѣтилъ Россію и проѣхалъ ее отъ столицы до южныхъ границъ, оставаясь подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ церквей и палатъ Кремля, подобіе коего иногда ему чудится потомъ въ Индіи при видѣ иного колоссальнаго сооруженія. Духомъ старой Москвы повѣяло на Хебера, лишь только онъ вступилъ на бенгальскую почву. Раджпутскіе и маратскіе всадники, сопровождавшіе его въ теченіе оффиціальныхъ передвиженій по гигантской епархіи, показались ему схожими съ кубанскимъ казачествомъ: видно, недаромъ въ Индостанѣ принято именовать «козаками» тамошнихъ смѣлыхъ конныхъ, а то даже пѣшихъ воиновъ (напр. джатовъ, во главѣ которыхъ до сихъ поръ выдѣляется бартпурскій махараджа у Агры, своевременно являвшійся съ визитомъ къ Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ), которые воспитаны поэзіей непрерывнаго боеваго напряженія и удалыхъ наѣздовъ.

Безъ сомнѣнія чѣмъ глубже станутъ всматриваться въ индійскую исторію и въ индивидуальныя качества населяющихъ ея полуостровъ рассъ, тѣмъ опредѣленнѣе могутъ сдѣлаться извѣстные тезисы объ этой странѣ, вызывающей въ насъ все бо́льшій и бо́льшій какъ-бы инстинктивный интересъ. Разъ что понятія «Россія» и «Востокъ», — подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п. поставлены будутъ историсофами въ одну органически цѣльную группу жизненно стойкихъ народовъ, — ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало по малу скажется всякому безпристрастному наблюдателю.

Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и по видимому столь не однородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне любопытныхъ фактахъ параллель, тѣмъ не менѣе намѣтить ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно бы пришлось, — почему именно русскому умѣстнѣе, значитъ, привести подобныя мысли въ извѣстную связь, особенно подъ тѣмъ знойнымъ небомъ, которое разстилается теперь надъ нашей головою.

Несмотря на то, что обозрѣваемый Его Императорскимъ Высочествомъ общирнѣйшій край въ сущности представляетъ собою самую смѣшанную, пеструю амальгаму народностей, вѣрованій и культуръ, — онъ всетаки, въ своихъ главнѣйшихъ основахъ, строго отмѣченъ отпечаткомъ арійскаго духа. Этотъ духъ очень давнихъ и горделивыхъ пришельцевъ, постепенно колонизировавшихъ страну, передавался и передался въ теченіе вѣковъ отдаленнѣйшимъ областямъ и даже уголкамъ Индіи. Этотъ духъ неискоренимо жилъ и живетъ въ сердцахъ большинства ея обитателей. Сами англичане указываютъ, какъ на несомнѣнную и характерную истину, что они отвоевали и отняли ее не у мусульманскихъ правителей, а у языческихъ князей, такъ какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ индуизмъ (въ лицѣ маратовъ, а затѣмъ отчасти и сикховъ) безспорно занялъ первенствующее мѣсто на своей великой родинѣ. Подобная живучесть свидѣтельствуетъ о глубинѣ національнаго сознанія (въ широкомъ смыслѣ сло́ва) даже среди народовъ, разобщенныхъ и какъ-бы ненавидящихъ другъ друга. Какая-то незримая сила постоянно составляла и упорно составляетъ подпочву всего, на чемъ зиждется, выростаетъ, развивается и, даже погибая, принимаетъ тождественный по идеѣ преобразованный видъ крайне сложная психическая жизнь болѣе чѣмъ 200 милліоновъ туземцевъ.

Борющіеся съ автохтонами Пятирѣчья и Деккана, мощные арійцы Ведъ и позднѣйшаго индійскаго эпоса — тѣ же славяне, осѣдающіе по лѣсамъ и у рѣкъ доисторической Россіи, гдѣ уже издревле разсѣяно множество инородческихъ элементовъ, напоминающихъ

чернокожую своеобразно цивилизованную «чудь», которую кшатріи принимались истреблять, а брамины и пахари силились обратить, углубляясь въ глушь неизвѣданнаго полуострова. Какъ только этотъ двоякій внѣшній и внутренній процессъ тамъ совершился до извѣстнаго предѣла (и у насъ встарь князья съ дружиною при малѣйшей нуждѣ охотно искореняли «нечистыхъ» инородцевъ, пока шедшій въ дебри крестьянинъ и пламенѣвшій ревностью миссіонеръ подготовляли грядущее сближеніе и сліяніе), на Индію сталъ наступать грозный и труднопримиримый степной Туранъ, единовременно двигавшій свои варварски-хищныя орды на Удѣльную Русь. И тамъ, и тутъ результатъ подобнаго вторженія и вліянія грубыхъ началъ на основы государственнаго строя и народнаго быта привелъ къ невольному самоуглубленію и неисчерпаемый по составу браминскій міръ, и наше отягченное «ношей крестной», многострадальное великорусское племя. Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ, началась реакція, едва замѣтная на глазъ, но чрезвычайно послѣдовательная и знаменательная по своему творческому напряженію. Въ эпоху, когда Индостанъ и Московское царство, поверхностно судя, сильно поддались басурманскимъ обычаямъ, слегка потеряли арійскій обликъ, отчасти приняли совершенно туранскую окраску (что между прочимъ выразилось хотя-бы напр. въ томъ, какъ сложилась высшая придворная жизнь въ Бѣлокаменной и въ послѣднемъ Дэли, вознесшемся къ славѣ при помощи раджпутскаго меча и даровитости подданныхъ — индусовъ), — характеръ обоихъ дворовъ, ихъ отношенія къ иноземщинѣ, полуварварская роскошь и до щепетильности доведенный этикетъ — все дышетъ далеко не случайнымъ сродствомъ и олицетворяетъ глубокій Востокъ, въ которомъ больше ассиро-вавилонскаго и скиѳскаго, чѣмъ славянскаго или вообще европейскаго. И вдругъ нѣдра Россіи, а за Гималаями Декканъ (преимущественно же конканское побережье) приблизительно въ тотъ же періодъ просыпаются съ расширеннымъ сознаньемъ.

Средняя Азія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ тревожившая и насъ, и Пятирѣчье немолчнымъ прибоемъ безпокойныхъ степей, мало по малу почувствовала незыблемую стѣну передъ собой, — живую стѣну сплотившихся бойцевъ — арійцевъ (по языку и культурѣ), рѣшившихъ отбросить и умалить ненавистный Туранъ. Подобно русской вольницѣ и отважной голытьбѣ, двигавшейся противъ него въ качествѣ передовыхъ застрѣльщиковъ, свободолюбивые сикхи страшными ударами потрясли исламъ, съ юга же отъ Дэли (словно изъ нашихъ центральныхъ губерній) стали неотразимѣе и неотразимѣе наступать когда-то мирные и добродушно настроенные мараты, безсознательно выросшіе до степени героевъ и носителей національнаго, довольно еще туманнаго идеала. Отъ престижа Моголовъ, отъ преобладанія тюркской рассы вскорѣ сохранилась одна (и то расплывающаяся!) тѣнь. Индуизмъ торжествовалъ, смѣло могъ праздновать побѣду, обѣщалъ обратить родные ему края въ нѣсколько федеративныхъ государствъ древне-языческаго типа, со здоровой въ корнѣ основой. Если бы это дѣйствительно случилось, то въ предѣлахъ страны, имѣющей религіознымъ центромъ Бенаресъ, въ непродолжительномъ времени, быть можетъ, начала бы вырабатываться непринужденная и самостоятельная потребность къ образованію, просвѣщенію, гуманизму и. т. п. (что въ виду свойственной народамъ Востока быстротѣ воспріимчивости, отъ разумнаго соприкосновенія съ европейской цивилизаціей, легко дало бы тѣ же плоды, какъ и у насъ при зарожденіи наукъ и искусствъ съ XVIII на XIX столѣтіе). Но судьба судила иное. Юная, возроставшая изъ праха, независимая по духу и вѣрная исконнымъ традиціямъ Индія испытала новое паденіе вслѣдствіе прихода и воцаренія въ ней горсти пришельцевъ — эксплоататоровъ съ Запада. Всѣ тѣ бѣды, которыя могли насъ ожидать, если бы Россія полтораста лѣтъ назадъ, шагнувъ

на пути прогресса, не высвободилась бы рѣшительно и безповоротно изъ-подъ непрошенной опеки заграничныхъ авантюристовъ, привыкшихъ зачастую смотрѣть на наше отечество точно на тучную ниву, съ которой имъ дозволено жать, ничего не сѣючи и не вспахавъ, — всѣ эти бѣды, повторяю, какъ-бы незамѣтно обрушились на несчастную родину буддизма. Летаргическій сонъ оковалъ ее на два-три поколѣнія. Пока тождественный съ ней по историческому складу сѣверный колоссъ развернулся и все еще съ каждымъ днемъ развертывается, открывая накопленное за 1000 лѣтъ психическое наслѣдіе борьбы и взаимноотношеній съ финно-монголо-татарскими наслоеніями, — Индія нѣмѣетъ подъ гнетомъ своихъ безпочвенныхъ университетовъ и прочихъ дорого стоющихъ, но энергично прививаемыхъ благъ... За то сколько ироніи таится въ словахъ: «туземные конгрессы», «туземная необуздываемая печать», наконецъ «туземныя права быть гражданами великой колоніальной имперіи»! . . .

Раньше чѣмъ излагать мысли, составляющія такъ-сказать органическое продолженіе намѣченнаго на этихъ страницахъ, любопытно вкратцѣ помедлить надъ основной чертой туземнаго строя и всего внутренняго міра языческой среды.

Вѣротерпимость индусовъ, не смотря на всѣ крайности ихъ кастовыхъ предразсудковъ и самоограниченія, лучше всего проявляется въ томъ явленіи, что они, будучи по природѣ глубоко убѣжденными въ божественномъ происхожденія своей собственной религіи, тѣмъ не менѣе охотно допускаютъ, будто и мусульманамъ вѣра ихъ могла быть дана отъ Бога, что и христіане исповѣдуютъ святое ученіе, обновляющее ихъ жизненный строй и т. д. По мнѣнію индусовъ (да и вообще восточныхъ народовъ) всѣмъ людямъ подобаетъ оставаться въ той вѣрѣ, въ какой они родились. На базарахъ любаго большаго города осматриваемой нами страны въ продажѣ, говорятъ, есть картинки, ясно свидѣтельствующія о томъ, до чего полны эклектизма умы современныхъ язычниковъ-браманистовъ: напримѣръ, тамъ бываетъ изображенъ человѣкъ съ восемью руками, изъ коихъ каждая — различнаго цвѣта и обозначаетъ «восемь верховныхъ учителей міра». Шесть изъ нихъ: Брама, Вишну, Шива, Кришна, Кали и Дурга — божества, наиболѣе близкія и понятныя фантазіи туземцевъ; седьмая и восьмая длань, держащія по книгѣ, характеризуютъ Христа-Спасителя и создавшаго Коранъ Магомета.

Настроеніе индуса — чрезвычайно миролюбиваго свойства и потому, отнюдь не желая относиться съ какимъ-нибудь насиліемъ къ чужимъ вѣрованіямъ, онъ и самъ проситъ только объ одномъ, чтобы ему не мѣшали вѣрить, какъ онъ признаетъ это для себя спасительнымъ. Знающіе народъ не только по его нынѣшнимъ взглядамъ и наклонностямъ, а также и по его исторіи, утверждаютъ, будто индусы въ прежнее время въ сущности были гораздо фанатичнѣе. Различныя секты свирѣпо боролись другъ съ другомъ, превозносимые толпою кумиры словно жаждали исключительнаго значенія и преобладанія передъ другими. Жречество скорѣе поддерживало, чѣмъ смягчало подобный разгаръ религіозныхъ страстей.

Понемногу, однако, страшный разладъ умолкъ и затихъ. Теперь индусъ, хотя бы онъ и ненавидѣлъ въ душѣ иной обрядъ, кажущійся ему противнымъ и достойнымъ презрѣнія, тѣмъ не менѣе спокойно смотритъ на его совершеніе и открыто не протестуетъ. Люди, посвятившіе себя, напримѣръ, служенію, не допускающему кровопролитія и лишенія жизни, — почитая свѣтлаго небожителя Вишну, тѣмъ не менѣе за деньги принимаютъ

участіе въ жертвоприношеніяхъ кровожадной богинѣ Дургѣ. Старые брамины, не лишенные извѣстнаго рода начитанности и даже учености, нерѣдко приносятъ въ даръ своему избранному божеству какія-нибудь установленныя жертвы и параллельно съ тѣмъ бросаютъ горсть рису чужимъ богамъ, какъ-бы признавая, что за предѣлами нашего познаванія есть много непостижимыхъ силъ, жить въ ладу съ которыми намъ и полезно, и необходимо. Не этимъ-ли объясняется, что различные религіозные памятники Индіи, — гдѣ только къ нимъ не прикасалась рука мусульманъ-разрушителей или не въ мѣру ревностныхъ португальцевъ, — въ теченіе ряда вѣковъ сохранялись почти нетлѣнными; хотя одинъ побѣдившій культъ уже успѣвалъ смѣниться другимъ и въ иныхъ мѣстностяхъ, по видимому, некому было пещись о сохраненіи предметовъ упраздненной вѣры и совершенно невѣдомаго искусства. Тѣмъ не менѣе населеніе, вѣруя въ новыхъ боговъ, умѣло съ благоговѣніемъ относиться и къ тѣмъ, которыхъ постигало забвеніе. Обожаніе вещества, принявшаго какую-нибудь законченную и канонически установленную форму, до того казалось важнымъ и неизбѣжнымъ для индуса, что едва-ли не этимъ можно главнѣйшимъ образомъ объяснить, почему многія архитектурныя и скульптурныя созданія древности въ первобытной красотѣ дошли до нашихъ дней.

Сегодня предстоитъ увидѣть впервые сожиганіе труповъ на берегу Ганга. Страшный обрядъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій и оправданія.

Индусское міросозерцаніе ни въ чемъ такъ самобытно не выражается, какъ во взглядѣ на смерть, на отношенія къ умирающимъ и къ усопшимъ. Европейцы присутствуютъ на странномъ зрѣлищѣ, гдѣ народъ, — среди котораго любовь родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и т. д. глубока и трогательна, — при мысли, что ктонибудь близокъ къ кончинѣ, прежде всего заботится не о борьбѣ съ тяжкимъ недугомъ, поразившимъ любимое существо, не объ охраненіи его спокойствія и не объ облегченіи его послѣднихъ минутъ, но прежде всего о спасеніи и успокоеніи его души. Изъ всей утомительно-сложной обрядности, соблюденіе которой индусъ считаетъ для себя обязательнымъ, долгъ по отношенію къ разстающимся съ жизнью и къ покойникамъ наиболѣе кажется, съ нашей точки зрѣнія, дикимъ (!) и суровымъ.

Согласно ученію браминской религіи, какъ-бы ни былъ грѣшенъ человѣкъ, достаточно ему умереть на берегахъ священнаго Ганга или другой какой-нибудь высоко чтимой рѣки, — а то и прямо даже у связаннаго съ ними водохранилища, — и духъ такого счастливца можетъ достигнуть блаженства въ новой жизни. Стоитъ бросить въ спасительныя воды хоть частицу трупа, и это уже послужитъ на благо душѣ умершаго. Такъ какъ поведеніе отдѣльнаго лица не всегда отличается степенью праведности, требуемой для счастливаго дальнѣйшаго возрожденія, то родственники опасно заболѣвшаго, видя приближеніе смерти, прежде всего торопятся принести его къ священной влагѣ. Поступить иначе значило-бы навлечь и на него, и на себя много бѣдствій въ будущемъ. Соблюденіе обычая особенно сильно развилось за послѣдніе три-четыре вѣка; оно исходитъ изъ того глубокаго вѣрованія, что рѣка Гангъ (skr. Ganga), жена бога Шивы, проникнута всеисцѣляющею и всеискупляющею святостью. «Ганга», какъ ее называютъ туземцы, сошла съ небесъ; прикасающіеся къ ней, обмывающіеся въ ея струяхъ, погружающіеся въ ея чистое лоно — тѣмъ самымъ какъ-бы пріобщаются къ лучшей жизни, къ блаженному существованію, однимъ словомъ къ безгрѣшной радости и живительной тишинѣ

обителей рая. Воззванія индусовъ къ умиротворяющей ихъ души рѣкѣ положительно свѣтятся дѣтской вѣрою въ ея благотворное начало:

У ГАНГА НА ЗАРѢ.

«О мать Ганга, я склоняюсь къ твоимъ ногамъ! Умилосердись надъ твоимъ рабомъ! Кто можетъ передать, каковы твои добродѣтели, когда разумѣніе человѣческое не въ силахъ ихъ постигнуть и только верховное существо — Брама — знаетъ нѣкоторыя изъ твоихъ свойствъ? Величайшій грѣшникъ, оскверненный безчисленными злодѣяніями, пусть только произнесетъ твое имя . . . и онъ очистится, возродится среди небесныхъ жилищъ. Ты одна справедливо называешься «источникомъ счастья», «спасительницею людей». Безконечны тѣ средства, которыя въ твоей власти. Омывающійся

въ твоихъ струяхъ не только самого себя спасетъ, но очищаетъ также духъ своихъ предковъ, предковъ своей матери, предковъ своей жены. Ты — единовременно и вещество, и не вещество, — ты заразъ и проста, и крайне сложна, — ты — вѣчное начало всего.»

Какъ глубока должна быть вѣра индуса въ чудотворныя качества рѣки, видно, хотя бы изъ того, что въ народѣ живетъ убѣжденіе, будто даже людямъ, отдаленнымъ отъ Ганга на многія сотни верстъ, стоитъ вспомнить святое имя богини и этимъ спастись! Каждому умирающему слѣдуетъ лишь подумать о великой рѣкѣ, и мѣсто въ раю Шивы для него обезпечено! Если человѣкъ отправляется изъ дому, чтобы выкупаться въ Гангѣ и умираетъ по дорогѣ, — одно уже доброе намѣреніе засчитывается ему въ заслугу, словно бы онъ дѣйствительно совершилъ установленныя омовенія. Такіе ужасные для браминиста грѣхи, какъ напр. умерщвленіе своихъ духовныхъ наставниковъ или коровъ, какъ напр. пристрастіе къ одуряющимъ напиткамъ и т. п. прощаются человѣку отъ прикосновенія къ божественнымъ водамъ, если погружающіеся въ нихъ мысленно каются въ содѣянномъ. Народная религія учитъ, что всякій червячекъ, или насѣкомое, или растеніе, находящіеся на берегахъ дивной рѣки и падающіе въ нее, въ случаѣ смерти, затѣмъ болѣе не возрождаются, а прямо сливаются съ Брамой. Даже кончающіе самоубійствомъ, утопая въ волнахъ Ганга, непремѣнно удостоиваются конечнаго блаженства. Если чье-нибудь тѣло, въ моментъ кончины, на половину погружено въ божественную влагу, душа въ воздаяніе того тысячу тысячъ лѣтъ будетъ блаженствовать въ раю.

Фантазія туземца ищетъ даже въ разныхъ сказкахъ поясненія, что случается съ тѣми тварями, которыя случайно попадаютъ и тонутъ въ Гангѣ. Напр. какъ проста и мила одна повѣсть о маленькой птичкѣ, гнѣздившейся подъ широковѣтвистымъ деревомъ, вблизи рѣки! Однажды свирѣпая буря вырвала его съ корнемъ и птичка, унесенная порывомъ урагана, погибла въ водоворотѣ. . . Но вотъ она возрождается на небѣ, становится одною изъ царицъ Индры. Блаженствовать тамъ ей, однако, приходится короткое время, потому что, какъ только ея крошечное тѣло быстро разложилось въ водѣ на мельчайшія частицы, и душѣ птички, соотвѣтственно съ этимъ, необходимо было снова возродиться въ какой-нибудь иной земной оболочкѣ. Индра, отпуская свою царицу, спросилъ ее, какую внѣшность она хочетъ выбрать для этой новой жизни и она выбрала съ умысломъ тѣло слона, такъ какъ его гигантское туловище, а особенно кости, и послѣ смерти долго не могутъ разложиться. Душа прежней птички (она же и душа одной изъ царицъ бога Индры), родившись у Ганга въ формѣ слона, нарочно пребывала до смерти на берегу рѣки: потомъ трупъ упалъ въ протекавшія мимо струи и безплотная тѣнь отлетѣла опять въ небо Индры, для вкушенія блаженства, на безчисленное число лѣтъ.

Когда туземные врачи признаютъ положеніе какого-нибудь больнаго безнадежнымъ, его друзья и родственники немедленно рѣшаются «отдать его Гангу». Никому и въ голову не приходитъ, что можно отсрочить часы кончины, усугубить борьбу съ недугомъ, отвоевать заболѣвшаго у смерти. «Жизнь и смерть», — разсуждаютъ они, — «во власти боговъ, но отъ насъ зависитъ отнести умирающаго къ священнымъ водамъ». Больнаго кладутъ поэтому на носилки, — если темно, его выносятъ при свѣтѣ факеловъ, вообще торопятся впередъ, опасаясь, какъ-бы несомый ими не умеръ по дорогѣ. Можно себѣ представить, до чего несчастный долженъ страдать нравственно отъ стремительности

БЕНАРЕСЪ.

его выноса изъ дому, отъ прощанья съ остающимися тамъ членами семьи, которые неизбѣжно оглашаютъ минуты разлуки воплями и рыданіями. Притащивъ свою ношу на берегъ желаннаго водомѣстилища, процессія скучивается вокругъ умирающаго и требуетъ отъ него, чтобы онъ устремилъ свой взоръ на водное пространство, разстилающееся передъ нимъ, со словами: «Мать Ганга, я пришелъ тебя улицезрѣть!». Такъ какъ смерть обыкновенно наступаетъ не сразу, то родственники кладутъ больнаго въ какой-нибудь низкій, сырой и жалкій шалашъ на берегу, гдѣ томящемуся въ агоніи суждено дожидаться разставанія души съ тѣломъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ для пріема больныхъ воздвигнуты болѣе приличныя постройки, но онѣ такъ грязны и такъ переполнены существами, лежащими въ состояніи послѣдней предсмертной борьбы, что умирающимъ съ проблескомъ сознанія быть среди нихъ еще вдвое тяжелѣе. Все вокругъ стонетъ и хрипитъ въ отвратительныхъ корчахъ. Родственники, между тѣмъ, ждутъ, когда же пора будетъ окунуть больнаго въ рѣку, чтобы онъ наконецъ испустилъ тамъ духъ. Обыкновенно смерть приходитъ далеко не вдругъ, и (что всего ужаснѣе!) принесенныя на берегъ Ганга женщины и даже дѣти подолгу лежатъ, — страдая отъ солнца и ночью отъ холода, — въ тягостномъ ожиданіи, чтобы наконецъ пробилъ ихъ послѣдній часъ. Бываетъ и такъ: больные иногда сами добровольно соглашаются въ столь мучительныхъ условіяхъ ожидать недѣли по три своей кончины; зачастую, впрочемъ, и родственники не согласились бы взять ихъ обратно домой. Съ обѣихъ сторонъ считается какъ-бы несчастіемъ лишеніе возможности найдти успокоеніе въ Гангѣ.

Порою рвеніе на пользу умирающаго доходитъ до того, что радѣющіе о немъ ближніе набиваютъ ему въ ротъ рѣчной глины, и несчастный умираетъ, задохнувшись.

Однако живучесть индусовъ настолько поразительна, что иные разъ десять проходятъ черезъ подобные варварскіе опыты и въ концѣ концевъ всегда приносятся назадъ къ родному очагу. Когда это случается съ пожилыми людьми, то они просто стыдятся того, что смерть ихъ не взяла на Гангѣ. Хуже всего положеніе старухъ-вдовъ. Тѣ, не успѣвъ задохнуться даже при помощи набиванія въ ротъ глины, отъ горя и позора сами потомъ топятся въ рѣкѣ.

Если кто-нибудь даже нечаянно попадетъ въ Гангъ, его не станутъ спасать, считая за счастіе для него погибнуть въ священныхъ струяхъ; если же иной человѣкъ и спасется, то на него съ тѣхъ поръ смотрятъ, какъ на отвергнутаго божествами.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о степени и причинахъ нашего внутренняго сродства съ Индіей, нельзя однако не отмѣтить нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей въ духовно-исторической жизни обѣихъ странъ. Эти особенности такъ странны, такъ рѣзко поражаютъ, если надъ ними призадуматься, такъ въ своемъ родѣ замѣчательны и достойны внимательнаго разслѣдованія, что не далекъ часъ, когда о нихъ серьезнѣе и безъ предубѣжденія заговорятъ. Вотъ тѣ случайные, въ сущности общеизвѣстные факты, о которыхъ стоитъ сказать два-три слова. Почему въ XIII—XIV вѣкахъ языческая Литва, оборонявшаяся противъ суровыхъ крестоносцевъ, удивительно напоминаетъ и какъ-бы повторяетъ собою (по обычаямъ и величію характера борцевъ) рыцарски настроенную, грозную мусульманамъ Раджпутану? Князь Маргеръ, изнемогшій при осадѣ роднаго городка и спокойно рѣшившійся, вмѣсто сдачи врагу, принести въ жертву пламени женщинъ, дѣтей, сокровища, кумировъ своей крѣпости, — чтобы потомъ, соорудивъ изъ

всего дорогаго и завѣтнаго страшный погребальный костеръ, бѣшено ринуться на послѣдній бой съ «нѣмцами», — развѣ этотъ Маргеръ и его окружающіе чѣмъ-нибудь отличаются отъ индійскихъ махараджей средневѣковаго типа, которые, удушивъ въ дыму слабый полъ и облекшись въ одежды шафрановаго цвѣта, бросались на вѣрную смерть въ мусульманскій станъ съ высоты поколебленныхъ Тураномъ древне-арійскихъ кремлей?!.. Но вѣдь литовцы того періода въ сущности — олицетвореніе нашей же тождественной съ загималайскими землями Руси!

А какими, спрашивается, путями надо истолковывать непостижимое, именно индуизму свойственное предубѣжденіе нашихъ раскольничьихъ общинъ, осквернять себя вкушеніемъ пищи совмѣстно съ иновѣрцами, хотя бы разногласіе въ религіозномъ отношеніи было даже крайне ничтожно и поверхностно, коренясь преимущественно въ унаслѣдованной косности мыслей? Затѣмъ: неужели въ изувѣрствѣ нашихъ иныхъ сектантовъ XVII-го столѣтія, въ ихъ жаждѣ саморазрушенія, самосожженія не видѣть чисто индійскихъ чертъ? Почти неизслѣдованные и загадочные «душители» (тюкальщики) среди русскихъ отщепенцевъ отъ православія развѣ только по звуку представляютъ аналогію съ «тюгами», избиравшими преступный родъ дѣятельности исключительно въ угоду религіи?

Высказывать по этому поводу что-либо опредѣленное пока чрезвычайно трудно. Всякая смѣлая гипотеза въ столь богатой неожиданными сближеніями области фактовъ отчасти преждевременна, отчасти безпочвенна. Можно чутьемъ быть непосредственно у истины, не имѣя еще достаточныхъ данныхъ, чтобы ее формулировать. Одно, впрочемъ, кажется вполнѣ яснымъ и неоспоримымъ: мы непомѣрно много должны были безсознательно впитать въ себя изъ Индіи въ тяжелую эпоху колонизаціи своихъ заволжскихъ окраинъ, когда русскіе полоненники ежегодно тысячами увлекались на басурманскую чужбину, продавались съ базаровъ Хивы и Самарканда пышнымъ вельможамъ Моголовъ, подолгу влачили рабское существованіе между язычниковъ, которые этимъ невольникамъ естественно представлялись симпатичнѣе и ближе обоюдныхъ господъ-мусульманъ, — незамѣтно возвращались иногда на родину съ претворенными взглядами на духовный міръ, съ иноземными предразсудками первобытно-жизненнаго свойства, со складомъ религіозныхъ умозрѣній, способнымъ нравиться нашему патріархально мыслящему простонародью. Вотъ откуда, вѣроятно, происходилъ упорный токъ странныхъ воззрѣній, исключительныхъ чувствъ, мистическихъ порывовъ, — пожалуй, и самозарожденныхъ въ глубинѣ русскаго сравнительно новѣйшаго сознанія, но едва-ли не подъ прямымъ вліяніемъ браминской Индіи. Не потому-ли теперь (да въ смутномъ видѣ и гораздо раньше) у насъ постепенно крѣпнетъ стремленіе тѣснѣе соприкоснуться съ ней, больше узнать о ней, основательнѣе убѣдиться въ какомъ-то коренномъ сродствѣ (усилившимся благодаря хищному степному Турану) нашего пестраго по составу населенія съ еще значительно сложнѣйшими племенными элементами той Азіи, гдѣ таинственно пошелъ въ толпу посыпанный пепломъ нищій Шива и гдѣ выросъ историческій Будда?

Гостя въ Бенаресѣ, нельзя умолчать, какъ и почему отсюда распространилась религія кроткосердечнаго царевича изъ воинственнаго рода Шакіевъ. Они не были достаточно браманизированы, симпатизировали исконному населенію покоренной арійцами страны, чувствовали свою племенную и духовную связь съ дравидо-туранскими элементами. Непокорство по отношенію къ всесильной кастѣ жрецовъ, параллельно съ глубокой внутренней потребностью искать и найдти въ себѣ Божество, порождали смуту въ умахъ индусовъ

двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Толпа хотѣла приблизиться до неприступныхъ сѣй, окованныхъ кумиреннымъ мракомъ алтарей. Мудрецы отрицали самое существованіе сверхъ-естественнаго міра за гранями познаваемой тщеты явленій и безсмысленно-жалкой дѣйствительности. Соціально-религіозный кризисъ становился неизбѣжнымъ . . . . и вотъ тогда-то надъ сѣверной Индіей зазвучала проповѣдь одного изъ «тѣхъ», кто, по рельефному опредѣленію Фета:

> . . . . [illegible]
> [illegible]
> [illegible]
> [illegible]

Идеализировать буддизмъ безполезно. Въ немъ несомнѣнно можно подмѣтить мрачныя стороны, и христіанскимъ націямъ труднѣе чѣмъ какимъ-нибудь инымъ удовлетвориться его отвѣтами на вопросы бытія и небытія. Но на Востокѣ массы слѣпы и жаждутъ очарованія цѣлебными для больныхъ душъ рѣчами. Такія рѣчи съумѣлъ своевременно произнести на берегу Ганга полулегендарный человѣкъ, именуемый Гаутама Будда, и онѣ нашли неожиданно-страстный откликъ въ разнообразнѣйшихъ слояхъ древней Индіи. Слова любви и правды впервые были восприняты мірянами тамъ, гдѣ теперь возвышается безформенная «ступа» (памятникъ спеціально буддійскаго типа для ознаменованія какихъ-либо благочестивыхъ поступковъ или помышленій) у незначительнаго прибенаресскаго пункта Сарнатъ. Затѣмъ и самый «священный» городъ, и брамины, и раджи точно нечаянно заслушались облекшагося въ смиреніе и нищету чуждаго фанатическихъ бредней царевича. Онъ же поучалъ собиравшихся вокругъ него и встрѣчавшихся ему на пути:

«Печальные, истомленные борьбой, согбенные отъ жизненныхъ золъ, приходите ко мнѣ, — и я покажу вамъ стезю мира, приму васъ въ мои объятья. Истинная дорога широка какъ небо: знатнѣйшіе и ничтожнѣйшіе люди, богачи и бѣдняки, старцы и молодежь, всѣмъ одинаково хватитъ мѣста идти ею.

«Помните, что плоть всегда стремится преобладать надъ духомъ: старайтесь подчинять ее поэтому правильному образу жизни, воздерживаясь отъ чрезмѣрно обильной и пряной пищи, принимая ѣду лишь въ установленные часы, избѣгая пѣсенъ, плясокъ, соблазнительныхъ увеселеній, драгоцѣнныхъ уборовъ, благовоній, мягкихъ ложъ и т. п. Наипаче же остерегайтесь денегъ, этого корня большинства грѣховъ.

«Не задумывайтесь о завтрашнемъ днѣ. Трудитесь для совокупности человѣчества. Ради него пренебрегайте собственными выгодами, удобствами, эгоистическими заботами о душеспасеніи. Будьте бодры тѣломъ и мыслью: ни о комъ не помышляйте дурно, не возноситесь горделивыми мечтами, сохраняйте доброе настроеніе, несмотря ни на какое противодѣйствіе, и прощайте тѣмъ, кто наноситъ вамъ обиды.»

Въ такомъ направленіи проповѣдывалъ основатель буддизма, и неудивительно, если сердца слушателей наполнялись умиленіемъ, внимая его бесѣдамъ и наставленіямъ. Передъ нами лежитъ цѣлый рядъ странъ, куда проникло и гдѣ оставило извѣстный неизгладимый слѣдъ уступающее лишь христіанству гуманное ученіе Гаутамы. Начиная отъ Цейлона, гдѣ напитался мудрости распространитель этой вѣры на востокъ «сладкогласный» Буддагоша, до Японіи и Забайкалья, куда пролегаютъ наши пути, — всюду будутъ попадаться храмы, построенные для прославленія того, кто возвѣщалъ о средствахъ безмятежнаго достиженія Нирваны, — всюду станетъ обступать народъ, лелѣющій въ душѣ его простые завѣты. Арійская Индія въ сущности утратила буддистовъ, — отчасти изгнала, отчасти поработила ихъ браминству (чему значительно поспособствовалъ сокрушавшій все языческое

исламъ); но, выростая изъ нѣдръ страны, привлекательная для массъ религія признала цѣлый міръ за свою новую родину, пошла въ глубь и ширь азіатскаго материка съ его важнѣйшими островами, наложила на отдаленнѣйшіе отъ Ганга тропическіе и сѣверные (сибирскіе) края отпечатокъ индійскаго творчества, индійскаго міросозерцанія, индійскихъ понятій о мудрости и святости.

САРНАТСКАЯ СТУПА.

Изъ Калькутты Наслѣдникъ Цесаревичъ предполагалъ совершить (согласно основному маршруту) любопытнѣйшую экскурсію въ Дарджилингъ, горную санитарную станцію (почти на рубежѣ Сиккима и Тибета), т. е. быть въ такой мѣстности, которая по величественной красотѣ и составу туземнаго населенія представляетъ громаднѣйшій художественный и этнографическій интересъ, — интересъ для насъ — русскихъ тѣмъ болѣе жизненный, что владѣнія Далай-ламы, номинально признающія власть маньчжурскаго дома, фактически находятся въ сравнительно тѣсномъ общеніи съ нашими инородцами, безпрерывно посѣщающими тибетскіе ученѣйшіе монастыри, подолгу тамъ живущими, разносящими въ самые уединенные пункты земнаго шара обаяніе рускаго имени и отголосокъ русской культуры. Мнѣ такъ-сказать заранѣе рисовалась картина Августѣйшаго посѣщенія индо-тибетской границы: среди сосредоточенно-молчаливой толпы «лэпчей» (подданныхъ сиккимскаго раджи) и бутанцевъ, среди далеко не случайныхъ гостей изъ Дашилхунбо (главнаго религіознаго центра въ южномъ Тибетѣ) и Лхассы благоговѣйно стоятъ и незримо привѣтствуютъ Первенца своего Царя богомольцы-буряты или тунгусы изъ предѣловъ Иркутска и приамурскаго генералъ-губернаторства. Никто ихъ не знаетъ и не подмѣчаетъ, никто не обратитъ даже вниманія на ихъ пристально устремленный радостный взоръ. Но пройдетъ пять мѣсяцевъ, и эти люди снова будутъ встрѣчать Дорогаго Путешественника на большемъ московско-сибирскомъ трактѣ, поклонятся Ему отъ избытка вѣрнопреданныхъ чувствъ, поднесутъ подарки съ тибетскими «священными»

начертаніями, ночью и днемъ станутъ открыто молиться за Великаго Князя, отражающаго на себѣ (по инородческому убѣжденію) силу и доблесть Государя.

Въ виду весьма печальныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о нездоровьи Е. И. В. Вел. Кн. Георгія Александровича проэктъ поѣздки къ подножію царственныхъ Гималаевъ, вѣроятно, окажется неосуществимымъ, такъ какъ фрегатъ «Адмиралъ Корниловъ», по Высочайшему повелѣнію, вскорѣ долженъ идти съ Нимъ въ Алжиръ, и Наслѣдникъ Цесаревичъ, конечно, вернется до этого въ Бомбей на «Память Азова».

Достаточно, что удается побыть и въ атмосферѣ Бенареса. Что за городъ внутреннихъ контрастовъ и психическихъ чудесъ! Недаромъ индусы не считаютъ его основаннымъ на землѣ, какъ обыкновенные города, а дивнымъ лотосомъ, распустившимся на кончикѣ трезубца Шивы. Оттого-то изъ жаркой Бирмы и съ сѣвернаго нагорья сюда стекаются жаждущіе святыни, неутомимые путники: наряду съ бродягами-нищими, очень состоятельные азіаты (быть можетъ, отчасти привлекаемые торговыми выгодами?), туземные сановники въ опалѣ, родовитые изгнанники и т. д. идутъ въ эту столицу шиваизма поправить дѣла, успокоить совѣсть, замолить грѣхи, наконецъ забыться... Несчетныя суммы денегъ расходуются здѣсь на богоугодныя постройки, на высокомѣрное жречество; особенно много тратится такимъ образомъ язычниками во дни ихъ именинъ (т.-е. во время празднествъ въ честь кумировъ, чье имя кто носитъ): брамины, по возможности, щедро одаряются серебромъ и рисомъ, между тѣмъ какъ слѣпые и калѣки не знаютъ отказа со стороны именинниковъ въ полученіи пищи. Прежній главный вождь маратовъ (Пэшва въ Пунѣ, сравнительно невдалекѣ отъ Конканскаго побережья) при подобныхъ принципіально обязательныхъ для него торжествахъ вручалъ бенаресскимъ бѣднякамъ сразу по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Епископъ Хеберъ, — наблюдательностью и мнѣніями котораго европейцы дѣйствительно могутъ дорожить, — именно тутъ, стоя у Ганга, среди грубыхъ съ виду, иновѣрческихъ мольбищъ, почувствовалъ, что Богъ — и надъ этими пестрыми толпами, что Его невѣдомые избранники пребываютъ, пожалуй, и въ этой тьмѣ... До того велика и животворна въ человѣкѣ сила милосердія!

Когда означенный архипастырь осматривалъ мѣстныя кумирни, народъ вѣнчалъ его гирляндами цвѣтовъ. Съ одинаковымъ радушіемъ встрѣчаютъ и провожаютъ наши сибирскіе инородцы-ламаиты искренно ими чтимыхъ Преосвященныхъ.

По любопытному замѣчанію Хебера, въ его время индусы почему-то ожидали пріѣзда въ страну патріарха Цареградскаго.

На каждомъ шагу наталкиваешься на неожиданныя аналогіи, невольно обобщаешь самые разрозненные факты, смотришь на окружающій восточный міръ «инымъ, прозрѣвшимъ окомъ». Безконеченъ Великокняжескій путь окраинами Азіи и необъятнымъ просторомъ Сибири. Когда только помыслишь о томъ, что еще ждетъ и манитъ впереди, — не хватаетъ фантазіи, не хватаетъ умѣнья и знанія все схватывать, все понимать.

Часъ тому назадъ у Ихъ Высочествъ былъ съ визитомъ махараджа бенаресскій. Его Августѣйшіе Гости, въ свою очередь, изволятъ вскорѣ отправиться къ нему и на осмотръ города съ рѣки. Коляски поданы. Раскрой намъ какую-нибудь новую тайну, поясни намъ трепетомъ жизни окаменѣлую старину, царственная Индія, — магическая Индія суроваго обряда и дѣтской вѣры!

НА ГАНГѢ.

> [illegible] вселенной!
> [illegible]
> [illegible]
> [illegible]

Большое пространство, опоясывающее Бенаресъ, считается наравнѣ съ нимъ священнымъ. Оно пересѣкается чтимою богомольцами дорогою (Панчъ-Коси), которая ни въ одномъ пунктѣ не отдаляется отъ города свыше какъ на 17—18 верстъ. По ней разсыпаны безчисленныя маленькія кумирни. Населяющіе ихъ истуканчики, по мнѣнію толпы, неусыпно пекутся о благостояніи, чистотѣ и устойчивости сосѣдняго религіознаго центра. Полоса связывающаго ихъ пути сама по себѣ обладаетъ поэтому чудесными свойствами. По бокамъ ея (за чертой бенаресскаго округа) — земля какъ земля. Прахъ же «Панчъ-Коси» есть уже святыня. Шествующіе по ней, обитающіе между нею и прибрежными мольбищами — тѣмъ самымъ спасаются, чувствуютъ себя внутренно обновленными. Даже мусульмане и европейцы, даже тяжкіе преступники и презреннѣйшіе паріи проникаются здѣсь на мѣстѣ «божественной атмосферой», осѣняются Шивою, становятся желанной частицей гордаго браминскаго міра. И здѣшніе горожане находятъ нужнымъ, на благо душѣ и тѣлу, по крайней мѣрѣ дважды въ годъ пройдти босыми ногами (предварительно искупавшись) по знаменитой дорогѣ. Ѣхать по ней не подобаетъ: ни возрастъ, ни положеніе не даютъ права воспользоваться повозкой, осломъ, конемъ, верблюдомъ, слономъ. Только больные и калѣки прибѣгаютъ къ чужой помощи для передвиженія.

Совершающимъ переходъ запрещено жевать пряные листики, до которыхъ индусы такіе охотники, брать у кого-нибудь пищу или воду, ссориться, браниться и т. д.

О поддержкѣ «Панчъ-Коси» заботятся англійскія власти, охотно простершія бы свое вмѣшательство и въ неурядицу переполненныхъ народомъ улицъ «города боговъ»,

чтобы какъ-нибудь оздоровить его, правильнѣе обстроить и распланировать, наконецъ шире открыть его не одному санитарно-полицейскому, но и политическому надзору, ибо тутъ, безъ сомнѣнія, многое дѣлается, замышляется и затѣмъ отсюда незамѣтно распространяется по странѣ, чего «бѣлые владыки» не доискиваются въ корнѣ или о чемъ черезчуръ поздно узнаютъ.

Августѣйшіе путешественники направляются изъ загороднаго дворца въ окрестности Бенареса. По дорогѣ мелькаютъ лавки, незатѣйливыя мастерскія, группы ремесленниковъ у бѣднаго жилья. Изъ производствъ наиболѣе бросаются въ глаза издѣлія туземныхъ мѣдниковъ, которые справедливо извѣстны по цѣлой Индіи, такъ какъ вполнѣ удовлетворяютъ широкимъ потребностямъ массъ, стекающихся къ Гангу для обрядовыхъ омовеній и запасанія его водою. Сосуды, употребляемые для этого, чаши и блюда, подсвѣчники и лампы, колокольчики и курильницы, особенно же такъ-называемыя «лоты» (своего рода кувшины и тазы) красиво отчеканиваются и весьма любопытны тысячелѣтнею выдержанностью своихъ изящныхъ формъ. Диковинная страна какъ-бы сохраняетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ доисторическія очертанія внѣшняго быта, подобно нѣдрамъ земли, гдѣ окаменѣлыми наслоеніями покоятся давно отжившія флоры и фауны. Въ традиціонномъ начертаніи религіозныхъ символовъ и божественныхъ образовъ на мѣди своей обыденной утвари индусъ естественно видитъ родную глубочайшую старину, читаетъ священную для него миѳологическую повѣсть.

Городъ, излюбленный Шивой, не только является какъ-бы Меккою индуизма и Аѳинами браминской учености, но и мѣстнымъ Бирмингамомъ, хотя и сильно павшимъ за нынѣшнее столѣтіе отъ западнаго губительнаго вліянія.

Золото, серебро, желѣзо искусно и дешево обрабатываются терпѣливо-прилежною рукой, тщательно и со вкусомъ орнаментируются, испещряются узорами — тонкими, точно жилки растеній, и причудливо нѣжными, точно пестрыя крылушки птицъ. Кромѣ того, тутъ изготовляются въ большомъ количествѣ не уступающія ахмедабадскимъ парчевыя ткани, шелка, муслинъ, чепраки и сѣдла, оружіе съ дорогою насѣчкой и т. п. Скопленіе богомольцевъ въ нѣкоторыя времена года, — причемъ первые крёзы страны или сами наѣзжаютъ сюда, или присылаютъ блестящихъ представителей, — конечно, сторицей окупаетъ, а главное окупало въ прежнюю, болѣе цвѣтущую пору благородный трудъ горожанъ, посвятившихъ себя тайнамъ древней металлургіи, при помощи однихъ примитивнѣйшихъ инструментовъ (маленькихъ молоточковъ или даже часто простыхъ гвоздей), благодаря врожденной чуткости въ дѣлѣ возсозданія художественныхъ предметовъ, надъ которыми нерѣдко внимательно сидятъ бокъ-ó-бокъ и сѣдой старикъ въ очкахъ, и способный мальчугашечка, съ дѣтства присмотрѣвшійся къ занятіямъ своей касты.

Когда видишь вблизи работу бенарессскихъ мѣдниковъ (а намъ ее приносили показывать на веранду дома махараджи), положительно любуешься ея прочностью, цвѣтомъ и звучностью чекана, — что объясняется качествами сплава, который состоитъ изъ ртути, цинка, олова, жести, желѣза, мѣди, золота и серебра. За то какой тэмбръ, какіе отливы! Немудрено, если покупателями оказываются, между прочимъ, Европа и Америка.

Въ числѣ подобныхъ вещей, предназначаемыхъ для сбыта, не послѣднее мѣсто занимаютъ различныя принадлежности языческаго культа и божки всевозможнаго вида и величины, далеко не отвѣчающіе западнымъ понятіямъ о возвышенномъ и прекрасномъ. Правда, что и работаются они въ массовомъ количествѣ, причемъ въ этомъ производствѣ.

въ свою очередь, одинаково заинтересованы столяры, каменьщики, даже гончары, лишь на сутки лѣпящіе идоловъ изъ глины! Вѣрующіе имъ молятся и потомъ тотчасъ топятъ куски такого обожествленнаго вещества.

Наши коляски катятся мимо громаднаго и довольно пышнаго зданія (въ смѣшанномъ: не то готическомъ, не то индо-мавританскомъ стилѣ). Это — одно изъ важнѣйшихъ правительственныхъ училищъ для туземцевъ, образовавшееся изъ первоначально здѣсь основанной британскими властями спеціальной школы санскритовѣдѣнія и преуспѣвающее уже въ теченіе ста лѣтъ. За послѣднее время число слушателей возросло до семисотъ, подъ вліяніемъ талантливаго директора Griffith и оріенталиста Arthur Venis.

Весьма кстати вспомнить, что этотъ разсадникъ знаній существуетъ чуть-ли не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ браминскіе мудрецы Капила и другіе развивали каждый свою сложную философскую систему, а великій грамматикъ Панини намѣчалъ дивныя опредѣленія «стройной рѣчи боговъ и Ведъ». Какъ-бы для большей иллюзіи, за стѣнами училища виднѣется странный высокій монолитъ очень давняго періода, перевезенный сюда съ обломками изваяній изъ Сарната и аналогичныхъ съ нимъ по значенію окрестностей, нынѣ почти забытыхъ исторіей и оживляемыхъ лишь проблесками археологическихъ открытій.

Минуя городъ, мы ѣдемъ садами и невзрачной равниной. Слѣва выдѣляется ограда какой-то кумирни съ красно-голубою кровлей. Крики обезьянъ слабо долетаютъ оттуда до нашего слуха. Два-три уродливыхъ рыжеватыхъ животныхъ даже выглядываютъ изъ-за обрамляющихъ ее деревьевъ на дорогу. Тамъ — извѣстнѣйшее капище «кровожадной» Дурги, вокругъ котораго въ волю тунеядствуютъ сотни человѣкоподобныхъ тварей, пользующихся со стороны индусовъ и почетомъ, и лаской, что выражается щедрыми приношеніями и непротивленіемъ всякому безчинству обезьянъ, когда онѣ предпринимаютъ грабительскіе походы на сосѣднее, а то и на дальнее жилье.

Послѣднія долго считались почти неприкосновенными, но съ нѣкоторыхъ поръ благоразуміе жрецовъ беретъ верхъ надъ пошлыми суевѣріями, и «двуногихъ» тварей по ночамъ стараются сплавлять цѣлыми стадами въ джонгли за рѣку.

Отсюда царю Соломону какъ рѣдкость добывали павлиновъ и обезьянъ! На порогѣ индійскаго рая, т. е. у струй Ганга, бенаресскія представительницы близкой людямъ породы могли казаться еще оригинальнѣе и забавнѣе, еще сверхъестественнѣе по своимъ качествамъ, чѣмъ болѣе дикія чада лѣсовъ. . .

Августѣйшіе путешественники переправляются на правый берегъ священнаго тока водъ, гдѣ на крутомъ обрывѣ (въ 7 в. отъ города) раскинутъ Рамнагаръ, резиденція по титулу одноименнаго съ городомъ махараджи, который однако не имѣетъ владѣній и живетъ близь него, какъ частный человѣкъ. Громкій санъ его отнюдь не соотвѣтствуетъ скромному дѣйствительному положенію. «Владыка Бенареса», «подобіе одного изъ Царей-Волхвовъ», притекшихъ по преданію за таинственной звѣздой съ Востока поклониться Предвѣчному Младенцу, — едва-ли не единственный въ странѣ «князь браминской крови» (хотя и касты низшаго подраздѣленія), находясь непосредственно около духовнаго центра

Индіи (въ сущности при довольно убогой внѣшней обстановкѣ) производитъ и долженъ производить на пришельцевъ съ Запада скорѣе печальное и тяжелое впечатлѣніе. . . .

Конечно, время — безжалостный палачъ, но когда оно уничтожаетъ или умаляетъ матеріальныя созданія духа человѣческаго, съ фактомъ забвенія или съ величіемъ многихъ руинъ еще миришься и даже порою проникаешься къ нимъ благоговѣніемъ: если однако жизненныя формы — тѣ же, но въ каррикатурномъ видѣ и неестественномъ освѣщеніи — наше мыслящее «я» противъ воли протестуетъ отъ сознанія, какъ обидна дѣйствительность. . . Нѣчто похожее приходится испытывать, напримѣръ, сегодня, приближаясь къ декорированной пристани махараджевыхъ палатъ, надъ которой заняли ведущую въ гору тропу три-четыре слона, столь необходимые съ точки зрѣнія индійскаго оффиціальнаго пріема.

Рамнагаръ! . . . . Въ наши дни — пустое, хотя и звучное названіе старой крѣпости, гдѣ когда-то (да, впрочемъ, и недавно — при великомъ государственномъ дѣятелѣ прошлаго вѣка, Уорренъ Гастингсѣ) туземные представители браманизированнаго народа мнили себя самостоятельными и непобѣдимо-властными! Положимъ, ихъ иногда (съ XII в.) громилъ исламъ, положимъ, близость европейцевъ ощущалась съ каждымъ вѣкомъ замѣтнѣе; но сильные иллюзіей своего прежняго случайнаго могущества (правда, въ очень тѣсномъ районѣ!) и относительнаго значенія, предшественники нынѣшняго развѣнчаннаго князя держались здѣсь еще надъ толпой въ видѣ чего-то органически съ нею связаннаго и какъ-бы устойчиваго.

Около 1780 года богатый мѣстный махараджа Чейтъ-Сингъ, уплатившій сотни тысячъ червонцевъ поддерживавшей его противъ соперниковъ остъ-индской компаніи, наконецъ утомился постоянными требованіями о присылкѣ непомѣрно крупной дани (подъ конецъ съ него спросили сразу — въ видѣ жестокой, несправедливой пени — пять милліоновъ рублей) и отказался выставлять въ пользу англичанъ болѣе 1000 сипаевъ. Уорренъ Гастингсъ тогда прямо отправился съ конвоемъ къ строптивому туземному правителю, и, несмотря на то, что этотъ его встрѣтилъ далеко на дорогѣ и въ знакъ дружелюбія положилъ ему на колѣни свою чалму, предательски велѣлъ арестовать князя на зарѣ въ его собственномъ дворцѣ.

Ясно, какъ возмутилась бенаресская чернь: цѣлые сонмы тихихъ богомольцевъ вооружились, сплотились, двинулись на выручку популярнаго среди нихъ Чейтъ-Синга. Свыше двухъ или трехсотъ солдатъ калькутскаго генералъ-губернатора (цифра огромная для того періода и даже теперь!) кровью заплатили за нанесенную обиду. Махараджа успѣлъ бѣжать во время смятенія, спустившись со стѣны, на нѣсколькихъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ повязкахъ, въ лодку на рѣкѣ. Когда распространилась вѣсть объ его освобожденіи, незлобивые индусы отступили въ городъ, продолжая однако сбираться скопищами, на случай нападенія со стороны Уорренъ Гастингса.

Чейтъ-Сингъ писалъ ему, прося забыть о кровопролитіи. Сосѣдняя Индія волновалась. До царства Оуда доходило негодованіе населенія, — и тѣмъ не менѣе, стоило остъ-индской компаніи послать къ Бенаресу отрядъ настоящихъ войскъ, и тридцатитысячная громада добровольныхъ защитниковъ махараджи разсѣялась. Тщетно взывалъ Чейтъ-Сингъ въ посланіяхъ къ другимъ единоплеменнымъ властителямъ: «Мои поля обработаны, мои деревни переполнены жителями, мое княжество — цвѣтущій садъ, мои подданные благоденствуютъ. Въ мой Бенаресъ стекаются важнѣйшіе въ странѣ купцы, вѣря въ то, что собственность тутъ обезпечена. Сокровища маратовъ, сикховъ, джатовъ и отдаленнѣйшихъ рассъ Индіи скопляются въ чертѣ моего города. Сюда безбоязненно

идутъ (подъ покровъ святынь) и вдовы, и сироты. Въ моихъ владѣніяхъ путникъ вездѣ спокойно слагаетъ съ плечъ ношу и, не зная опасеній, отдыхаетъ. Посмотрите рядомъ съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находится край, завоеванный англичанами: голодомъ и нищетой, разбойничьими подвигами, заброшенными пашнями, вымершимъ жильемъ, — вотъ чѣмъ онъ отмѣченъ въ глазахъ наблюдателя. Этимъ иноземцамъ мало было разорять меня: они пожелали моихъ земель, моей крѣпости, моей чести, моей бѣдной семьи. Воспрянемъ, друзья! Изгонимъ хищныхъ пришельцевъ! Это — общее дѣло, за которое слѣдуетъ постоять.»

Въ результатѣ Рамнагаръ окончательно достался Уорренъ Гастингсу, и въ княжескихъ кладовыхъ нашли около $2^1/_2$ милліоновъ рублей. Какъ щедро тогда себя вознаграждали участники такихъ походовъ, видно, напр. изъ слѣдующаго: начальникъ отряда маіоръ Пофамъ взялъ изъ конфискованнаго имущества лично для себя 360,000 р., прочіе офицеры — отъ 40 до 56,000, солдаты — до 14,000 каждый! Развѣ удивительно послѣ того слышать, что Индія, при всей мудрости господствующихъ въ ней порядковъ, de facto опустошена, изсякаетъ въ самыхъ корняхъ: отъ перехода богатствъ въ чужія руки? Остъ-индская компанія, не удовольствовавшись захватомъ стратегически жалкой твердыни, вскорѣ отобрала еще тридцать милліоновъ рублей у двухъ вдовствующихъ султаншъ царства Оудъ, какъ-бы въ наказаніе за сочувствіе протестовавшимъ у Бенареса. Но такого рода симпатіи были въ сущности совершенно естественны въ виду долгой общепризнаваемой политической связи здѣшнихъ махараджей съ могущественнымъ Лэкноу. Англійскія власти лишь въ 1775 г. оттягали себѣ право на нѣкотораго рода главенство надъ важнѣйшимъ центромъ индуизма.

Чейтъ-Сингъ тщетно пытался усидѣть (въ 85 в. къ югу отъ Бенареса) въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ Биджиргаръ, затѣмъ скрылся въ горы области Бунделькундъ и умеръ двадцать лѣтъ спустя изгнанникомъ у Гваліора, памятуя, какъ его брошенный въ Рамнагарѣ гаремъ съ 300 женщинъ грубо обыскивали иноземные солдаты, какъ съ его плѣнной матери снимали украшенія, какъ съ неповиннаго города взыскали еще четыре милліона рублей контрибуціи. Эта столь любопытная и столь понятная намъ Азія черезчуръ богата случаями однороднаго характера!

Августѣйшихъ путешественниковъ встрѣчаетъ у пристани его высочество махараджа бенарессій Прабу Нараянъ Сингъ со старшимъ взрослымъ сыномъ: они — потомки юноши-племянника Чейтъ-Синга, котораго Уорренъ Гастингсъ намѣтилъ послѣднему въ номинальные преемники, отобравъ однако всякую власть и назначивъ сюда въ окрестности особаго полномочнаго резидента.

Развѣнчанная династія изъ «браминскаго Іерусалима» еще обладаетъ очень хорошими средствами, довольно значительными помѣстьями, правомъ на салютъ въ 13 выстрѣловъ со стороны королевскаго правительства.

При отсутствіи честолюбивыхъ стремленій, она живетъ (уже долѣе вѣка) внѣ внутренней борьбы, волнующей Индію. Съ тѣхъ поръ здѣсь въ центрѣ дважды убивали англійскихъ чиновниковъ, вспыхивалъ въ 1857 г. мятежъ, въ молчаливомъ негодованіи морилъ себя голодной смертью народъ (что считается грознымъ нравственнымъ явленіемъ, коего послѣдствія, согласно мѣстнымъ суевѣріямъ, всецѣло должны ложиться на вызвавшихъ его); но въ Рамнагарѣ царили видимая тишина и довольство. Священныя струи Ганга,

несущаго въ знойныя моря «снѣжную» тайну заоблачно-дивныхъ Гималаевъ, словно убаюкали и смирили наслѣдниковъ Чейтъ Синга.

Въ посѣщаемую Наслѣдникомъ Цесаревичемъ крѣпость достопамятнѣйшимъ гостемъ пріѣзжалъ раньше, къ дядѣ нынѣшняго князя, принцъ Уэльскій, вступившій на этотъ берегъ въ вечернее время, при ослѣпительномъ блескѣ серебряныхъ факеловъ и эффектной иллюминаціи рѣчнаго обрыва.

Ихъ Высочества направляются къ рамнагарскимъ палатамъ съ окружающимъ ихъ городкомъ, сидя на слонахъ, лѣниво переваливающихся на пути въ гору. У воротъ и во дворѣ, близь «краснаго крыльца» стоитъ немногочисленная стража въ убогомъ средневѣковомъ вооруженіи. Подобіе почетнаго караула въ панцыряхъ вызываетъ въ европейцѣ понятное изумленіе. Вступая-же въ дворцовыя залы, обставленныя отчасти на европейскій ладъ, ощущаешь какое-то смѣшанное чувство горечи и разочарованія.

Но вотъ передъ возвышенными сѣдалищами махараджи и его Гостей заунывно дрогнули звуки туземной плясовой музыки. Три старыхъ безцвѣтныхъ баядерки медленнымъ хороводомъ двинулись вдоль «троннаго» покоя. . . Съ миѳическихъ временъ въ странѣ принято тѣшить взоры властителей граціею дѣвушекъ, отдавшихъ себя на служеніе хореографическому искусству. Сами боги любуются въ недосягаемыхъ чертогахъ совершенно аналогичною пляскою сверхъ-естественныхъ прекрасныхъ существъ. Бенаресъ издревле славится баядерками, которыхъ даже выписываютъ въ отдаленнѣйшія части Индіи. Въ Рамнагарѣ, конечно, нельзя — несмотря на поверхностный отпечатокъ новѣйшей цивилизаціи — обойтись безъ танцевъ («начъ»), почти обязательныхъ въ каждомъ случаѣ высокоторжественнаго пріема.

Затѣмъ идетъ традиціонное увѣнчиваніе гирляндами, поднесеніе розовой воды или какой-то иной благовонной эссенціи. Августѣйшіе путешественники со свитой снимаются вмѣстѣ съ радушнымъ хозяиномъ, большимъ любителемъ фотографіи. Первая группа сдѣлана на террассѣ дворца, вторая — у главнаго подъѣзда: на слонахъ. Махараджа показываетъ Имъ охотничьи трофеи (особенно массы тигровыхъ шкуръ) и бездѣлушки изъ слоновой кости, составляющія настоящую коллекцію образчиковъ превосходной туземной рѣзьбы, приглашаетъ отправиться за рѣку, въ свой заповѣдный лѣсъ, изобилующій звѣрьемъ и дичью. Прабу Нараянъ — одинъ изъ видныхъ спортсмэновъ Индіи.

Намъ остается замкнутой и даже въ общихъ чертахъ неуловимой домашняя, такъсказать духовная жизнь этого симпатичнаго князя. Тамъ, за стѣнами дурбарной залы (гдѣ-то надъ пристанью) есть, какъ говорятъ, интереснѣйшій храмъ въ честь Ведавіаса, чудеснаго собирателя ведаическихъ пѣснопѣній и заклинаній, который по дорогѣ въ Бенаресъ, приближаясь къ цѣли странствованія (къ столь великой святынѣ!) вдругъ умилился и рѣшилъ, что съ него достаточно счастья дойдти до Рамнагара. Тутъ онъ освятилъ берегъ, считавшійся гораздо менѣе благополучнымъ, чѣмъ противоположный, и учредилъ праздничное богомолье съ января на февраль, съ цѣлью привлекать отовсюду (между прочимъ, также изъ «гордаго» сосѣдняго города) индусовъ, жаждущихъ обряда и очищенья.

Жарко и свѣтло на царственномъ Гангѣ. Огромная пестро раскрашенная баржа подъ тентомъ, съ деревянными примитивной работы конями на носу, плавно скользитъ по направленію къ скученнымъ храмамъ и зданіямъ центра браминскихъ божествъ. Мы почему-то не видѣли (въ Рамнагарѣ) созданную для культа махараджи мраморную статую

женскаго генія рѣки, по которой насъ катитъ теченіе. А жаль! Оригинальный кумиръ, по описанію осматривавшихъ его, изображенъ въ діадемѣ и возсѣдаетъ на изваянномъ крокодилѣ, являющемся эмблемою этихъ самыхъ водъ. У богини — 4 руки: въ одной — лотосъ, въ другой — «лота» (металлическій сосудъ), третья просто опущена, четвертая слегка приподнята. Дравидо-арійское творчество такъ много подразумѣваетъ подъ символической фигурой дочери горъ, — единственной въ своемъ родѣ «Ганги» (отъ санскритскаго *gam* — идти), что, дѣйствительно, съ разныхъ точекъ зрѣнія любопытно было бы всмотрѣться въ нее, приступая къ бѣглому обозрѣнію таинственнѣйшаго изъ азіатскихъ городовъ.

Отчего она пользуется такимъ значеніемъ и обаяніемъ? Откуда могла возникнуть столь пламенная вѣра въ ея магическія свойства? Что въ поклоненіи «божественной» рѣкѣ достойно размышленія, истолкованія?

Влага вообще чтится на Востокѣ. Культъ змѣй, по всей вѣроятности, связанъ съ первобытными представленіями о струящейся водѣ. Веды именуютъ животворные водяные токи богинями, «матерями земли». Гдѣ природа — мачиха, если нѣтъ орошенія; тамъ человѣкъ естественно поклоняется олицетворенному источнику плодородія. Кто же болѣе Ганга подходитъ въ умѣ индусовъ къ олицетворенію щедротъ по отношенію труженниковъ-пахарей, изъ которыхъ въ сущности состоитъ девять десятыхъ населенія страны?

На протяженіи тысячъ верстъ онъ его питаетъ и ростить. Цѣлыя поколѣнія лѣпятся на увлажаемой имъ почвѣ, такъ-сказать исключительно по милости его утучняющаго ила и никогда неиссякающихъ струй. Дѣтище Гималаевъ вообще гораздо полноводнѣе благодѣтельнаго Нила, и притомъ, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется близкой подпочвенной влаги, гдѣ нѣтъ хорошихъ колодцевъ.

Образуясь въ далекихъ горахъ почти недосягаемаго сѣвера, важнѣйшая индійская рѣка сначала порывисто устремляется отъ роднаго ледника, съ высоты 13,800 футовъ надъ уровнемъ моря. Міросозерцаніе браманистовъ какъ-то невольно поэтизируетъ происхожденіе Ганга изъ чуждыхъ знойному югу снѣговъ. Вишнуиты убѣждены, что онъ пробивается наружу въ «Вайкунтѣ», наилучезарнѣйшемъ раю ихъ бога, брызнувъ изъ-подъ его чудотворной стопы. Шиваиты, напротивъ, рисуютъ ищущую воплощенія рѣку спускающеюся съ неба по окованнымъ стужею волосамъ ихъ завѣтнаго божества; страшный Шива, застывшій (среди заоблачныхъ чертоговъ своего «Кайласа») въ созерцаніи мертваго простора вкругъ горныхъ окрестныхъ вершинъ, точно вошелъ вдругъ въ положеніе жаждущихъ пробужденія полуденныхъ странъ и является проводникомъ творческаго тока водъ, низвергающихся съ головы и плечъ этого настоящаго владыки вселенной: правда, онъ разрушаетъ, но онъ же первоначально и способствуетъ всякому созиданью.

Рѣка, по которой скользитъ барка Гостей бенаресскаго махараджи, считается чуть-ли не самой священной въ Индіи. Недаромъ, есть даже большой народный праздникъ (Дасахара), исключительно памятующій нисхожденіе ея съ небесъ. Искупаться въ ней тогда, принося въ жертву цвѣты и злаки, значитъ загладить грѣхи десяти предъидущихъ существованій. Впрочемъ, брамины, обитающіе на берегахъ Нэрбуды (въ Декканѣ) и Кавери (на югѣ, въ Мадрасскомъ президентствѣ), почему-то предсказываютъ, будто обаяніе Ганга вскорѣ исчезнетъ и перейдетъ къ двумъ послѣднимъ, какъ обладающимъ еще бо́льшею способностью очищать отъ грѣховъ. Пока, однако, нѣтъ осязательныхъ доказательствъ тому, чтобы подобный переворотъ во внутренней жизни края дѣйствительно совершился. Милліоны богомольцевъ по прежнему наводняютъ нѣкоторые особенно

излюбленные пункты исцѣляющей и духовно возрождающей рѣки, уносятъ отсюда въ даль сосуды съ ея влагой, освѣжаютъ ею запекшіяся уста тяжко больныхъ и умирающихъ. Постоянно находятся ревнители «хожденія съ молитвой вдоль Ганга», (что называется «Прадакшина») отъ истоковъ до устьевъ и обратно по противоположному побережью. Иные индусы, путешествуя такимъ образомъ, послѣ каждаго шага падаютъ ницъ, затѣмъ ступаютъ впередъ, начиная съ мѣста, котораго только-что коснулись челомъ, опять ложатся на землю и т. д. Подобный подвигъ-переходъ въ совокупности продолжается нерѣдко шесть мучительныхъ лѣтъ. Одинаково поступаютъ сѣверные буддисты (ламаиты), безконечно много времени затрачивая на посѣщеніе своихъ крайне разбросанныхъ религіозныхъ центровъ. При этомъ нерѣдко проходится тотъ же искусъ.

Не довольствуясь существованіемъ видимаго Ганга (длиною въ 3000 верстъ), туземцы повсюду въ странѣ ищутъ незримой связи различныхъ водоемовъ съ его великимъ лономъ. Кто глубоко вѣрилъ въ нее, силой упованія могъ по преданію притягивать, куда угодно, подземное теченіе неисчерпаемой рѣки. Вотъ отчего частицами ея признается въ Индіи немало колодцевъ, изъ коихъ едва-ли не самый извѣстный находится въ Гангакандапурѣ (въ округѣ Тричинополи, Мадрасскаго президентства).

Передъ Августѣйшими путешественниками развертывается одно изъ любопытнѣйшихъ и во всякомъ случаѣ единственное по своеобразности зрѣлище въ мірѣ. Архаическій Бенаресъ, очагъ языческихъ вѣрованій и совершенно недоступныхъ европейцу взглядовъ на жизнь, встаетъ вдоль побережья, блистая свѣтло-сѣрыми громадами своихъ храмовъ и чертоговъ. На противоположной отъ него сторонѣ спокойно-широкаго Ганга тянутся желтые пески. Здѣсь же, гдѣ медленно движется наша барка, рѣка величавымъ изгибомъ заворачиваетъ къ «городу боговъ», городу обоготворяемаго солнца и кумиренной тайны. . . Глухо несется съ высокой терассы близкаго капища, надъ сосѣднимъ обрывомъ, мѣрный звукъ гонга, о чемъ-то говорящій сбѣгающейся толпѣ. Что это за пестрый по составу народъ! Какъ безъискусно сочетается въ немъ жгучее любопытство при встрѣчѣ Русскаго Престолонаслѣдника съ неудержимой потребностью единовременно служить религіозному чувству! . . Оживленныя группы горожанъ и смѣшанныхъ съ ними богомольцевъ наполняютъ узкія набережныя и гигантскія лѣстницы («гаты»), спускающіяся къ «священной» рѣкѣ. Многія изъ нихъ — въ періодѣ разрушенія, равно какъ и нѣкоторыя сооруженія, слишкомъ непосредственно склонившіяся у крутизны надъ лѣнивымъ бѣгомъ мутныхъ струй. Серебристо-хрустальный на своей родинѣ токъ спасительныхъ водъ, по мѣрѣ удаленія отъ Гималаевъ, замедляетъ порывистое теченіе, мѣшается съ прахомъ, проникается цвѣтомъ матери-земли, и тише катитъ къ морю щедроплодоносныя, но уже весьма невзрачныя волны. Для индуса, однако, эта влага одинаково чудотворна. Густыя вереницы женщинъ, дѣтей, стариковъ, людей всякаго возраста и состоянія движутся вверхъ и внизъ по широчайшимъ ступенямъ, ведущимъ къ лону Ганга: кто набожно и подолгу погружается въ него, кто безъ умолку шепчетъ традиціонныя молитвы, остановившись тутъ же рядомъ въ блаженномъ экстазѣ, — кто черпаетъ воды въ тяжелый кувшинъ, кто тянетъ за собой или поддерживаетъ еле бредущаго больнаго. Лысый, пожилой человѣчекъ въ зеленомъ плащѣ равнодушно примостился въ тѣни огромнаго соломеннаго зонта, какихъ много вдѣлано на бенарсскомъ берегу. Хрупкій маленькій мальчикъ, съ мягкими задумчивыми глазками, — въ бархатной

шапочкѣ, шитой золотыми цвѣтами, — повидимому поджидаетъ мать, совершающую обычныя религіозныя омовенія. Здѣсь, у Ганга, для купающихся нѣтъ кастъ и предразсудковъ, нѣтъ желѣзнаго гнета внѣшнихъ условій, которыя почти всегда требуютъ отъ каждаго браманиста, а тѣмъ болѣе отъ мѣстнаго слабаго пола соблюденія строго опредѣленныхъ жизненныхъ формъ. Стыдливая и полоненная теремомъ супруга знатнаго туземца, отродясь не показывавшая ни одному чужому мужчинѣ своего лица, у «гатъ» свободно и безбоязненно снимаетъ съ чела покрывало: вѣдь поступая такимъ образомъ и входя въ желанный, вѣчно дорогой Гангъ, сопричисляешься небожителямъ, не можешь и въ помышленіяхъ согрѣшить, отождествляешься съ существами высоко-чистыми и непорочными! Погружающіеся въ рѣку вполнѣ соблюдаютъ должное приличіе. Обнаженныхъ тѣлъ нигдѣ не замѣчаешь. Рѣдко если бородатые купальщики, по поясъ стоя въ водѣ, распахнутъ на груди мокрое одѣяніе.

Сегодня, по индійскимъ понятіямъ — сравнительно прохладный день. Долгое пребываніе въ рѣкѣ навѣрно ощутительно отзывается на ревнителяхъ и ревнительницахъ, но они бодро переносятъ ознобъ и не торопятся сушиться на берегу. Ветхая, сѣдовласая старуха, съ прилипшими къ ея оставу складками алой ткани, словно вросла въ илъ у залитой на половину часовенки, вкругъ которой тѣснится жаждущая омовеній толпа, а надъ послѣдней поминутно вспархиваютъ голуби или вороны, взлетаютъ коршуны-стервятники, льетъ свои зимніе лучи безучастное къ этой земной суетѣ тускловато-бирюзовое небо.

Зданія, составляющія безконечную набережную Бенареса, въ сущности являютъ изъ себя сплошную вереницу башенъ и стѣнъ необыкновенной крѣпости и высоты. Золотистые каменные фасады, отражающіе трепетъ солнца, многоэтажны и вообще давятъ размѣрами, потому что каждая пядь земли надъ лономъ «священной» влаги дороже драгоцѣнныхъ металловъ и преисполнена мистическаго значенія. Всякому раджѣ или богачу-браминисту лестно построиться или просто поселиться въ непосредственной близости Ганга. Оттого-то надъ его побережьемъ такъ круто и возносится городъ языческихъ храмовъ, центръ языческаго благочестія. Только одна подробность должна (въ глазахъ истиннаго шиваита или вишнуита) оскорблять богомольца своими рѣзкими какъ диссонансъ очертаніями, это — минареты мечети Аурангзеба, словно парящіе воплощенною побѣдою ислама надъ отвратительными для него приръчными мольбищами идолослужителей: протестъ односторонне понимаемаго единобожія противъ избытка пантеистическихъ чувствъ у народовъ, живущихъ вѣчно творящею фантазіей!

Фанатикъ-Моголъ, временно дохнувшій разрушеніемъ на мирный Бенаресъ и даже переименовавшій его въ Мухаммадабадъ, представляетъ собою въ общемъ уродливое исключеніе изъ числа мудрыхъ мусульманскихъ правителей сѣверной Индіи, которые чаще всего воздерживались отъ насилій надъ духовной жизнью коренныхъ элементовъ страны. Хотя поверхностно изучавшіе исторію края считаютъ завоевателей изъ Турана грубѣйшими иконокластами, безпощадными врагами памятниковъ древне-языческаго искусства; но этотъ взглядъ теперь все болѣе и болѣе признается ошибочнымъ. Султаны умѣли быть вѣротерпимыми по отношенію къ созданіямъ иновѣрнаго зодчества и обыкновенно довольствовались оскверненіемъ кумиренъ кровью «священныхъ» коровъ, съ обращеніемъ первыхъ въ мечети.

Хотя Бенаресъ и подвергся сравнительно ожесточенному натиску ислама, сторонники послѣдняго тѣмъ не менѣе играютъ ничтожную роль среди мѣстнаго браминскаго «благолѣпія»: индуизмъ заразилъ собою на Гангѣ религію «пророка» Магомета. Исповѣ-

дующіе ее одинаково съ язычниками, преспокойно совершаютъ омовенія въ рѣкѣ у тѣхъ самыхъ «гатъ», гдѣ чтимые народомъ аскеты-гяуры добровольно топились въ обожествляемыхъ струяхъ или откуда они прямо (огненными языками) возносились на небо, — гдѣ каждый камень, каждая влажная ступень отмѣчены какимъ-нибудь чудомъ, какою-нибудь подробностью изъ соприкосновенія многообразныхъ боговъ и богинь съ мѣстными «святынями», съ шиваито-вишнуитскими центрами молитвы и покаянія.

Англійскіе солдаты, какъ говорятъ, тоже ходятъ купаться въ Гангъ; но видъ обнаженныхъ «бѣлыхъ» людей, со смѣхомъ нарушающихъ непорочное обаяніе «дочери снѣговъ», невыгодно для европейцевъ отражается на мысляхъ прирѣчнаго населенія.

Какъ быстро и какъ безшумно оно скопляется на лѣстницахъ, торопясь всмотрѣться въ Высокаго Гостя на баркѣ махараджи! Разноплеменнѣе этой толпы мы еще нигдѣ не встрѣчали: что ни фигура, все — смѣсь обыденной индійской прозы съ красками изъ иного міра, отрѣшающаго отъ узъ земли. Грязныя доски плотовъ у воды, кучи мусора у преддверья наглухо замкнутыхъ храмовъ, изможденно-отвратительныя тѣла юродивыхъ бродягъ, упитанно-самодовольныя лица браминовъ, задрапированныхъ въ бѣлое, болтовня прачекъ у «льющей блаженство» рѣки, острый запахъ гари отъ испепеляемыхъ гдѣ-то по близости труповъ, толкотня богомольцевъ надъ «влажнымъ лономъ чистоты и конечнаго покоя», аляповато-тяжелыя украшенія цѣлой группы баядерокъ, тоже погружающихся въ спасительныя струи, — до чего подобное зрѣлище необычно и ново! До чего лгало воображеніе, рисуя Бенаресъ полувоздушнымъ городомъ, отражающимъ одну лучезарную древность! Нижнія капища, при непосредственномъ къ нимъ приближеніи, сѣрѣютъ выцвѣтшими фасадами, — жалкіе туземцы на обсыпающемся берегу смотрятъ сентябремъ, духовная столица Шивы начинаетъ поражать безхитростностью и невзрачностью своего убора и движенія. Тысячи и тысячи человѣческихъ существъ саранчею сползаютъ въ мутную гигантскую «купель», измышленную народомъ какъ объектъ вѣры и поклоненія. Всего страннѣе и рельефнѣе проявляется экстатическое поведеніе женщинъ. Онѣ всей душей ушли въ обрядъ, обратились въ порывъ, принадлежатъ не окружающей жизни, а Гангу.... Великій таинственный Гангъ, услади имъ сердце и обнови! Что эти несчастныя падчерицы рока, — даже при извѣстномъ счастьи, выпадающемъ на долю большинства семействъ въ индійскомъ простонародьѣ, — что онѣ видятъ отъ судьбы, кромѣ борьбы съ голодомъ и кромѣ вѣчнаго соціальнаго безправія? Замѣчательнѣйшій знатокъ и бытописецъ Индіи Рудіярдъ Киплингъ правдиво сказалъ про туземца поселянина:

> His life is a long drawn question
> Between a crop and a crop.

Если такое пессимистическое опредѣленіе примѣнимо къ мужчинамъ, то слабый полъ и подавно долженъ являться предметомъ состраданія съ европейской точки зрѣнія. У насъ Толстой во «Власти тьмы» очертилъ весьма просто и ужасно психику русской крестьянки: чѣмъ отмѣтить, — скользя мимо женъ индуизма, — ихъ воплощенныя скорби, источникъ ихъ упованій и моленій? Здѣсь — въ странѣ, гдѣ прояснился монашескій обликъ Будды и ему подобныхъ «учителей», — жизнь била и бьетъ ключемъ со столь неумолимою силою, что мыслители саму ее сочли за божество, опредѣлили рядомъ миѳологическихъ названій, однимъ словомъ всячески ее антропоморфизировали. Вѣчная смѣна и преемственность явленій получила въ глазахъ народа отпечатокъ свыше даруемой законности: женщина поэтому внѣ брака и материнства ничего не знаетъ, ни о чемъ не грезитъ, ничему себя не способна отдать. Если нѣтъ дѣтей, — на ней тяготѣетъ проклятіе;

если придетъ вдовство, она становится ничтожнѣйшимъ звеномъ въ цѣпи существъ. За чадородіемъ или уврачеваніемъ больной осиротѣлой души притекли сюда къ лону Ганга эти горожанки и странницы въ пестроцвѣтныхъ, свободно откинутыхъ покрывалахъ! Какія кротко-вдумчивыя поднятыя къ небу очи, какой нѣжный овалъ иной склонившейся надъ рѣчными струями женской головы! По общему свидѣтельству изучавшихъ современный строй Индіи, страна сплошь обладаетъ образцовыми любящими женами, примѣрными матерями. Вся ихъ внутренняя жизнь сводится къ религіи, къ постоянной самоохранѣ членовъ семьи отъ сглазу, отъ порчи, отъ зависти боговъ и богинь.

Смертность при родахъ здѣсь, на югѣ, поразительно велика. Передъ наступленіемъ роковаго дня мученій принято устраивать праздникъ въ честь ожидающей плода, увеселять ее пѣніемъ и пляской (научъ), дарить бѣдняжку какъ-бы на прощаніе. Хорошо еще для нея, если родится сынъ и родственники возликуютъ; если будетъ дѣвочка, то вмѣсто радости ее встрѣтитъ огорченіе за то, что судьба немилостива, лишая отца прямыхъ наслѣдниковъ и необходимыхъ по закону молельщиковъ за души предковъ. Родильница долго остается почти безъ ухода. Ее ввѣряютъ весьма ненадежнымъ попеченіямъ Шасти, сверхъестественной покровительницы царства дѣтей и вообще женскаго благополучія: тучная, желтая — она (согласно повѣрьямъ) охотно является на зовъ, стоя на своемъ любимомъ животномъ — домашней кошкѣ; отъ этой небожительницы зависитъ участь жены и ребятишекъ каждаго индуса. Немудрено, если капризную богиню всѣми мѣрами умилостивляютъ, ублажаютъ. Не о ней-ли невольно призадумались, омрачивъ лучистые взоры, поклонницы Ганга, благоговѣйно погружающіяся въ него въ двухъ шагахъ отъ насъ? Или, можетъ статься, матерямъ важно предотвратить мольбами страшное посѣщеніе богини Ситлы (оспы), отъ которой въ деревняхъ мало спасенія (развѣ только одѣвать дѣтишекъ въ лохмотья, чтобы свирѣпствующая болѣзнь прошла мимо, не замѣчая тѣхъ, кто, по видимому, въ пренебреженіи и чья доля недостойна зависти, злобы)?

Какіе-то угрюмые люди въ одеждѣ, опушенной мѣхомъ, съ дорожными посохами въ рукахъ, рѣзко выдѣляются въ толпѣ, наводняющей побережье. Это — нэпальцы, которые тоже связаны съ центромъ индуизма. За ближайшими къ рѣкѣ зданіями виднѣется, между прочимъ, рѣзная кровля тибето-китайскаго архитектурнаго стиля, надъ кумирнею, воздвигнутою здѣсь однимъ правителемъ, изгнаннымъ изъ Катманду, нагорной столицы края.

Бенаресъ представляется священнымъ и для этихъ сѣверянъ, принадлежащихъ скорѣе къ «желтой рассѣ», такъ какъ по преданію сами буддійскіе вѣроучители (Маньчжушри, Гаутама) насадили въ горахъ индійскую вѣру, — причемъ, правда, въ концѣ концевъ шиваизмъ сталъ господствующей религіей, — и кромѣ того царствующія тамъ династіи любили кичиться раджпутскимъ происхожденіемъ, — а извѣстно, до какой степени послѣднее связываетъ съ почитаніемъ древности, т. е. съ культомъ всего того, что было завѣтно предкамъ. Потому и теперь еще образованные горкинцы или, пожалуй, точнѣе «гуркалинцы» (наиболѣе воинственные обитатели Нэпаля, — изъ области Гуркали) находятъ достаточнымъ, осквернивъ себя напр. посѣщеніемъ Англіи или Китая (съ дипломатическими цѣлями) искупаться, затѣмъ, у видимыхъ нами «гатъ».

Каждая лѣстница имѣетъ свою сказочную исторію, свое строго опредѣленное соотвѣтственное наименованіе. Грандіозною панорамою развертывается «городъ» блаженствующихъ въ немъ браминскихъ «боговъ». Вотъ дворцы-кумирни ревнителей мѣстнаго благочестія — раджей нагпурскаго (изъ Центральной Индіи) и аметійскаго (изъ Оуда);

вотъ дальше въ сторонѣ храмы джайнистовъ. . . . . Въ центрѣ набережной находится Маникараника, важнѣйшая часть бенаресскаго побережья, въ смыслѣ значенія для притекающихъ сотенъ тысячъ богомольцевъ. Наверху, гдѣ кончаются идущія отъ воды ступени, есть водоемъ, вырытый добротворцемъ Вишну и наполненный исключительно его испариной. Когда Шива заглянулъ туда, безчисленныя солнца засіяли ему на встрѣчу, а его лучезарный собратъ попросилъ «мрачнаго» пришельца съ Кайласы навсегда остаться на этомъ мѣстѣ. Тотъ обрадовался лестному предложенію и сильно тряхнулъ головой, такъ что одна изъ его серегъ упала въ колодезь. Оттого-то послѣдній и получилъ названіе отъ «мани» (драгоцѣнность) и «карна» (ухо). Все вокругъ тоже чѣмъ-нибудь замѣчательно. Тутъ — отпечатокъ ступней Вишну, здѣсь — кумиръ, отстраняющій засуху и содержимый въ резервуарѣ со влагой: стоитъ богу-покровителю забыть про свои прямыя обязанности, и его лишаютъ воды, дабы принудить къ служенію нуждамъ человѣчества. Въ чудесный колодезь Маникараники индусы бросаютъ сандальное дерево, цвѣты, рисъ и сласти, даже льютъ молоко; можно вообразить, въ какой степени разложенія получается туземцами отвратительное пойло, которое оттуда достаютъ.

Подобныхъ разсадниковъ гнилостнаго тифа и холеры (и въ данное время въ Бенаресѣ не благополучно!) — нѣсколько. Обоняніе и вкусъ вѣрующихъ, должно быть, отъ этого не страдаютъ, подъ бременемъ умиляющихъ впечатлѣній. Припутешествовавшіе издалека лишь искреннѣе каются въ грѣхахъ и, при усиленіи смертности въ своей средѣ, усматриваютъ въ ней новое доказательство заслуженной немощи «земнородныхъ». Смѣютъ-ли люди роптать на судьбу и до заботы-ли имъ о гигіенѣ, если спокон вѣка такъ жилось и будетъ житься тѣмъ, кто прибѣгаетъ близь «священныхъ» струй подъ покровъ «истинныхъ міроправителей»? Не они-ли дѣлаютъ всевозможное для возвеличенія города, для спасенія души ревнителей?! Не боги-ли тутъ особенно пекутся объ уврачеваніи одержимыхъ различными недугами, о прокормленіи массы неимущихъ и т. п.

Передъ нами — печальнѣйшее изъ зрѣлищъ: у берега прикрѣплены два-три маленькихъ суденышка съ лѣсомъ, тощіе костры сложены на грязной обуглившейся землѣ, недвижное тѣло подъ алой тканью покоится у самой воды. . . . Это — мѣсто сожженія отошедшихъ къ праотцамъ! Сейчасъ оно почти безлюдно. Огонь, зажженный чьей-то родственной рукой, медленно обвиваетъ собою одну старушку съ изсохшимъ лицомъ. По мѣрѣ того что пламя разростается, ноги покойницы судорожно подымаются и трупъ вздрагиваетъ въ шелестѣ огненныхъ струй. Тяжелая картина, невыразимыя ощущенія при созерцаніи традиціоннаго обряда! . . . . .

Подлѣ, надъ пристанью, жрецы говорятъ молитвословіе, установленное за испепеляемыхъ. У крошечнаго песочнаго алтаря (веди) какой-нибудь оплакивающій отца почтительный сынъ, съ помощью брамина, принимаетъ мѣры къ облегченію загробной участи дорогаго существа. Другой потомокъ кормитъ нищихъ обжоръ изъ касты «богоравныхъ» чадъ Брамы. Позолота капищныхъ куполовъ искрится на солнцѣ, тусклый пепелъ отъ тѣлъ, истлѣвшихъ подъ жгучими лобзаніями божества Агни (олицетвореннаго Огня) сиротливо устилаетъ узкую полоску вдоль побережья. . . . Какъ странно умираютъ и отходятъ въ Неизвѣстное эти бронзовыя дѣти зноя и нужды!

Наслѣдникъ Цесаревичъ изволитъ покинуть барку махараджи около обсерваторіи, построенной въ 1600 г. правителемъ Амбера (современнаго Джайпура). Она принадлежитъ къ числу немногихъ зданій, уцѣлѣвшихъ отъ жестокаго землетрясенія 1828 г.

Августѣйшіе путешественники высаживаются у пристани Дасашвамедъ, — гдѣ боги, искушая одного благочестивѣйшаго мѣстнаго махараджу Дpredecessorдиводаса, заставили его приготовиться къ жертвоприношенію и принести въ жертву 10 коней, что сопряжено было въ древней Индіи съ выполненіемъ и знаніемъ тончайшихъ обрядовыхъ подробностей. Царь съ честью вышелъ изъ испытанія и будто-бы принудилъ самихъ далеко не безгрѣшныхъ небожителей временно удалиться изъ Бенареса.

Коляски приготовлены близь верхней площадки длинной каменной лѣстницы. Обступившая ихъ чрезвычайно характерная толпа состоитъ чуть-ли не изъ всѣхъ племенныхъ элементовъ культурной коммерческой Азіи. На первый взглядъ какъ-то неожиданно сочетаніе въ томъ же многолюдьи: и гибкихъ бенгалійцевъ, и персіанъ, афганцевъ, бухарцевъ, татаръ.... Въ 1824 г. епископъ Хеберъ видѣлъ здѣсь, впрочемъ, также одного грека, прилежно изучавшаго санскритъ, и одного торгующаго русскаго (!!).

ГАНЕША.

Въ такомъ жизненномъ центрѣ дѣйствительно стягивались и стягиваются издавна нити коммерческихъ отношеній цѣлаго міра. Не надо забывать, что здѣшнія ткани искони служили прообразомъ роскошнѣйшихъ матерій Запада. Вавилонъ, Тиръ, Александрія, греко-арабскій Востокъ требовали и покупали бенарсскіе златотканные «кинкобы» (правильнѣе: Kimkhwab). Драгоцѣнное одѣяніе Улисса, столь живо охарактеризованное въ XIX книгѣ Одиссеи, должно было быть сходнымъ съ царскими парчами временъ законодательства Ману, временъ Рамаяны и Махабхараты.

Уже сегодня утромъ мѣстное купечество разложило передъ комнатами Наслѣдника Цесаревича разные нѣжные шелка, перевитые серебряными и золотыми звѣздочками, съ кружевными украшеніями изъ самоцвѣтныхъ камней. Кромѣ того принесены были на продажу всевозможнѣйшіе божки разной величины: изъ алебастра съ наложенными на него грубыми красками и металлическіе. Рядомъ съ танцующею на одной ногѣ богинею любовнаго обольщенія важно усѣлся покровитель знанія и удачи, «мудрый» Ганеша со слоновой головой, которую ему приставилъ отецъ его — Шива, раньше того изуродовавшій во гнѣвѣ это дѣтище Парвати. Усатые каменные истуканчики съ лицемъ настоящихъ jeunes premiers чередовались съ краснорожими олицетвореніями сказочнаго Ханумана, предводительствовавшаго обезьянами, когда Рама совершалъ знаменитый походъ на Цейлонъ. Тутъ же предлагались тигровыя когти, высоко цѣнящіяся туземцами какъ талисманъ.

КАЛЬКУТТА.

Наканунѣ отъѣзда изъ столицы индуизма, въ приготовленной для Августѣйшихъ путешественниковъ пригородной махараджевой резиденціи «Нандешваръ Коти» состоялся вечеръ, устроенный тамошнимъ скучающимъ европейскимъ обществомъ. Туристы издавна тяготятся здѣшними обычаями мучить проѣзжающихъ и всего болѣе нуждающихся въ отдыхѣ иностранцевъ парадными обѣдами, вечерними собраніями и т. п.

Въ виду крайней непомѣстительности дома, — котораго размѣры и старинное убранство чуть-ли не безусловно тождественны съ бывшимъ еще въ январѣ 1799 г., когда тутъ защищался отъ нападенія туземцевъ англійскій резидентъ, — въ гостиной и на смежной крытой терассѣ весьма жарко и тѣсно, что вдвойнѣ чувствительнѣе отзывается на насъ послѣ утомительно проведеннаго дня. Съ цѣлью увеселенія, около 9—10 часовъ, поставлена была какая-то индійская драма, — съ немногими, правда, дѣйствующими лицами и незамысловатымъ содержаніемъ, но достаточнымъ ревомъ, прыганьемъ, переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее. Участвовали главными актерами: нѣкій владѣтельный князь, одна царевна, грознаго вида небожитель, — да вотъ, кажется, и все.... Однако шуму, пѣнья, гогатанья, безконечныхъ разговоровъ происходило положительно больше, чѣмъ слѣдуетъ. Туземныя представленія вообще славятся не столько запутанностью, сколько длительностью фабулъ. Новѣйшія пьесы къ тому же и по достоинству ниже справедливо прославляемыхъ средневѣковыхъ. На сценѣ играютъ одни мужчины. Аккомпанирующая дѣйствію музыка отличается крайнею заунывностью. Пока за кулисами то вздрагивали, то замирали звуки тамбуриновъ, — я замѣтилъ въ томъ же оркестрѣ скрипача, который преспокойно отложилъ свой инструментъ и жевалъ бетель.

На слѣдующее утро Ихъ Высочества отправились за рѣку, — (черезъ огромный мостъ, недавно сооруженный надъ Гангомъ и открытый при вице-королѣ лордѣ Дэфферинѣ: до того сообщеніе между берегами производилось по стянутымъ въ рядъ деревяннымъ судамъ) на охоту въ Шикарганджѣ, въ лѣсу махараджи Прабу Нараянъ-Синга, едва-ли не лучшаго стрѣлка въ цѣлой странѣ (напр. онъ безъ промаха попадаетъ въ бросаемую на воздухъ серебряную монетку), — откуда вернулись уже прямо на станцію Могулъ-Серай, съ тѣмъ чтобы въ 10 часовъ вечера направиться въ Калькутту.

Понедѣльникъ, 14 (26) января 1891 г.

Наслѣдникъ Цесаревичъ приближается къ административной столицѣ Индіи; Великокняжескій поѣздъ мчится низовинами Бенгальской провинціи, прорѣзаетъ болотистыя рисовыя поля съ синеватымъ отливомъ и пальмовыя рощи богатѣйшаго по плодородію края. Это — уже міръ тропической растительности (несмотря на географическое положеніе), область арійскаго духа въ сино-малайской оболочкѣ, часть сравнительно молодаго материка, который образовался лишь, когда волны ненасытнаго «восточнаго» моря отступили отъ равнины Ганга. При всей интенсивности затраченнаго на нее культурнаго труда, страна до сихъ поръ еще какъ-бы носитъ слѣды борьбы суши и океана за конечное преобладаніе, до сихъ поръ еще слегка похожа на изумрудную островную гряду, только — что выросшую изъ глубины влажнаго полуденнаго простора. Изрѣдка въ купѣ листьевъ мелькнетъ (среди обильной влаги повсюду кругомъ) одноцвѣтная съ ними хижина «земноводнаго» туземца. Мы пока почти совсѣмъ не видимъ населенной полосы, а одну лишь безконечную зыбкую глушь изъ густой зелени, пересѣкаемой блестящими жилами притоковъ и рукавовъ «неборodной, неистощимой, милосердной кормилицы-рѣки»... Пора однако сказать нѣсколько словъ и о Бенгаліи.

Она теперь составляетъ во многихъ отношеніяхъ базисъ англійскаго денежнаго благополучія и исключительно съ нимъ связаннаго могущества въ Индіи; такъ какъ число жителей, подданныхъ здѣсь въ краю ея величеству — королевѣ, мало уступаетъ числу жителей Европейской Россіи, а доходность утучненныхъ иломъ пажитей вдоль Ганга равняется сотнямъ милліонамъ рублей въ годъ. Но въ сущности не очень далеко то время, что британскій элементъ игралъ тутъ незавидно-скромную роль случайныхъ пришельцевъ-купцевъ, пускавшихъ корни лишь по милости мусульманскихъ владыкъ цвѣтущаго края. Когда Бомбей и Мадрасъ, какъ колоніи, уже достигли извѣстнаго развитія и выдерживали борьбу съ соперниками-европейцами, — Калькутта, въ смыслѣ центра, не достигла должной высоты и политическаго значенія. Только этимъ объясняется, почему мараты смѣло простирали походъ за походомъ къ окрестностямъ неокрѣпшаго города, насчитывавшаго лишь около 10—12,000 обитателей, и почему въ 1756 г. правившій областью суровый «навабъ» (Сураджъ-удъ-Даула) легко его занялъ на 7 мѣсяцевъ, разграбилъ торговые склады и велѣлъ заточить въ непомѣрно тѣсномъ помѣщеніи 145 «бѣлыхъ», изъ коихъ 123 къ утру задохлось въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Злодѣяніе совершилось близъ устьевъ рѣки, гдѣ сильный западный народъ, обладавшій превосходнымъ флотомъ и вооруженный лучше туземцевъ, повидимому могъ бы до извѣстной степени непоколебимѣе ограждать свой престижъ и свои насущные интересы. Почти одновременно англичанамъ удалось же отразить наступающихъ на ихъ Бенгальскую колонію голландцевъ, которые располагали кромѣ экипажа семи кораблей шестью стами отважныхъ малайцевъ съ Явы! Между тѣмъ противъ сосѣда — наваба на первыхъ порахъ не нашлось достаточныхъ силъ!.. Тутъ есть что-то странное, не вполнѣ понятное, точно также какъ поражаетъ, почему немного позже въ Патнѣ туземцы разстрѣляли 148 плѣненныхъ ими сыновъ Альбіона, чего съ другими европейцами въ Индіи не дѣлали. Разгадка заключается лишь въ признаніи за несомнѣнный фактъ крайней непопулярности англичанъ среди дельты Ганга съ Брамапутрою и смежно съ нею. Это грустное для нихъ обстоятельство, конечно, еще яснѣе опредѣлилось въ 1770 г., когда они, въ качествѣ искусныхъ купцевъ, предугадавъ при засухѣ народное бѣдствіе, заранѣе скупили весь рисъ и въ голодную пору продавали его вдесятеро дороже настоящей цѣны.

Треть населенія вокругъ погибла отъ нужды. Въ Бенгаліи умирало ежемѣсячно до милліона человѣкъ и въ общемъ скончалось до 10,000,000. Улицы, храмы, дороги, поля, джонгли переполнялись издыхающимъ въ корчахъ безпомощнымъ людомъ, умолявшимъ о пищѣ. Зараза стояла въ знойномъ воздухѣ отъ разлагавшихся повсюду тѣлъ. Красавицы изъ теремовъ выходили на торжище и старались добыть крохи для своихъ несчастныхъ дѣтей. Индусы страдали съ кротостью иныхъ больныхъ животныхъ, не ополчались на мучителей, а тихо и покорно испускали послѣдній вздохъ. Рѣчныя волны поминутно катили множество труповъ мимо роскошнаго жилья эксплоататоровъ, которые вообще привыкали тогда въ два-три года составлять себѣ въ Индіи милліонныя состоянія. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ данныя англійскихъ сочиненій. Парламентъ тогда же призналъ представителей власти виновными въ бездѣйствіи и попущеніи. Но вернуть жизнь потерпѣвшимъ бенгалійцамъ не могло уже ничье сочувствіе, никакое общественное негодованіе, никакой историческій приговоръ. Въ каждомъ государствѣ и среди всякаго народа мыслимы постыдныя неурядицы, вызванныя эгоизмомъ плутократическихъ началъ: это, такъ сказать, внутреннее домашнее дѣло и вина, искупаемая нѣсколькими поколѣніями. Если, однако, бездушный піонеръ цивилизаціи и по рожденію христіанинъ стоитъ передъ косной голой массой непросвѣщенныхъ иноплеменниковъ, и въ результатѣ онъ — звѣрь, а они — люди, то какъ-то даже страшно дѣлается за безплодные вѣка нашего прогрессса!

Названіе провинціи, куда прибыли Августѣйшіе путешественники, происходитъ отъ санскритскаго Банга, каковое имя носилъ легендарный основатель особаго арійскаго царства въ этой области. Марко Поло и арабскіе географы говорятъ уже о странѣ «Бангала». Подъ такимъ названіемъ край сталъ извѣстенъ при Моголахъ въ видѣ весьма значительнаго административнаго цѣлаго, въ составъ котораго входили даже завоеванія мусульманъ на востокѣ, за Брамапутрой. Въ лицѣ ислама далекій Западъ давно пытался властно проникнуть въ предѣлы Небесной имперіи, — и притомъ сухимъ путемъ, чтобы связь была прочнѣе и глубже. Но Индо-Китай, на этихъ своихъ окраинахъ, почти столь же упорно, какъ и теперь, противодѣйствовалъ иноземнымъ вожделѣніямъ: разница лишь въ томъ, что въ то время борьба велась равнымъ оружіемъ, нынѣ же матеріальное превосходство вторгающихся элементовъ слишкомъ наглядно и съ возростающею силой приводитъ коренное населеніе къ молчаливому признанію чужаго ига.

Еще въ XIV в. султанъ Тоглакъ безуспѣшно вторгался въ нынѣшнія владѣнія богдыхана. При Аурангзебѣ генералы его считали Ассамъ прямою дорогою къ важнѣйшимъ центрамъ желтой рассы. Но въ то время она проявляла столько жизненной энергіи, что ворваться въ эту самобытную и крайне замкнутую среду народамъ тюркско-арійской крови не представлялось возможности. Пока Нэпаль, Бутанъ, Сиккимъ, Тибетъ пользовались полною независимостью, путь къ сердцу Азіи (съ юго-запада) въ политическомъ отношеніи былъ недоступенъ, да и теперь еще весь состоитъ изъ непредвидѣнныхъ затрудненій и опасностей. Гималайскія горы, которымъ ламаиты молятся какъ олицетворённымъ божествамъ, дѣйствительно стояли и стоятъ до сихъ поръ на стражѣ культурно-историческихъ интересовъ неоглядняго нагорнаго края. Если европеецъ войдетъ туда повелителемъ и хозяиномъ, мѣстная жизнь неминуемо осуждена будетъ на увяданіе. Вотъ почему туземные элементы такъ твердо и отстаиваются за своими заоблачными твердынями, вотъ почему тамошній строй остается отчасти тайной даже для нашихъ основательныхъ изслѣдователей.

Половина пятаго пополудни. Станція Хаура. Еще не Калькутта, но почти-что она... Предмѣстье столицы полуострова. Поѣздъ медленно подходитъ къ желѣзнодорожной платформѣ, буквально лоснящейся отъ чистоты и устланной краснымъ сукномъ. Вокзалъ пестро декорированъ. Бѣлый, желтый, голубой цвѣтъ перемежаются на столбахъ дебаркадера съ листвою, которою обрамлены станціонные часы и фонари. Послѣдній заставленъ сидѣніями, такъ какъ прибытіе Августѣйшихъ Гостей составляло предметъ большихъ ожиданій и большаго скопленія встрѣчающихъ. Не только европейцевъ, но и метисовъ, и чисто туземнаго элемента видимо-невидимо.

Во главѣ собравшихся: маркизъ Лэнсдоунъ, вице-король Индіи, и сэръ Чарльсъ Элліотъ, Бенгальскій генералъ-губернаторъ, со свитами.

Грохотъ салюта привѣтствуетъ моментъ прибытія Русскаго Престолонаслѣдника. У выстроеннаго на платформѣ почетнаго караула изъ ста двадцати желѣзнодорожныхъ волонтеровъ (East Indian Railway Volunteers), подъ начальствомъ маіора и 13 офицеровъ (при двухъ хорахъ музыки — изъ самой Хауры и важнаго промышленнаго центра Джемальпуръ, за 500 верстъ отъ Калькутты) гремитъ «Боже, Царя храни!».

Внѣшній фасадъ зданія станціи — весь въ пальмовыхъ листьяхъ. Передъ подъѣздомъ — длинный почетный караулъ отъ «East Surrey Regiment» со знаменемъ и музыкой.

Парадный вице-королевскій экипажъ, куда изволитъ сѣсть Его Императорское Высочество съ намѣстникомъ королевы-императрицы, а кромѣ того съ его военнымъ секретаремъ — полковникомъ лордомъ Уилльямомъ Бересфордомъ (вотъ уже нѣсколько лѣтъ считающимся одною изъ выдающихся по таланту личностей англо-индійской администраціи) и флигель-адъютантомъ кн. Оболенскимъ, въ виду многолюдья довольно тихо направляется съ вокзала къ понтонному мосту черезъ Хугли, главный рукавъ Ганга. Шествіе открывается (подъ звуки нашего гимна) тѣлохранителями вице-короля. Во второй колясксѣ помѣщается принцъ Георгій Греческій съ Бенгальскимъ генералъ-губернаторомъ, съ сэромъ Мэкензи Уоллесъ и полковникомъ Ардагъ, секретаремъ маркиза Лэнсдоуна. За экипажами Августѣйшихъ путешественниковъ слѣдуютъ эшелонъ его же конвоя и орудія 31-ой королевской баттареи. Затѣмъ ѣдутъ князь Барятинскій и М. К. Ону съ Джерардомъ, и т. д. Положительно необозримыя массы зрителей (многочисленнѣе чѣмъ въ Каирѣ!) наводняютъ путь къ «Government House». Интересъ населенія, состоящаго въ значительной степени изъ бенгалійцевъ, т. е. даровитыхъ, начитанныхъ и зорко слѣдящихъ за политикою туземцевъ, видимо возбужденъ до крайняго предѣла.

Сперва по дорогѣ выстроены солдаты 17-го полка Бенгальской пѣхоты. На мосту ихъ смѣняетъ городская полиція, затѣмъ вдоль набережной (Strand Road) — 3-й пѣхотный полкъ, дальше по улицамъ — молодцеватые всадники «3-d Bengal Cavalry», опять «East Surrey Regiment» и «Buffs».

Картина, представляемая рѣкою, чрезвычайно любопытна по открывающемуся за нею изобилію величественныхъ свѣтложелтыхъ зданій (Калькутта давно уже прозвана «городомъ дворцевъ») и лѣсу мачтъ на лонѣ питающаго ее Хугли. Хотя въ столицѣ сходятся четыре желѣзнодорожныхъ линіи, сообщеніе водою играетъ для товаровъ главнѣйшую роль. Послѣднихъ доставляется и отправляется ежегодно по меньшей мѣрѣ на милліардъ рублей. Предметы ввоза и вывоза безконечно разнообразны: скотъ, уголь, хлопокъ, овощи и плоды, хлѣбъ и рисъ, гутаперча и смолы, кожи, циновки, масла, металлы, опіумъ, сѣра, шелкъ, пряности, китайскіе и мѣстные чаи, сахаръ, табакъ, шерсть, дерево, сукно, красящія вещества, соль, всякаго рода машины. Тѣсныя коммерческія сношенія поддерживаются не только съ Англіей и вообще съ Европой, но и съ Индо-Китаемъ, Японіей, Америкой,

мысомъ Доброй Надежды и Австраліей, съ которою постепенно завязывается и крѣпнетъ дружба на почвѣ обоюдныхъ экономическихъ выгодъ отъ болѣе тѣснаго общенія и сравнительнаго сосѣдства. Въ Калькутту за годъ прибываетъ свыше тысячи океанскихъ пароходовъ (съ водоизмѣщеніемъ въ тысячи тонъ) и четырехмачтовыхъ парусныхъ судовъ, морскихъ гигантовъ новѣйшей конструкціи. Особенно хорошо работаетъ извѣстная «Peninsular and Oriental» компанія, чаще слывущая подъ сокращеннымъ названіемъ «Піэндо» (P. and O.). Одинъ вывозъ въ Англію равняется ежегоднымъ ста пятидесяти пяти милліонамъ рублей, а ввозъ оттуда ста восьмидесяти пяти!

Неуклюжія туземныя лодки (динги), съ крытыми половинами, снуютъ на рѣкѣ. Каждый поселянинъ въ восточной Бенгаліи старается имѣть свое суденушко (какъ въ другихъ странахъ свою телѣгу). Мы ѣдемъ по мосту, считающемуся едва-ли не самымъ огромнымъ понтоннымъ сооруженіемъ въ свѣтѣ. Онъ существуетъ съ 1873—74 г., обошелся въ слишкомъ два милліона рублей, имѣетъ почти полъ версты длины и до 8—9 саженъ въ ширину. По серединѣ — просторный путь для экипажей, по бокамъ — широкіе огороженные мостки для пѣшеходовъ. Между городомъ и предмѣстьемъ, гдѣ находятся важные склады и доки, происходитъ непрерывное сообщеніе, лишь въ опредѣленные часы недѣли пріостанавливаемое ради пропуска крупныхъ судовъ сквозь разводимые понтоны.

Всѣ путешественники по Индіи, знающіе нашъ Петербургъ, охотно сравниваютъ его по внѣшности съ Калькуттою. Сама судьба обѣихъ столицъ отчасти сходна. Основанныя приблизительно въ одно время и въ разгаръ борьбы великихъ народовъ за преобладаніе въ мірѣ, онѣ параллельно возникли на болотной міазмической почвѣ, около устья двухъ исторически важныхъ рѣкъ, въ одинаковые періоды развивались, являясь очагами бодрой мысли и стремленія впередъ въ національномъ смыслѣ слова, наравнѣ съ однимъ только Пекиномъ дѣлятъ Азію на характерные станы, гдѣ Востоку приходится мало-по-малу высказываться подъ непосредственно-сильнымъ вліяніемъ Запада и вставать на защиту своихъ исконныхъ правъ. Вмѣщая тысячи представителей образованной въ англійскомъ духѣ брамино-магометанской страны, Калькутта (отъ «Кали — гатъ» — прирѣчная святыня въ честь грозной супруги Шивы) столь же типично олицетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи весь еще дремлющій (до XX вѣка) полуостровъ, какъ «градъ царя Петра», наполненный учащимися у Европы, все сознательнѣе и разумнѣе опредѣляетъ собою славяно-инородческій восточный міръ, выступающій рѣзкой, но еще весьма хаотической противоположностью государствамъ западнаго типа (съ иной организаціею, съ иной культурою). Насколько они отличаются ясно выразившимся прошедшимъ, настолько Русь и органически съ нею связанный Востокъ — область будущаго. Споръ Азіи и Европы за настоящее несомнѣнно разыгрывается въ двухъ важнѣйшихъ административныхъ центрахъ міра, гдѣ вершится судьба четырехсотъ милліоновъ душъ (столица Китая, потерявшая счетъ населенію, еще мало участвуетъ при рѣшеніи міровыхъ вопросовъ) — я разумѣю Петербургъ и Калькутту. Мы не меньше ея, на берегахъ Невы, облагодѣтельствованы свѣтомъ знанія; но также, какъ и эта «порфироносная» представительница индуизма и даже отчасти индійскаго ислама, склонны чувствовать свою духовную политическую обособленность отъ отягощенныхъ слишкомъ требовательною цивилизаціею германо-романскихъ земель. Для насъ, для нетронутаго въ его нѣдрахъ Русскаго Востока, для Азіи основу жизни составляетъ вѣра: вѣра въ Непостижимое, преклоненіе передъ единою богоустановленною властью, жажда нравственнаго подвига и обновленія. Когда, среди смуты вѣка, со столь простодушнымъ міросозерцаніемъ милліарда людей соприкасается

матеріалистически настроенный человѣкъ Запада, разладъ между нимъ и нами неизбѣженъ, неумолимъ, такъ-сказать намѣченъ самою природою явленій.

Что за прелесть эта прозаическая Калькутта, если вглядѣться въ наводняющій улицы людъ! Въ ней нѣтъ тѣхъ жгучихъ красокъ и варварски смѣлыхъ очертаній, которыми отличались Декканъ и Индостанъ: тутъ не замѣтно ни шумнаго любопытства, ни безпорядочнаго движенія, — чѣмъ встрѣчали иные изъ предъидущихъ городовъ; но за то по римски задрапированные въ свою тогу бенгалійцы кажутся классически правильными изваяніями, тихій говоръ толпы и выражающее привѣтъ хлопаніе въ ладоши могли бы напоминать древнихъ зрителей, замиравшихъ передъ жизненною правдой обожаемой ими сцены; бѣлыя одѣянія съ пестрыми каймами, — подъ небомъ изъ бирюзы и лучей, - какъ нельзя лучше гармонируютъ съ золотистымъ или, чаще того, оливковымъ цвѣтомъ лица у большинства туземцевъ. Обладающіе первымъ считаются красивыми: сами богини любви и семейскаго быта всегда изображаются «золотыми»!

«Босоногіе» франты (здѣсь иначе рѣдко ходятъ!), вкусившіе въ англійской средѣ плодовъ просвѣщенія, мѣстами щеголяютъ крахмальными рубашками поверхъ національнаго костюма и безобразными зонтиками. Въ общемъ, однако, внѣшность горожанъ сохраняетъ типическія черты и внушаетъ неподдѣльный интересъ. Печать чего-то мягкаго и женственнаго лежитъ на уроженцахъ края, за изнѣженность такъ сурово очерненныхъ перомъ безсмертнаго Маколея: рабы исключительныхъ климатическихъ условій, бенгалійцы заслуживаютъ болѣе безпристрастной оцѣнки за недюжинныя умственныя способности и стойкость въ смыслѣ сознательной неподатливости вѣяніямъ враждебно-чужой культуры. Европейски образованные инородцы здѣсь носятъ прозвище «бабу», каковое наименованіе презрительно звучитъ въ устахъ британскаго чиновника. Въ этомъ сказывается коренной антагонизмъ двухъ даровитыхъ рассъ (англосаксонской съ индо-арійской).

Едва-ли не самымъ любопытнымъ и жгучимъ современнымъ вопросомъ, — который несомнѣнно долженъ волновать и волнуетъ всю сколько-нибудь образованную и хотя-бы искусственно пробужденную къ высшему сознанію Индію, — представляетъ борьба за идею національныхъ конгрессовъ и за право, данное правительствомъ, ихъ собирать. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ туземцамъ, такъ-сказать en grand разрѣшено думать вслухъ (и притомъ не только на столбцахъ легкомысленной печати!), довольно громко выражая въ особенности свои автономическія стремленія. Послѣднія постепенно крѣпнутъ и осуществляются. Но на ряду съ этимъ безпощаднѣе чѣмъ когда-либо слышатся осуждающіе голоса консервативно-нетерпимыхъ газетъ и англійскихъ высшихъ администраторовъ; ибо большинству ихъ уродливой мнится самая мысль, что болтливые «бабу» позволяютъ себѣ игру въ либерализмъ и мечтаютъ о независимости, желая подражать западнымъ конституціоннымъ порядкамъ.

Уже въ 60-хъ годахъ извѣстнымъ знатокомъ страны, сэромъ Джономъ Лауренсомъ, заявлено о способности индійскаго простонародья къ самоуправленію въ широкихъ размѣрахъ. Деревенскія туземныя общества, будучи своего рода микроскопическими республиками, споконъ вѣка мирно процвѣтали и могутъ процвѣтать въ силу однихъ присущихъ имъ качествъ. Исторія учитъ, будто въ Индіи только тогда все и обстояло благополучно, когда никто не вмѣшивался въ бытъ крестьянъ и когда естественный ходъ событій предоставлялся собственному теченію. По мнѣнію вышеозначеннаго государственнаго мужа,

властямъ именно и надо пользоваться столь благодѣтельными особенностями въ характерѣ населенія, отнюдь ничему не мѣшая и ничего не тормозя въ безобидной интимно-внутренней жизни края.

Въ 80-хъ годахъ въ Индіи пробудилось упорное умственное движеніе, въ защиту якобы стѣсненныхъ гражданскихъ правъ европейски образованной части туземнаго населенія. Нечего и говорить, что во главѣ столь современно настроенныхъ туземцевъ оказались нѣкоторые либерально мыслящіе англичане. Англія въ духовномъ отношеніи всегда была и будетъ до такой степени олицетвореніемъ индивидуализма и протеста на легальной почвѣ, что соприкосновеніе ея литературы и всего ея культурнаго строя съ умами индусовъ неизбѣжно должно было отражаться и дѣйствительно сильно отразилось на подростающемъ и зрѣющемъ поколѣніи тѣхъ, которые составляютъ или точнѣе хотятъ составить изъ себя такъ-называемую «молодую Индію». Эта нарождающаяся величина обыкновенно служитъ заразъ предметомъ многихъ нападокъ и еще бо́льшихъ ожиданій. Конгрессы собираются вотъ уже шесть лѣтъ подрядъ: между прочимъ, послѣдній происходилъ въ Калькуттѣ, за какихъ-нибудь полъ мѣсяца до нашего пріѣзда. Вице-король и вліятельнѣйшіе чиновники уклонились отъ приглашеній посѣтить столь имъ непріятное сборище; европейскій элементъ, взамѣнъ того, былъ представленъ публицистомъ изъ-за Ламанша и даже чуть-ли не однимъ изъ членовъ англійскаго парламента. Напыщенно-наивныя рѣчи краснорѣчивѣйшихъ туземцевъ, а также горячія увѣренія во взаимномъ пониманіи и участіи со стороны ихъ «бѣлыхъ» друзей лишь вскользь пока еще намѣчены попадавшимися мнѣ на глаза газетами, но уже и въ такомъ видѣ даютъ крайне интересный матеріалъ для размышленій, чѣмъ подобныя затѣи въ будущемъ могутъ грозить спокойствію страны. На послѣднемъ конгрессѣ, засѣдавшемъ три дня, вѣдь постановлено же было просить о назначеніи особой королевской комиссіи для разслѣдованія, въ какомъ положеніи находится «нынѣ дѣло управленія Индіей на мѣстѣ и изъ Англіи», вѣдь проскользнуло же неодобреніе политики, вызвавшей захватъ Бирмы, вѣдь осуждены же оказались въ принципѣ помышленія правительства о новыхъ усиленныхъ вооруженіяхъ на туземныя деньги! Подобная отповѣдь — еще только начало. Неудивительно, если «Times» изрекаетъ хулу на дерзкій лепетъ калькуттскихъ конгрессистовъ.

Изрѣдка — въ окружающихъ насъ (на почтительномъ разстояніи) густыхъ толпахъ — мелькаетъ глянцовитый головной уборъ парсовъ, золотистая чалма инаго мусульманина, зеленая или алая повязка пришлаго западнаго индуса. Здѣсь видишь человѣка, облеченнаго въ пестрый «кинкобъ», тамъ въ нѣжноцвѣтный свѣтлый атласъ или бенаресскую парчу, а не то подъ горделиво наброшенной кашмирской шалью.

Когда сквозь это многолюдье прокладываетъ себѣ путь запряженный четверкою экипажъ вице-короля съ форейторомъ и кучеромъ въ эффектной багряной одеждѣ, шитой золотомъ, — изъ оконъ, съ крышъ и террассъ европейскій элементъ машетъ платками и шляпами. Особенно, повидимому, радушно настроены дамы и дѣти. Сегодняшній пріемъ положительно производитъ цѣльное и хорошее впечатлѣніе.

Важнѣйшія торговыя фирмы разукрасили фасады занимаемыхъ ими зданій изобиліемъ флаговъ и знаменъ всевозможной величины. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ развѣвается великобританскій королевскій штандартъ. Наряду съ нимъ часто зыблется красный «Union Jack» съ его пересѣченнымъ двумя крестами голубымъ полемъ.

Шествіе направляется отъ набережной черезъ «Fairlie Place» и «Clive Street» къ такъ называемому «Dalhousie Square», центру коммерческой дѣятельности и европейскаго квартала. Тутъ — на площади, носящей громкое имя Далузи, генералъ-губернатора 50-хъ годовъ, который въ сущности далъ толчекъ и смыслъ главному возстанію сипаевъ — высятся: громадная Главная Почта и Центральный Телеграфъ, Секретаріатъ Бенгальскаго генералъ-губернатора (гдѣ вѣдаются мѣстныя судебныя дѣла, вопросы народнаго образованія, статистики, ирригаціи, полицейскаго и санитарнаго надзора, устройства тюремъ, работъ для заключенныхъ и т. п.), «Currency Office», правительственное учрежденіе, обмѣнивающее бумажные денежные знаки на золото и серебро. Когда-то, именно на этомъ квадратѣ, основана была (въ честь короля Вильгельма III) первоначальная крѣпостная твердыня «Fort William», пріютившая бывшихъ до того беззащитными англійскихъ купцовъ. Императоръ Аурангзебъ, недружелюбно смотрѣвшій на нихъ по наговору турецкаго султана, подъ конецъ смилостивился, принялъ посла изъ Лондона и отправилъ за море «монарху чужой вѣры и чужой крови» пріязненное посланіе и саблю въ даръ.

Изъ-за группы сумрачныхъ, хотя декорированныхъ по праздничному зданій выглядываетъ очень высокій шпицъ шотландской церкви св. Андрея (Scotch Kirk), сооруженный въ такомъ видѣ главнымъ образомъ потому, что англиканскій епископъ по нетерпимости не хотѣлъ допустить подобнаго внѣшняго отличія у пресбитеріанцевъ.

Новая Почта, съ фронтономъ изъ греческихъ колоннъ, уже по однимъ размѣрамъ должна включать огромное число служащихъ. Черезъ нея, какъ говорятъ, ежегодно проходитъ по семи и восьми милліоновъ газетъ, писемъ, посылокъ и т. п.

Необозримыя массы зрителей на улицѣ словно ростутъ. Бенгальскіе горожане кажутся на взглядъ чрезвычайно дисциплинированными. Что-то совершенно европейское присуще имъ въ отношеніи умѣнія осмысленно держать себя въ толпѣ. Видѣть ихъ непосредственно близко (въ такомъ огромномъ числѣ!) тѣмъ любопытнѣе, что вся эта громада недавно еще жила радостями и огорченіями конгрессистовъ.

Атмосфера, въ которой они дѣйствовали или, по правдѣ сказать, больше говорили, пока остается неизмѣнной.

Организовать въ Индіи національный конгрессъ — не легкое дѣло! Даже матеріальныя хлопоты, и тѣ очень велики. Напр., на недавно бывшемъ собраніи пришлось озаботится, какъ усадить 6000 человѣкъ. Вмѣстить ихъ могла только наскоро сдѣланная аудиторія изъ бамбука (съ циновками) въ 250 футовъ длины и 125 ширины; разныя школы уступили на время свои скамейки, 4000 стульевъ нарочно были выписаны изъ Вѣны. Но увы! пароходъ, который доставлялъ этотъ заказъ, потерпѣлъ крушеніе и бѣднымъ устроителямъ конгресса подобная бѣда причинила немало заботы. А вѣдъ та сравнительно горсть участвовавшихъ въ немъ теперь ничтожна, если подумать, чьей представительницей она хотѣла бы выступить. Каждый изъ милліоновъ необъятнаго населенія страны говоритъ или точнѣе не говоритъ, а силится что-то пролепетать въ лицѣ одного делегата, да и то лишеннаго всякихъ строго юридическихъ полномочій. Между тѣмъ увѣряютъ, будто уже не менѣе 6 милліоновъ людей въ Индіи сознательно относится къ вопросу объ избраніи ратоборцевъ за свои права. Если принять во вниманіе количество молодежи, ежегодно выдерживающей экзамены въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ (англичане же очень заботятся о подъемѣ и вообще о самомъ широкомъ распространеніи образованія въ своихъ колоніяхъ), то понятнымъ становится, что задержать крѣпнущее снизу теченіе никакими мѣрами нельзя и правительству волей-неволей рано или поздно, придется считаться съ жизненнымъ фактомъ столь оригинальнаго харак-

тера, какъ искусственное пробужденіе къ сознанію цѣлыхъ общинъ и раздробленныхъ племенъ, — которыя еще въ прошломъ поколѣніи были безсильны и нѣмы.

Исторія видимо создаетъ на Востокѣ новыя, сложныя задачи для западно-европейскихъ государствъ, которыя не стоятъ по духу на почвѣ Азіи (какъ, напр., мы стояли и до сихъ поръ, сами того не зная, крѣпко стоимъ), а отчасти являются лишь случайными болѣзненными наростами на ея гигантскомъ тѣлѣ.

Чѣмъ дальше Наслѣдникъ Цесаревичъ углубляется на Востокъ и чѣмъ сложнѣе развертывается наше гигантское путешествіе, тѣмъ труднѣе ведущему дневникъ объ этомъ безпримѣрномъ обозрѣніи цѣлой Азіи: во-первыхъ, сдерживать проявленіе своихъ чувствъ;

ДВОРЪ ТУЗЕМНАГО КНЯЗЯ (СЪ ИНДІЙСКОЙ КАРТИНЫ).

во-вторыхъ, сгруппировывать мимолетныя впечатлѣнія быстро движущагося туриста въ рамкахъ вполнѣ упорядоченнаго и литературно изложеннаго описанія, наконецъ, воздавать должное историческимъ моментамъ, которые подчасъ переживаются нами и которые не повторятся. Фактъ посѣщенія культурныхъ странъ Востока Первенцемъ Бѣлаго Царя преисполненъ глубокаго смысла съ истинно русской точки зрѣнія. Узы, соединяющія нашу часть Европы съ Ирано-Тураномъ (а черезъ него и съ родственными имъ во многихъ чертахъ Индіей, Небесной Имперіей), до того такъ-сказать предвѣчны и прочны, что мы и сами пока (какъ народъ и государство) не достаточно понимаемъ ихъ значенія и своихъ проистекающихъ отъ этого обязанностей по отношенію къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики на полуневѣдомыхъ окраинахъ.

Всматриваясь вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ ихъ духовную жизнь и строй сосѣднихъ странъ, я невольно и каждодневно почерпаю на пути богатый, разносторонній матеріалъ для созданія себѣ ясной идеи о томъ, что понимать подъ словами «Азіатская Россія» и въ виду крайней скудости напечатаннаго у насъ о ней (несмотря на крѣпнущую необходимость приходить постепенно къ расширенному самосознанію), пользуюсь случаемъ удѣлять здѣсь иногда мѣсто исключительно и *лично моимъ* замѣткамъ, выводамъ, взглядамъ. Въ нихъ многое безспорно должно быть ошибочно, но пора же русскимъ людямъ хоть и не безъ грѣха, да выражать какія-нибудь опредѣленныя мысли по поводу своего наслѣдія отъ весьма намъ бывшихъ полезными Чингисовъ и Тамерлановъ. Славянская по языку и религіи, но въ смыслѣ крови необыкновенно пестрая и смѣшанная съ инородческими элементами Русь, подъ наплывомъ западнаго общечеловѣческаго просвѣщенія, естественно просыпается и вскорѣ еще сознательнѣе проснется въ качествѣ обновленнаго «восточнаго» міра, съ которымъ не только у ближайшихъ азіатовъ, а и у индуса, и у китайца въ сущности есть и будетъ неизмѣримо больше общихъ интересовъ и симпатій, чѣмъ съ колонизаторами инаго типа, выработаннаго европейскою исторіею за послѣднихъ четыре вѣка.

Какъ ни странно это можетъ показаться, а рядомъ событій доказано, что — по мѣрѣ соприкосновенія Запада съ Азіей — бездна между нимъ и между нею съ каждымъ столѣтіемъ разверзается. Первоначальные случайные пришельцы еще чувствовали себя отчасти какъ-бы дома (по развитію и жизненнымъ потребностямъ).

Разные средневѣковые миссіонеры, купцы, мало цивилизованные дипломаты и т. п. не сознавали въ то время, насколько Европа чужда настоящему Востоку. Лишь въ прошломъ и въ XIX в. у всѣхъ на этотъ счетъ понемногу открылись глаза. Одна Россія не чувствуетъ, да въ сущности по природѣ своей и не можетъ чувствовать усиливающагося въ этомъ отношеніи разлада между народами мнимо-молодыми и странами мнимо-одряхлѣвшими по культурѣ: древняя туманно очерченная Скиѳія, родина непобѣдимыхъ завоевателей и міроправителей, арена передвиженія и взаимодѣйствія разнообразнѣйшихъ племенъ, она неизмѣнно сохраняетъ политическое равновѣсіе среди враждебно настроенныхъ и противуложныхъ другъ другу міровъ восточнаго и западнаго типа.

Исторія нашихъ отношеній къ Азіи и къ инородцамъ, населявшимъ когда-то добрыхъ двѣ трети Европейской Руси, еще не написана и намъ самимъ извѣстна (въ осмысленно-правдивомъ освѣщеніи) гораздо менѣе прошлаго иностранныхъ государствъ. Когда невѣдѣніе по этой части съ годами разсѣется, мы волей-неволей должны будемъ прійдти къ сознательно-непреклонному убѣжденію, что Тотъ (на чьемъ челѣ магическими лучами сіяютъ слитые воедино вѣнцы Великихъ Князей Югорскаго, Пермскаго и Болгарскаго на Волгѣ, Царей Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, — чьи предки еще въ Бѣлокаменной издавна величались «вся сѣверныя страны повелителями и иныхъ многихъ великихъ государствъ государями и обладателями») является единственнымъ настоящимъ вершителемъ судебъ Востока. Крылья Русскаго Орла слишкомъ широко прикрыли его, чтобы оставлять въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Въ органической связи съ этими благодатными краями — залогъ нашего будущаго.

Какъ это на первый взглядъ ни странно, но положительно можно провести весьма замѣчательную параллель между тѣмъ, какъ почти одновременно двигались на Востокъ и мужественные португальцы, и наши казаки. Маленькое королевство, имѣющее столицею Лиссабонъ, раньше другихъ европейскихъ государствъ вошло въ необыкновенно тѣсныя сношенія съ отдаленными невѣдомыми странами. Воспитанное (какъ и мы, при татарскомъ игѣ) подъ владычествомъ мавровъ и борьбою за свои національно-христіанскіе идеалы,

КУЛЬТЪ ЗМѢИ.

оно не только осилило, изгнало исламъ, но и ринулось за нимъ вслѣдъ, на африканскія побережья. Даровитый принцъ Генрихъ «Мореплаватель», въ жилахъ котораго съ материнской стороны текла англійская царская кровь, далъ толчекъ изученію и развитію морскаго дѣла. Отважные сыны Португаліи постепенно стали входить въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми частями «Чернаго материка», омываемыми Атлантическимъ океаномъ, съ успѣхомъ обогнули, нежданно-негаданно, страшный «Мысъ Бурь», переименованный въ виду столь радостнаго событія въ «Мысъ Доброй Надежды», и достигли Индіи, почти отождествлявшейся въ тогдашнихъ представленіяхъ съ юго-восточными окраинами Китая. Вотъ чего собственно и добивались современники Колумба и Васко-да-Гамы. Правда, уже немного ранѣе того, одинъ португалецъ, посланный своимъ королемъ черезъ Красное море и сухими путями, пробрался на Малабарскій берегъ; но, вообще говоря, возможность проплыть сюда прямо или оспаривалась, или представлялась въ ложномъ освѣщеніи. Европейцы направлялись туда, въ заповѣдныя страны восходящаго солнца и несмѣтныхъ сказочныхъ богатствъ, почти ощупью и вполнѣ безсознательно, словно наша средневѣковая новгородская вольница и, позже, бѣгущіе царскаго гнѣва казаки: только мы боролись со стужей, заповѣдными лѣсами и неоглядными пустырями сибирскаго приволья, а закаленные вѣковою враждою съ мусульманами, предпріимчивые обитатели Пиринейскаго полуострова, какъ истые южане шли (на неслыханные подвиги) въ безпредѣльное море и въ самыя знойныя, населеннѣйшія страны земнаго шара. Случайно, исключительно благодаря морскимъ походамъ къ Индіи, при этомъ открыты были Центральная Америка и Бразилія.

Въ поискахъ за такою же обѣтованною землею, гдѣ рѣки текутъ млекомъ и медомъ, передовые казачьи отряды остановились, наконецъ, у непривѣтливыхъ волнъ Тихаго океана, — остановились, сроднились съ ними и (въ качествѣ неустрашимыхъ промышленниковъ) черезъ нихъ перекинулись до Калифорніи. Эти полулегендарныя экспедиціи съ далекаго Запада отчасти совпадаютъ по времени: разница въ десяткахъ лѣтъ, на такихъ разстояніяхъ и при величіи совершавшихся тогда событій, ровно ничего не значитъ. Отношенія къ инородцамъ, на которыхъ впервые воздѣйствовали португальцы, въ нѣкоторыхъ чертахъ весьма сходны съ тѣми, которыя завязывались между нами и приводившимися, съ уплатою ясака, подъ державную руку Московскихъ Государей. Такъ напр. иные знатные туземцы съ береговъ Сенегала, а то и благоухающей Индіи, являлись къ Лиссабонскому двору на поклонъ, а подчасъ и для принятія крещенія, въ надеждѣ на полученіе какихъ-нибудь милостей: точь въ точь остяцкіе главари, на первыхъ порахъ нерѣдко бившіе челомъ Бѣлому Царю, въ стѣнахъ Москвы! Когда Васко-да-Гамѣ даровывался королемъ титулъ «генералъ-адмирала восточныхъ странъ», піонеры русской цивилизаціи въ Пріуральѣ, дальновидные Строгановы, получали въ свою очередь совершенно исключительныя права за услуги отечеству и окраинѣ. Суровость, которую ставятъ въ укоръ нашей вольницѣ, надвигавшейся на Востокъ, положительно кажется преувеличенной, если сравнивать ея образъ дѣйствій, зачастую крайне гуманный и обыкновенно соотвѣтствовавшій мѣстнымъ условіямъ, съ тѣми проявленіями крайняго жестокосердія, которымъ запятнали себя хотя-бы первые европейскіе колонизаторы Индіи. Напримѣръ, еще въ самомъ началѣ изумительной эпопеи, воспѣтой безсмертнымъ лузитанскимъ поэтомъ Камоэнсомъ, португальцамъ какъ-то слегка не посчастливилось въ борьбѣ съ «невѣрными», — и Васко-да-Гама, ослѣпляемый жаждой мести, не постыдился, настигнувъ въ открытомъ морѣ одинъ ни въ чемъ неповинный корабль, возвращавшійся со множествомъ богомольцевъ изъ Мекки въ Индостанъ, предать это судно огню, — причемъ женщины въ ужасѣ простирали дѣтей къ безпощадному адмиралу, тщетно моля о пощадѣ. Воспла-

менненное, оно представляло изъ себя настоящій адъ съ облеченными на вѣрную погибель жертвами, гдѣ въ роли демоновъ-мучителей являлись моряки-крестоносцы съ Запада.

Ненавидя мусульманскій элементъ на индійской окраинѣ, какъ опасный въ политическомъ отношеніи и съ точки зрѣнія конкурренціи, португальцы не стѣснялись истреблять послѣдователей Магомета всякими правдами и неправдами. Тотъ-же великій Васко-да-Гама, приступая къ бомбардировкѣ приморскихъ городовъ, предварительно вѣшалъ на мачтахъ плѣнниковъ-мусульманъ, затѣмъ, снявши трупы, посылалъ ихъ отрубленныя руки и ноги родственникамъ, наконецъ бросалъ въ море и гналъ къ берегу, для устрашенія врага, обезображенныя туловища пострадавшихъ. Сомнѣваюсь, чтобы даже наши разбойники въ нѣдрахъ Сибири XVI вѣка доходили до такого утонченнаго звѣрства, до подобной слѣпой ненависти къ кореннымъ насельникамъ края.

Постепенно португальцы стали сливаться съ индусами, соединяться съ побѣжденными брачными узами, передавать имъ католическую вѣру и въ свою очередь проникаться мѣстнымъ строго языческимъ міросозерцаніемъ. Въ результатѣ получилось нѣчто, лишенное творчества въ политическомъ и культурномъ отношеніи: уголокъ Пиринейскаго полуострова, окруженный экзотическими жизненными условіями, — частица клерикальнаго Рима на почвѣ Индіи и ея консервативнѣйшихъ основъ, — древно нѣкогда священной хоругви, затерянной въ двигающейся густой массѣ коммерческихъ флаговъ и новыхъ боевыхъ знаменъ съ совершенно отличными земными лозунгами.

Послѣ того какъ «британскій левъ» улегся на мадрасскомъ побережьѣ, торжествуя главнымъ образомъ успѣхъ надъ соперниками изъ Франціи, а кромѣ того и надъ туземными властителями, англичане сначала не отдѣляли себя настоящею стѣною отъ инородцевъ, нерѣдко умѣвшихъ сослужить «бѣлымъ» колонизаторамъ неоцѣнимую и вѣрную службу на полѣ брани. Сипаи того времени видѣли въ офицерахъ-европейцахъ: товарищей по вкусамъ и по ремеслу, «добрыхъ малыхъ» безъ всякой чванливости и съ потребностями жить несложною жизнью всѣхъ однополчанъ, — среди которыхъ туземцы въ офицерскихъ чинахъ пользовались одинаковыми правами съ сынами господствующей рассы, а также извѣстнаго рода уваженіемъ, заставлявшимъ, напримѣръ, англичанина сажать такого заслуженнаго сипая въ своемъ присутствіи и т. д. Отдаленные (сравнительно на долгіе сроки) отъ туманной родины, сродняясь съ обычаями края, куда ихъ закинула судьба, обзаводясь гаремомъ и черезъ него хорошо знакомясь съ мѣстнымъ бытомъ — первые военные, основывавшіе индо-британскую имперію, равно какъ и представители остъ-индской компаніи, ближе подходили къ Востоку, чѣмъ подходятъ современные дѣятели: тѣхъ онъ втягивалъ и убаюкивалъ, сближая съ населеніемъ страны, — этихъ же скорѣе отталкиваетъ отъ себя, въ силу множества радикально измѣнившихся условій. Возможность частыхъ и непродолжительныхъ отлучекъ домой, воцареніе соотечественницы въ обществѣ и у домашняго очага, тяготѣніе ко всему духовно-родному (при быстротѣ, съ какою изъ Англіи теперь доходятъ разнообразнѣйшія вѣсти и сенсаціонные слухи), — цѣлый рядъ подобныхъ существенно важныхъ обстоятельствъ вызвалъ отчужденіе колонизаторовъ отъ «колонизуемыхъ» (послѣднее выраженіе, быть можетъ, странно звучитъ, однако съ точностью характеризуетъ европейское высокомѣрное воззрѣніе на опекаемыхъ азіатовъ). Въ данную минуту неизмѣримая пропасть отдѣляетъ послѣднихъ отъ гордыхъ хозяевъ края, естественно не питающихъ особенной симпатіи къ «дикимъ понятіямъ, жалкимъ суевѣріямъ, противному соціальному строю инородцевъ, на которыхъ, вдобавокъ, ни въ чемъ и полагаться нельзя». А вѣдь какихъ-нибудь десятки лѣтъ назадъ было иначе! Солдаты туземной крови считались à toute épreuve,

бились (завоевывая для Англіи обширнѣйшую область за областью) съ бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ присылаемыя изъ-за моря «бѣлыя» войска, въ походахъ самоотверженно помогали этимъ ослабѣвавшимъ отъ климата сотоварищамъ по оружію, братски дѣлились съ ними припасами въ дни нужды, безропотно дожидались запаздывавшихъ платежей жалованья и т. д. Командиръ-иновѣрецъ казался сипаямъ «полубогомъ»: ему повиновались съ беззавѣтнымъ порывомъ, на могилѣ такого офицера подчиненными возжигались лампочки, даже его портретамъ они отдавали честь; не было няньки при дѣтяхъ, не существовало конвоя для дамъ-путешественницъ надежнѣе туземца-солдата.

Послѣ Лондона, Калькутта — самый населенный изъ городовъ британской имперіи, такъ какъ насчитываетъ почти до милліона жителей. Отъ станціи до вице-королевской резиденціи сегодня положительно собралось не менѣе трехъ или четырехсотъ тысячъ (правда, много зрителей могло явиться изъ окрестностей или издалека). Однѣ повозки запрудили доступъ къ пути со всѣхъ примыкающихъ улицъ и переулковъ.

Шествіе торжественно слѣдуетъ по «Old Court House Street». Надъ широкой маркизой у входа въ богатый магазинъ Гамильтона поставлены двѣ фигуры рыцарей съ маленькими знаменами въ рукахъ. Окна открыты, и красивой выставкой пестрятъ за ихъ глубиною ряды художественныхъ предметовъ, продажею которыхъ онъ спеціально занимается. Вообще надо сказать, что англійскія торговыя фирмы не поскупились разукраситься къ пріему: здѣсь виднѣются перекинутыя черезъ нашъ проѣздъ флаги разныхъ государствъ, — тамъ опять вывѣшены шкуры тигровъ, пантеръ и леопардовъ, — дальше столбы иныхъ верандъ убраны синимъ, краснымъ и бѣлымъ сукномъ. Съ терассы «Great Eastern Hotel» наемный струнный оркестръ (изъ Австріи) встрѣчаетъ звуками: «Боже, Царя храни!» Наслѣдникъ Цесаревичъ едва успѣваетъ отвѣчать на поклоны, на привѣтствія. Вотъ и «Government House» величественно ширится за рѣшетчатою оградой....

Хоръ музыки у выстроенныхъ среди двора почетныхъ карауловъ (отъ «Buffs» и «Калькуттскихъ волонтеровъ») грянулъ русскій гимнъ. Какое любопытное зрѣлище представляетъ, среди политическаго центра Индіи парадный кортежъ вкругъ Высокаго Гостя съ Сѣвера (въ лейбъ-гусарской формѣ) и «девятаго» по счету вице-короля, маркиза Лэнсдоуна (до того было еще двадцать семь администраторовъ съ одинаковою широчайшею генералъ-губернаторскою властью) въ мундирѣ, какой принято носить на «большихъ выходахъ» королевы въ Уиндзорскомъ замкѣ, съ двумя оригинальными англо-туземными о́рденами («Indian Empire», «Star of India») и лентой свѣтло-синяго цвѣта съ бѣлою каймой.

«Зимній Дворецъ» современной индійской имперіи — «Government House» въ Калькуттѣ — сооруженъ съ огромными затратами (лѣтъ девяносто тому назадъ) въ стилѣ Empire. За прототипъ были приняты палаты одного лорда (Скарсдэля) въ графствѣ Дэрби. Надъ двумя громадными воротами, по бокамъ отъ главнаго крыльца, стоятъ каменные львы. Длинными четырьмя флигелями расходятся отъ центральнаго помѣщенія: жилые покои, канцеляріи, наконецъ комнаты для постоянно мѣняющихся гостей «вице-королевскаго двора». Съ металлическаго купола, вѣнчающаго зданіе, вѣетъ флагъ оффиціальнаго повелителя страны. Раньше (какъ говорятъ) тамъ стояла статуя Британіи въ шлемѣ и съ копьемъ, но это изображеніе пришлось убрать изъ-за ураганов. Старыя пушки, притащенныя грустными трофеями изъ афганскихъ походовъ, украшаютъ газонъ передъ великолѣпнѣйшей колоссальной лѣстницей, наверху которой теперь собрались для

пріема: и власти, и консула, словомъ вся парадная столица Индіи. По ступенямъ спускаются живописно раздвигающимися вереницами туземцы-тѣлохранители (молодцы на подборъ!) въ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, въ одеждахъ съ золотомъ. Наряду съ генералами, сановниками, духовенствомъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (присутствуетъ, между прочимъ, православный священникъ греческой общины) виднѣется нѣсколько бенгальскихъ раджей (Биттійскій и Дарбунгійскій, также Кучъ-Бихарскій изъ Ассама) и другихъ знатныхъ туземцевъ.

Въ 7 часовъ 45 минутъ — обѣдъ у маркиза Лэнсдоуна (съ 90 приглашенными). Въ числѣ послѣднихъ (исключительно мужчинъ) наиболѣе замѣтно выдѣляются: англиканскіе епископы, сэръ Фредерикъ Робертсъ, главнокомандующій индійскою арміей (извѣстный своею боевою дѣятельностію въ Афганистанѣ), генералъ Гордонъ изъ Тегерана, генералъ-инспекторъ артиллеріи въ странѣ (Nairne) и начальникъ мѣстныхъ войскъ — виконтъ Франкфортъ, вліятельнѣйшіе совѣтники правительства изъ мусульманской среды (брамаписты, напр., высокообразованный раджа Нараянъ Кришна, тоже засѣдающій въ совѣтахъ, отсутствуютъ въ силу кастовыхъ требованій о неоскверненіи себя ѣдой съ иновѣрцами): Амиръ-Али, Али-Ханъ, Навабъ-Ашанулла-Ханъ, Шахзадэ Фурокшахъ, — генеральные консула (германскій: баронъ фонъ-Гейкингъ, человѣкъ съ большимъ вѣсомъ и знаніемъ, австро-венгерскій: Штокингеръ изъ Бомбея, французскій: Альтемеръ, датскій: Симсонъ, сѣверо-американскій: полковникъ Мерриль).

Изъ случайныхъ гостей можно только назвать молодаго лорда Гамильтона, временно находящагося въ Калькуттѣ (онъ былъ одно время въ Петербургѣ и знаетъ по русски).

Также присутствуютъ: греческій священникъ отецъ Н. Паннасъ и греческій консулъ Петрокочино. Современная Эллада, какъ видно, дальше нашего шагнула (въ смыслѣ предпріимчивости) на коммерчески важный юго-востокъ. Православный храмъ во имя Преображенія Господня тутъ существуетъ уже съ 1780 г., когда тогдашній знаменитый генералъ-губернаторъ Уорренъ Гастингсъ, женатый на уроженкѣ г. Архангельска, первый подписалъ на сооруженіе этой церкви двѣ тысячи рублей.

Выходъ къ обѣденному столу совершается изъ тронной залы, гдѣ намѣстникъ королевы Викторіи въ «дурбарные» дни является князьямъ инородческой крови или на особомъ серебряномъ престолѣ, или на золоченомъ «слоновомъ сѣдалищѣ» (ховда) когда-то грознаго англичанамъ султана Типу (въ южной Индіи). Все вокругъ отведеннаго подъ это мѣсто возвышенія изукрашено свѣтлымъ привознымъ мраморомъ и озарено вечерними огнями. Портреты по стѣнамъ, колонны, мундиры залиты блескомъ.

Архіепископъ для Индіи и Цейлона — Джонсонъ (The Right Reverend Lord Bishop and Metropolitan) благословляетъ трапезу. Рядомъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ садятся вице-король и Бенгальскій генералъ-губернаторъ. Въ концѣ обѣда провозглашаются тосты за Государя Императора и ея величество «Queen Empress», за Августѣйшихъ путешественниковъ.

Трудно себѣ представить банкетъ оригинальнѣе и знаменательнѣе того, на которомъ мы сегодня присутствуемъ. Въ оправѣ восточнаго великолѣпія, среди неслышно скользящихъ безчисленныхъ слугъ-инородцевъ, фактически правящая Индія чествуетъ прибытіе Высокаго Гостя, почерпающаго ежедневно на пути разностороннѣйшія данныя объ искусствѣ европейцевъ распоряжаться Азіей, объ ея великомъ прошломъ и неопредѣлимомъ будущемъ, о задачахъ истинной міровой культуры на Востокѣ.

Вотъ — обаятельно любезный маркизъ Лэнсдоунъ (съ громкимъ въ Англіи именемъ, именемъ гуманистовъ, филантроповъ!). Въ данное время положительно мало дѣятелей на земномъ шарѣ, у которыхъ на плечахъ лежало бы болѣе тяжкое умственное и нравственное бремя, чѣмъ лежитъ въ исходѣ XIX вѣка на англо-индійскихъ вице-короляхъ. Наслѣдье Акбара и Аурангзеба — незавидное наслѣдье для европейцевъ. Страна можетъ быть источникомъ богатства и могущества для ея современныхъ владыкъ, но таковое матеріальное благополучіе покупается цѣною неусыпныхъ заботъ и опасеній, печальнымъ сознаньемъ трудности удержать за собою ненасытныя земельныя пріобрѣтенія предшественниковъ съ одинаковою административною властью, наконецъ, вѣчно чуткимъ вниманіемъ по отношенію къ тѣмъ явленіямъ, что создаетъ на политическомъ горизонтѣ вѣроломная внутренняя жизнь страны.

Намѣстникъ королевы-императрицы держитъ власть надъ населеніемъ (на 1,800,000 квадратныхъ миль, съ длиною сухопутныхъ границъ въ 8000, а морскихъ въ 7000 верстъ). Сложнѣйшіе административные и политическіе вопросы, вызываемые простою необходимостью попеченія объ уврачеваніи многихъ нуждъ покореннаго края, суровая отвѣтственность передъ англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ и особенно передъ не знающей удержу либеральной родной печатью, — все заставляетъ аристократовъ, соглашающихся принять вице-королевскій постъ въ Индіи, не смотрѣть на него какъ на синекуру. Никакой почетъ, никакая благодарность потомства не могутъ вознаградить за безсонныя ночи труда и страданія на этой высотѣ, на этомъ искусственномъ престолѣ. Развѣ можно напр. не испытывать огорченій, вѣчно субсидируя изъ индійскихъ же суммъ коварный какъ море Афганистанъ, гдѣ столько пядей земли обагрено кровью британскихъ солдатъ, куда каждый походъ ознаменовывался и впредь неожиданно можетъ всегда ознаменоваться невѣроятными пораженіями, безславными побѣдами, безцѣльными захватами и неминуемыми уступками? Рядомъ, въ горныхъ ханствахъ, представляющихъ отчасти terram incognitam съ этно-географической точки зрѣнія, что ни шагъ — рискованныя дипломатическія комбинаціи, обоюдуострыя рѣшенія, сознаніе нравственнаго безсилія что-нибудь справедливо пріобрѣсть и твердо отстоять. Предательски близкія и лакомыя владѣнія туземныхъ князьковъ (Кафиристанъ, Хунза и Нагаръ) съ одной стороны сами собой падаютъ въ руки англо-индійской имперіи (къ радости такихъ ожесточенныхъ руссофобовъ, какъ ученый Лейтнеръ, знатокъ этихъ мѣстностей!), но съ другой стороны какъ-бы составляютъ лишній гордіевъ узелъ на сѣверной окраинѣ.

Участь, постигшая махараджу Кашмира въ прошломъ году, и вызванные подобнымъ событіемъ (Голабъ-Сингъ въ 1846 г. по договору въ Амрицарѣ получилъ «благословенную» область — за вѣрность Англіи — въ неотчуждаемую собственность, а резидентъ Низбэтъ недавно устранилъ прямаго преемника-правителя, по подозрѣнію въ измѣнническихъ замыслахъ) неодобрительные толки въ средѣ развитыхъ индусовъ тоже, конечно, не относятся къ числу обстоятельствъ, скрашивающихъ злобу дня. Усиливающееся финансовое разстройство, — благодаря всякимъ побочнымъ огромнымъ расходамъ (въ особенности военнымъ) не на пользу странѣ, — въ свою очередь, въ высшей степени непріятно отражается. Уже прежнему намѣстнику королевы — Дэфферину выпала на долю исторически неблагодарная роль завоевателя свободолюбивой Бирмы и подстрекателя противъ Россіи, т. е. противъ совокупности разумныхъ началъ Азіи, во главѣ коихъ мы невольно стоимъ: того, кто замѣнитъ болѣе осторожнаго и чуткаго маркиза Лэнсдоуна, ждетъ удѣлъ настоящаго творца въ новомъ миролюбиво-осмысленномъ направленіи, своевременность котораго дальновидные англичане теперь, пожалуй, и сами признаютъ. Жаль

только въ интересахъ всего этого неоглядного края и его повелителей, что вице-короли на слишкомъ короткіе сроки назначаются на подобную важную должность и, едва успѣвъ объѣхать полуостровъ съ примыкающими къ нему землями, отзываются назадъ (до момента, когда государственный дѣятель начинаетъ созрѣвать для созданія чего-нибудь разносторонне обдуманнаго, цѣльнаго и самобытнаго).

Положеніе такъ-называемыхъ «Lieutenant-Governors» (вродѣ Бенгальскаго) гораздо лучше и плодотворнѣе. Они обыкновенно остаются подолгу въ странѣ, имѣютъ хотя и гигантскій, но опредѣленный раіонъ дѣятельности, изучаютъ свои любопытнѣйшіе округа въ мельчайшихъ деталяхъ, судятъ объ инородцахъ не случайно (по идеямъ, принесеннымъ изъ Англіи), а сердечно и тонко, вникая въ корень вещей. Эллiотъ, управляющій Бенгаліей, представляется именно таковымъ. Какъ ни опасно приходить къ выводу на основаніи мимолетныхъ впечатлѣній, относительно сэра Чарльса онъ едва-ли ошибоченъ. Въ немногихъ живыхъ словахъ онъ мнѣ очертилъ симпатичную сторону характера туземцевъ, говорилъ какъ человѣкъ, а не сухой администраторъ, остановился, между прочимъ, на одной трогательной подробности, которая рисуетъ интимную связь любой англо-индійской семьи съ коренными элементами. Рѣчь идетъ объ «аяхъ» (ayah означаетъ кормилицу или няньку, избираемую въ туземной средѣ). Онѣ, по отзыву безпристрастнаго англичанина-наблюдателя, являются свѣтлыми точками даже при наиболѣе скорбныхъ домашнихъ очагахъ европейскаго населенія въ странѣ. Съ минуты, что «ая» вошла въ домъ, онъ ей дѣлается роднымъ и дороже всего въ мірѣ. Самоотверженно привязываясь къ чужимъ «бѣлолицымъ» дѣтямъ, принимая къ сердцу всѣ радости и особенно всѣ горести господъ, заботясь исключительно о сохраненіи ихъ хозяйственныхъ интересовъ, такая нянька-наемница (инородческаго происхожденія) въ концѣ концевъ на каждомъ шагу преображается въ добраго генія, въ ангела-хранителя представителей и представительницъ пришлой высокомѣрной рассы, которую сородичи подобной «аи» или боятся, или ненавидятъ. Она же всецѣло предана этимъ европейцамъ: ихъ малютки отъ нея заимствуютъ мѣстныя нарѣчія, узнаютъ чудныя индійскія пѣсенки и сказки, шутя служатъ отличными переводчиками для взрослыхъ членовъ семьи, проникаются гуманными чувствами и взглядами. Няня опять-таки забываетъ даже о своихъ насущнѣйшихъ потребностяхъ, тратитъ послѣднія деньги на покупку игрушекъ ненаглядныхъ питомцамъ, готова ради нихъ оставить дорогую родину, нерѣдко замѣняетъ имъ рано утраченную мать. Народы Индіи, гдѣ простонародная масса безпрерывно выдѣляетъ такихъ женщинъ, счастливы и отмѣчены лаской судьбы: въ этой странѣ человѣчество пользуется еще истиннымъ здоровьемъ духа, а отъ него исходитъ и на немъ зиждется жизнь высшаго порядка. . .

Епископъ Джонсонъ, присутствующій на парадномъ вице-королевскомъ обѣдѣ, олицетворяетъ собою оффиціальную Англиканскую церковь, воздѣйствующую на индо-цейлонскій міръ. По правдѣ сказать, значеніе ея пока не столь глубоко, какъ вліяніе другихъ вѣроисповѣданій, лишенныхъ одинаковой поддержки и равнаго сочувствія правительственныхъ сферъ. Свѣтлыя благородныя личности (вродѣ Хебера, Мидльтона, Уильсона) стояли во главѣ англиканства на колонизируемомъ полуостровѣ; но представителями иныхъ религіозныхъ направленій являлись еще болѣе сильныя, убѣжденныя и прозорливыя натуры съ апостольскимъ призваніемъ. Немудрено, что озаренное творчествомъ миссіонерство, пробужденіе къ «свѣту Истины» если не массы, то многихъ отдѣльныхъ единицъ,

доставалось именно ревнителямъ, проповѣдывавшимъ и боровшимся съ грубымъ иновѣріемъ на почвѣ любви къ ближнему, — кто-бы онъ ни былъ, — на почвѣ равноправнаго отношенія къ людямъ любой рассы, любаго устарѣлаго строя.

Христіанство съ очень давнихъ поръ пустило корни въ Индіи. Оно занесено было туда евреями еще въ ту далекую эпоху, когда финикіяне единовременно торговали и съ туманными берегами Англіи, и съ цвѣтущимъ Цейлономъ. Въ I. вѣкѣ нашей эры знаменитый мореходъ Гиппалъ вникъ въ чередованіе муссоновъ на Индійскомъ океанѣ и прямо отъ Аравіи проплылъ открытымъ моремъ къ Малабарскимъ заливамъ, островамъ. Послѣ окончательнаго паденія Іерусалима, бѣглецы оттуда устремились на востокъ и пронесли до порога Деккана «великую благую вѣсть» о Богочеловѣкѣ. Въ свою очередь индусы (наравнѣ съ иранцами и скиѳами, съ жителями Бактріи и Эѳіопіи) стали стекаться — въ ту же пору — къ міровому центру знаній, торговли и вообще всякой культуры (т. е. въ Александрію). Духовно-нравственная атмосфера, вліявшая на великихъ Отцевъ — Оригена и Климента, подвигнула на проповѣдь язычникамъ Индіи извѣстнаго покаявшагося стоика Пантэна. Черезъ Египетъ, вверхъ по Нилу и отъ города Коптоса къ Чермному морю, а затѣмъ черезъ Аденъ направился туда въ исходѣ II. вѣка этотъ краснорѣчивый учитель (изъ важнѣйшаго тогдашняго разсадника христіанской науки) и, насадивъ здѣсь православіе, благополучно вернулся обратно.

Мало-по-малу на Востокѣ однако восторжествовали еретическія начала. Несторіанство создало себѣ въ Месопотаміи центръ новаго воздѣйствія на жаждавшую свѣта Азію. Когда европейцы (католики и протестанты) впослѣдствіе стали замѣтно утверждаться въ ней, ихъ надежды найдти тутъ опору среди квази-единовѣрцевъ отнюдь не увѣнчались успѣхомъ, а скорѣе наоборотъ: послѣдніе, охотно сносившіеся съ Армянской церковью и даже съ Коптскимъ патріархомъ, по временамъ открыто дѣлались врагами первыхъ. На такого рода пріемъ въ значительной степени вліяло поведеніе самихъ пришельцевъ изъ-за моря, особенно португальскаго фанатичнаго духовенства, которое простерло свою нетерпимость съ язычниковъ и на такъ-называемыхъ «малабарскихъ христіанъ», будто-бы просвѣщенныхъ еще въ апостольскія времена Апостоломъ Ѳомою, но затѣмъ уклонившихся отъ истиннаго пути. Была пора, когда отъ руки католиковъ тутъ даже насильственной смертью гибли пріѣзжавшіе изъ Сиріи епископы. Теперь, впрочемъ, въ этой средѣ замѣчается (несмотря на упорно-консервативное настроеніе туземныхъ вѣрующихъ) желаніе ближе быть къ роднымъ по духу вѣроученіямъ, открыто протянуть дружественную руку Западу и просить у него помощи, совѣта. Въ данномъ случаѣ Англиканская церковь идетъ на встрѣчу несторіанамъ, часть коихъ въ странѣ уже съ XVII. вѣка признала, однако, власть Римскаго первосвященника.

Что касается до калькутскихъ правительственныхъ архіепископовъ, всегда выдѣлявшихся своею ученостью, — то, надо признать, они съ своей стороны дѣлали и дѣлаютъ все, дабы «бѣлый элементъ» въ колоніи отличался добрыми качествами и дабы инородцы, такъ-сказать, сами собою непринужденно склонялись къ принятію крещенія.

Высчитано, что еще недавно въ Индіи каждое обращеніе протестантами въ христіанство въ общемъ обходилось до тысячи фунтовъ стерлинговъ. Въ данное время, при широкомъ развѣтвленіи миссіонерской дѣятельности, положеніе дѣла быстро улучшается. Какъ ни странно, но толчекъ ей данъ не столько изъ набожной и богатой Англіи, сколько изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, откуда организованное воздѣйствіе на индійскій языческій міръ пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ новые и новые фазисы развитія. Материкъ, ошибочно открытый Колумбомъ вмѣсто Индостана, когда геніальный

мореплаватель плылъ на западъ съ хоругвью, на которой былъ начертанъ «зеленый крестъ», долженствовавшій свидѣтельствовать о высшихъ проповѣдническихъ цѣляхъ экспедиціи (помимо другихъ земныхъ), — этотъ самый материкъ нынѣ высылаетъ старому Востоку многихъ христіанскихъ вѣроучителей, жертвуетъ на духовное просвѣщеніе тамошнихъ косныхъ массъ, безкорыстнѣе кого-либо относится къ настоящимъ нуждамъ населеннѣйшаго азіатскаго полуострова. Такъ, напр. изъ 64 миссіонерскихъ обществъ, трудящихся въ районѣ «Индія, Бирма, Цейлонъ» — 18 (и притомъ едва-ли не самыхъ энергичныхъ!), приходится на долю американцевъ, — что, впрочемъ, и не мудрено, когда знаешь, что ими ежегодно собирается съ вѣрующихъ на миссіи и дѣйствительно тратится на нихъ до 10,000,000 рублей.

Пока число христіанъ во владѣніяхъ королевы-императрицы равняется менѣе чѣмъ одному проценту населенія въ странѣ. И то лишь за послѣднее время столь ничтожное въ сущности количество доросло и до этой величины! Отчасти явленію способствовала незримо воспламенившаяся, съ удвоенными силами, неутомимая проповѣдь католическихъ проповѣдниковъ, которые легче другихъ сживаются съ инородцами и безропотно переносятъ самыя тяжелыя жизненныя условія. Оттого, конечно, власть Ватиканскаго узника крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ. Большинство когда-либо обращенныхъ индусовъ исповѣдуетъ католицизмъ.

Переходящіе въ христіанство часто принадлежатъ къ фетишистамъ и шаманствующимъ, къ чертопоклонникамъ, къ змѣепоклонникамъ и т. п. элементамъ низшихъ кастъ или, выражаясь точнѣе, иногда даже не кастъ, а племенныхъ особей, еще недостаточно подпавшихъ подъ могучее вліяніе браминовъ, которые съ постепенно возрастающею энергіей, упорно идутъ въ глушь, гдѣ обрѣтаются во множествѣ дикари, приносящіе въ жертву богамъ людей, — обожающіе тотъ или иной камень странной формы, — до сихъ поръ не знающіе ведаической культуры и пантеона новѣйшихъ шиваито-вишнуитскихъ измышленій.

Къ чести протестантскаго міра слѣдуетъ сказать, что онъ — одинаково съ католическимъ духовенствомъ — подчасъ выдѣлялъ для активной проповѣди и разумнаго воздѣйствія на инородческую среду почтеннѣйшихъ дѣятелей, убѣжденнѣйшихъ ревнителей воплощенія Истины Христовой, апостоловъ смиренія и любовнаго отношенія къ глубоко непросвѣщеннымъ иноплеменникамъ. Таковыми были, напримѣръ: въ началѣ XVIII вѣка шведъ Кирнардеръ (изъ хорошей семьи, давшей Карлу XII двухъ превосходныхъ офицеровъ, убитыхъ въ бою подъ Полтавою), значительно позже — баптистъ Карей, въ серединѣ нашего столѣтія — самоотверженный шотландецъ Duff. Первый (изъ названныхъ) до 88-лѣтняго возраста прожилъ въ Индіи, всецѣло отдавшись ея населенію и ни разу не помысливъ вернуться въ Европу. Между присоединенными къ христіанскимъ понятіямъ, подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ, насчитывались не только индусы, но и здѣшніе китайцы. Второй (William Carey) въ поту лица одиноко принялся трудиться (во имя сближенія съ туземцами) надъ расчисткой не благополучнаго — изъ-за міазмовъ и звѣрей — густаго джонгля въ устьяхъ Ганга. Результатомъ вскорѣ явилась возможность окрестить одного индуса въ струяхъ священной для него рѣки (при громадномъ скопленіи любопытнаго народа). Карей провелъ въ Индіи свыше сорока лѣтъ и скончался праведникомъ, у котораго незадолго до его смерти англиканскій епископъ Калькутты испрашивалъ благословенія. Duff работалъ главнымъ образомъ надъ насажденіемъ знанія въ инородческомъ юношествѣ (съ освѣщеніемъ всего воспринимаемаго учениками въ христіанскомъ духѣ, въ связи съ практически-полезнымъ примѣненіемъ европейской науки къ индійской жизни).

Помимо этихъ трехъ лицъ выдвигались и навѣрно выдвигаются другіе менѣе извѣстные благочестивые ревнители однороднаго миссіонерскаго типа. Плодотворная дѣятельность ихъ безспорно полна значенія, но у предмета есть, между прочимъ, также и оборотная характерная сторона. Индусы, какъ и вообще въ большинствѣ случаевъ язычники на Востокѣ, терпимы до крайней степени. Родители не задумываются поручать дѣтей воспитанію западныхъ проповѣдниковъ, а наряду съ тѣмъ молятся своимъ кумирамъ, чтобы обучаемые отнюдь не принимали христіанскихъ обычаевъ и взглядовъ. Не рѣдко встрѣтить знатныхъ туземцевъ, щедро жертвующихъ на Библейское общество и ремонтъ церквей, единовременно съ тѣмъ посылая дары капищу Кали. Для правильнаго сужденія о крестящихся или просто сочувствующихъ нашей вѣрѣ азіатахъ требуется особый масштабъ зрѣнія et beaucoup d'indulgence.

Только мусульмане почти безусловно замкнуты передъ подобными просвѣтительными вліяніями. Они (хотя и съ колебаніями) готовы принимать образованіе, развиваться, искать соціальной равноправности съ англичанами; но въ религіозномъ отношеніи этотъ элементъ не любитъ и зачастую не терпитъ проповѣди, несогласной со смысломъ Корана. Съ тѣхъ поръ, что исламъ, въ 80-хъ годахъ, сталъ распространяться (правда, въ незначительныхъ размѣрахъ!) въ самой Англіи, куда его изъ Марокко завезъ ливерпулецъ Квильямъ, устроившій настоящую мечеть и пріобрѣтшій нѣсколько десятковъ послѣдователей среди соотечественниковъ, миссіи у индійскихъ мусульманъ естественно потеряли много шансовъ на успѣхъ.

Стоитъ взглянуть на сосредоточенно-горделивыя физіогноміи сидящихъ за вице-королевскимъ столомъ мусульманъ, чтобы понять, какую политическую силу они собою представляютъ въ Индіи. Вопросъ конгрессовъ ихъ мало тѣшитъ. Краснорѣчіе всякихъ «бабу» у нихъ въ полномъ пренебреженіи. Передовые «навабы» деспотичны по природѣ и готовы, лишь скрѣпя сердце, дѣлить съ пришельцами положеніе и значеніе въ краю: правительству же надо выбирать на перепутьи, какого рода captatio benevolentiae своевременнѣе, т. е. дружить-ли и угождать-ли милліонамъ магометанъ или отчасти поддерживать индуизмъ въ его вѣчно прорывающейся ненависти къ «убивающимъ священныхъ коровъ» иновѣрцамъ-магометанамъ. Взвѣсить выгоды, могущія проистекать отъ того или другаго направленія, не такъ-то легко: въ кровавомъ мятежѣ 1857 г. непримиримые до поры-до времени туземцы-враги (по религіи) клятвенно сплотились въ жаждущую крови и разрушенія напряженно-воинственную массу...

Послѣ параднаго обѣда — вечеръ въ «Government House» съ двумя тысячами приглашенныхъ. Въ исходѣ десятаго часа Ихъ Высочества проходятъ изъ столовой въ верхній этажъ по довольно узкой лѣстницѣ, гдѣ на стѣнахъ развѣшены и выразительными обликами говорятъ о своемъ быломъ весьма сомнительномъ величіи портреты какого-то персидскаго шаха и афганскаго эмира Ширъ Али, причемъ тутъ же рядомъ смотрятъ изъ рамъ: Биконсфильдъ, мальчикъ-Низамъ и Людовикъ XI французскій, служащій трофеемъ чьей-то побѣды надъ французами въ окрестной мѣстности, когда кромѣ этой картины англичане взяли, съ захваченнаго непріятельскаго корабля, еще нѣсколько цесарскихъ мраморныхъ бюстовъ, которые теперь украшаютъ обѣденный залъ.

Наслѣднику Цесаревичу представляется цѣлая безконечная вереница знатнѣйшихъ туземцевъ. Между ними выдѣляется (именемъ и даже, до извѣстной степени, доброю

славой) покровитель и знатокъ туземной музыки, вообще туземной мудрости и искусствъ раджа Тагоръ. Въ этомъ семействѣ уже не одно лицо заслужило общее уваженіе за гуманитарныя стремленія и меценатство.

Музыка издревле пользуется въ Индіи исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Наше слово «гамма» — санскритскаго происхожденія и означаетъ «лѣствицу звуковъ», а также (что весьма удивительно и характерно) «деревню» какъ стройное цѣлое съ общиннымъ устройствомъ. Каждой мелодіи, каждому пѣснопѣнію присуще въ странѣ особое, такъ-сказать почти магическое вліяніе на міръ явленій, причемъ вполнѣ допускается сокровенная связь ихъ съ природою вещей. Система нотъ, — кстати добавить, извѣстная индусамъ уже, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. — браминами передана будто-бы въ Иранъ и оттуда лишь черезъ арабовъ въ Европу, гдѣ только въ XI столѣтіи италіанскій монахъ Аретинъ (Guido di Arezzo) опредѣлилъ скàлу тоновъ.

Одинъ изъ князей Тагоръ, въ качествѣ тонкаго цѣнителя, давно уже печется о родной музыкѣ, собираетъ инструменты, которыми край славится со времени эпическихъ поэмъ, издаетъ произведенія ея искусства, всячески старается заинтересовать ею европейцевъ.

Дѣйствительно, туземныя «балалайки» (схожія съ русскими!), — однородныя съ ассирійскими арфы, — прообразы нашихъ западныхъ скрипокъ, гитаръ и тамбуриновъ, — орнаментировка древне-египетскаго типа на предметахъ царства Терпсихоры, — мистическая роль раковинъ, какъ боевыхъ роговъ и принадлежностей культа, — все это крайне замѣчательно и достойно самаго разносторонняго изслѣдованія.

Море свѣта въ отраженіи зеркалъ. Тяжелая позолота на мебели и на стѣнахъ. Желтоцвѣтные шелковые диваны въ гостиной. Среди толпы гордо выступаетъ и бросается въ глаза Вали-Ахмедъ, посланецъ изъ Кабула. Рядомъ, обращаютъ на себя вниманіе туземцы-офицеры разныхъ полковъ Бенгальской кавалеріи и пѣхоты.

Въ числѣ гостей на вечерѣ у вице-короля намъ показываютъ нѣмецкаго путешественника Отто Элерса, извѣстнаго своимъ долгимъ пребываніемъ въ Африкѣ и участіемъ въ экспедиціяхъ Висмана. Этотъ туристъ направляется въ Ассамъ и въ Индо-Китай, для изученія тамошнихъ колоніальныхъ дѣлъ съ точки зрѣнія піонера германской цивилизаціи, въ предѣлахъ «Чернаго материка», и въ связи съ вопросомъ о возможности приручить со временемъ африканскихъ слоновъ къ боевой, т. е. особенно къ транспортной службѣ, какъ привычны здѣшніе «великаны джонгля» и какъ были когда-то (въ эпоху разцвѣта карѳагенской власти и при Птолемеяхъ) мѣстные, еще болѣе огромные, но и болѣе неукротимые слоны. Воспользоваться ихъ силой и выносливостью, конечно, желательно, — и нельзя не найдти весьма практичною мысль нѣмцевъ о пріобрѣтеніи столь важнаго средства для борьбы съ препятствіями въ негритянской странѣ. Она представляетъ такую обширную арену дѣятельности ощущающимъ дома тѣсноту соотечественникамъ Элерса, что чѣмъ скорѣе ихъ Drang nach Süden изберетъ оригинальные пути, тѣмъ легче будетъ западной континентальной Европѣ.

Между знатнѣйшими туземцами въ залѣ невольно приковываетъ взоры рѣдко одѣвающійся въ цвѣтныя національныя ткани, обыкновенно предпочитающій имъ европейское платье, — воспитанный на англійскій ладъ, отверженный всѣми кастами, молодой и несмѣтно богатый Кучъ-Бихарскій махараджа. Сегодня онъ сіяетъ въ шелкахъ и драгоцѣнностяхъ. Его ближайшіе предки стояли на уровнѣ полудикарей, добивались признанія за собою браминами человѣческихъ и княжескихъ правъ, — а онъ уже порвалъ связи со стариной, обвѣнчался съ дочерью одного реформатора, проповѣдывавшаго такъ-называемый «брамоизмъ», — религіозную общину съ отрицающимъ средневѣковой строй

направленіемъ (на половину въ духѣ Ведъ, отчасти же опять-таки на раціоналистической подкладкѣ).

Княгиня (махарани) ѣздила съ мужемъ за море, гостепріимнѣйшимъ образомъ принята была королевой Викторіей и аристократами Великобританіи, вращалась среди нихъ запросто, какъ «Mrs. Cutch», въ данную минуту, очевидно, присутствуетъ на многолюднѣйшемъ собраніи. Она, впрочемъ, и не одна. Кромѣ нея замѣчается нѣсколько дамъ инородческаго происхожденія. Индія просыпается въ смыслѣ эмансипаціи. Многіе терема раскрылись. За стѣнами ихъ ростетъ потребность въ образованіи. Мужская молодежь ищетъ грамотныхъ и сколько-нибудь развитыхъ женъ. Миссіонерши охотно принимаются въ качествѣ наставницъ и совѣтницъ, въ смыслѣ помощи больнымъ дѣтямъ, поддержки нравственной при домашнихъ неурядицахъ и т. п. Энергичная лэди Дэфферинъ искусно утилизировала свое положеніе, создавъ громаднѣйшій фондъ изъ щедрыхъ пожертвованій на правильную организацію дѣла врачеванія слабаго пола, который отъ равнодушія и суевѣрія окружающихъ терпѣлъ и терпитъ суровую нужду. Человѣколюбивая супруга прежняго вице-короля выписала сюда женщинъ-медиковъ (первою явилась, кажется, дѣвица Елена Буршье) и акушерокъ, открыла десятки больницъ и лѣчебницъ для приходящихъ, завѣщала преемницѣ: столь же гуманно настроенной маркизѣ Лэнсдоунъ, и свою иниціативу, и крупный капиталъ, составившійся изъ подношеній владыкъ Джайпура, Альвара и другихъ.

Справедливость требуетъ сказать, что настоящею и первою печальницею о судьбахъ женщины въ Индіи была miss Carpenter, сестра знаменитаго физіолога: уже будучи старушкой, она прибыла сюда изъ Англіи, вникла въ положеніе страждущихъ матерей и родильницъ, основала ради вспомоществованія имъ, въ 1870 г. «National Indian Association», нынѣ находящуюся подъ Августѣйшимъ покровительствомъ принцессы Уэльской.

Все пока — въ туземной замкнуто-семейной жизни — противорѣчитъ условіямъ гигіены. Многіе чисто вѣроисповѣдные обряды предписываютъ поступать въ ущербъ здоровью. Широко и трудно призваніе европейской ревнительницы, желающей отъ души облегчить или хоть сколько-нибудь смягчить участь представительницъ мѣстнаго слабаго пола, охотнѣе прибѣгающихъ подъ покровъ Шивы и Дурги, чѣмъ внимающихъ непонятному голосу иноземной науки. Но свѣтъ пронизываетъ тьму. Каждый годъ даетъ тотъ или иной благой результатъ, смягчая муки сотенъ тысячъ душъ населенія, отъ рожденія осужденнаго прозябать въ глухомъ затворничествѣ... Правда, у сѣятельницъ на этой нивѣ чисто-христіанскаго милосердія свои страданія, свои утраты, наконецъ переутомленіе: напр. въ Калькуттѣ отъ него недавно умерла американка-докторша Mary Seelye, всецѣло посвятившая себя уходу за туземками и дѣтьми. Неусыпное рвеніе ее преждевременно убило.

Въ 1883 г., маленькая хрупкая браминка Анандибай-Джоши направилась на Нью-Іоркъ и въ Пенсильванію изучать медицину и за докторскимъ дипломомъ. Послѣдній она получила, и съ тріумфомъ принята была на родинѣ за подвигъ и жажду помочь соотечественницамъ. Чахотка подкосила труженицу въ 1887 г. на двадцать второмъ году.

Приблизительно въ тѣ-же зимы, другая 18-лѣтняя вдова — индуска (Pundita Ramabai Sarasvati) поѣхала заниматься въ Англію, сопровождаемая лишь своимъ ребенкомъ.

Обѣ эти поклонницы знанія — изъ маратской земли, гдѣ женщина менѣе скована общественными предразсудками, гдѣ больше потребности въ практическихъ знаніяхъ, гдѣ шире сочувствіе различныхъ слоевъ населенія педагогическимъ начинаніямъ, облагороженному стремленію впередъ. Строго говоря, Рамабай и ей подобныя лица даютъ жизненный толчекъ идеямъ лэди Дэфферинъ.

Исторія Индіи вообще богата замѣчательными женскими типами, самоотверженно-пылкими дѣятельницами, государственно-мудрыми и единодержавными царицами. За примѣрами достаточно обратиться отъ эпическихъ жизненно-правдивыхъ описаній, съ изумительнымъ колоритомъ, къ эпохѣ вторженій ислама въ языческій міръ: султанши, повелѣвавшія, вродѣ правнучки Мамая — литвинки Елены Глинской и враждебной Петру Софіи (съ ихъ Телепневымъ-Оболенскимъ, Голицынымъ), — властолюбиво настроенныя жены и вдовы Моголовъ съ ихъ презрѣніемъ къ опасностямъ, съ ихъ прозорливостью и внѣшнею красотою богинь, — всѣ онѣ составляютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достойное и психологически-интересное pendant нашимъ типичнѣйшимъ княгинямъ и боярынямъ въ Московскій періодъ. Вотъ-бы гдѣ черпать матеріалъ и вдохновеніе русскимъ писателямъ и художникамъ! Жаль только, что мы еще не вполнѣ освоились съ подробностями того быта, — того прошедшаго, о которомъ я говорю.

Вторникъ, 15 (27) января.

Утромъ Ихъ Высочества посѣщаютъ (въ сопровожденіи англійскихъ офицеровъ Swinton, Brasier-Creagh и Lister) Зоологическій садъ, — извѣстный подъ сокращеннымъ названіемъ «Zoo». Онъ обязанъ своимъ настоящимъ положеніемъ вниманію и поддержкѣ одного изъ выдающихся англо-индійскихъ дѣятелей — сэра Ричарда Тэмпля, хотя и до него много было создано основателемъ учрежденія Карломъ Людовикомъ Швендлеромъ. Въ память послѣднему за его труды (онъ умеръ, работая здѣсь, въ 1882 г.) среди звѣринцевъ высится обелискъ и домикъ, пріютившій фазановъ, наименованъ «Schwendler House».

Мы идемъ отъ ограды къ оградѣ, гдѣ помѣщена туземная и всевозможная иная фауна, — вдоль сооруженій, носящихъ названія по махараджамъ или богатымъ жертвователямъ (преимущественно евреямъ: Гюббай, Эзра), которые ихъ воздвигали. Изъ числа князей, не безъ тщеславія принявшихъ участіе въ расширеніи и благоустройствѣ «Зоологическаго сада», можно упомянуть Кучъ-Бихарскаго, Дарбунгійскаго, Сонбарсійскаго, Ангульскаго, Джиндійскаго.

Количество различныхъ экземпляровъ, собранныхъ тутъ, равняется примѣрно 100 млекопитающихся, 600 птицамъ и 150 пресмыкающихся.

Почти противъ входа — въ «Думраонскомъ» отдѣлѣ (онъ, кажется, возникъ на средства горожанъ одноименнаго съ нимъ центра въ Бенгаліи) — орутъ и кривляются, цѣпляясь хвостами за перекладины и столбы, цѣлыя кучи обезьянъ (не только со всего полуострова, но и вообще различнѣйшихъ азіатскихъ породъ). Вотъ ужъ подлинное царство Ханумана, помогавшаго своими полчищами божественному Рамѣ, когда онъ шелъ походомъ на Цейлонъ!

Бурыя макаки прыгаютъ рядомъ съ серебристо-сѣрыми, длинно-хвостыми, черномордыми лангурами, у которыхъ — уморительно-серьезное выраженіе лица, обрамленнаго бѣлою густою шерстью. Одна обезьянка шаловливо сидитъ, отвернувъ голову въ бокъ и притворяясь глубоко равнодушной къ происходящему вокругъ нея. Другая набила полный ротъ кормомъ и сердито пучитъ глаза при нашемъ приближеніи. У третьей вырывается изъ груди тихая нѣжная жалоба и лапки свѣшены внизъ, тогда какъ грустный взглядъ ея устремленъ впередъ: это — уже такая особенность ассамской породы.

Промежъ строеній — изобиліе зелени, воды. За извѣстную плату посѣтителямъ дозволено катанье въ лодкѣ, уженье. Красивый бассейнъ наполненъ золотыми рыбками. На открытомъ воздухѣ, однако, мало видно водяныхъ пернатыхъ, что объясняется частыми

нашествіями шакаловъ, противъ ловкости и жадности которыхъ сторожа безсильны. За то уроды-носороги какъ-то рельефнѣе выдѣляются одиночествомъ среди садовой влаги. Говорятъ, будто экскременты ихъ дорого продаются въ туземныя аптечки, ибо народная медицина считаетъ таковые полезнымъ ингредіэнтомъ лекарствъ. Цвѣтами радуги пестрятъ и горятъ въ своихъ стеклянныхъ затворахъ крылатые представители тропическаго міра. Здѣшній «Zoo» постоянно совершаетъ обмѣны съ важнѣйшими аналогичными учрежденіями Америки, Австраліи и Европы.

Гіэны и волки, омерзительно пахнущія лисицы, кэнгуру, кабаны, крокодилъ, черные лебеди, разнообразнѣйшія антилопы, сингапурскія и яванскія лани, курдючныя афганскія овцы и т. д. и т. д. по очереди привлекаютъ вниманіе Августѣйшихъ путешественниковъ. А вотъ и «косолапые мишки», уроженцы края, заявляютъ о себѣ несмолкающимъ ревомъ... Бенгальскіе медвѣди крайне безобидны и добродушны; они безпрерывно встаютъ на заднія лапы, опираясь о рѣшетку клѣтки, жалобно стонутъ и какъ-бы взываютъ къ сочувствію каждаго, кто подходитъ къ ихъ тюрьмѣ. Изъ другихъ «потапычей» налицо: во-первыхъ, гималайскій медвѣдь, который считается крупнѣйшимъ изъ всѣхъ,

когда-либо и гдѣ-либо томившихся въ неволѣ (ему даны дерево и башенка-колодезь для жилья), — а затѣмъ внушительныхъ размѣровъ «стервятникъ» съ нашего Сѣвера. Книжечка (guide-book) о достопримѣчательностяхъ Калькутты коротко и ясно говоритъ о немъ, что онъ, не зная отдыха, мечется въ заточеніи, какъ «истый московитъ!» И у насъ еще, послѣ подобныхъ лестныхъ аттестацій, плачутся на русскую лѣнь!... Англичане на примѣрѣ внушаютъ инородцамъ совершенно иныя понятія.

Мы подходимъ къ загражденію, гдѣ спятъ или еле движутся пресмыкающіяся. Даже спокойному европейцу въ концѣ концевъ должны быть непріятна ихъ близость, ихъ медлительность и притягательный взоръ. Что же ощущаютъ суевѣрные коренные жители края?

Культъ змѣй до сихъ поръ еще весьма распространенъ въ Индіи. Смертоносное животное, которое предпочитаетъ щадить все живое и скорѣе неохотно пользуется даннымъ ему отъ природы страшнымъ ядомъ, туземцами естественно чтится какъ нѣчто сверхъ-естественное и мудрое, воплощающее божественную силу и достойное соотвѣтствующаго поклоненія. Язычниками измышлена даже особая богиня (Манаса), царица гадовъ и покровительница тѣхъ людей, кто ей молится, для спасенія отъ нихъ.

Если въ любой крестьянской хижинѣ Индіи хозяйка заслышитъ шелестъ движеній незримой кобры, гоняющейся на кровлѣ или въ подпольѣ за крысами и мышами, то она

оставляетъ работу и благоговѣйно складываетъ руки, какъ-бы для молитвы: вѣдь ядовитая змѣя служитъ ожерельемъ грозныхъ боговъ, является стражемъ сокрытыхъ въ землѣ сокровищъ, можетъ обогатить любаго бѣдняка, обладаетъ чудеснымъ даромъ ежегодно мѣнять кожу и вообще обновляться, пользоваться вѣчной юностью, принимать любой образъ! Чаще всего отъ змѣинаго укушенія у поселянъ гибнетъ скотъ и тѣмъ не менѣе они считаютъ именно кобру чуть-ли не покровительницею своихъ домашнихъ животныхъ. Англійское правительство сулитъ и платитъ хорошія деньги истребляющимъ опасныхъ гадовъ; но ни одинъ уважающій себя индусъ не подниметъ руки на такую для него святыню, какъ ядовитая змѣя, и даже постарается спасти ее отъ гибели, если ей грозитъ таковая отъ нечестиваго европейца. За послѣднее время, всякое цыганье, — живущее въ джонгляхъ, — нарочно плодитъ гадовъ, чтобы потомъ въ бо́льшемъ количествѣ представлять ихъ убитыми британскимъ чиновникамъ. Ясно, что при такомъ отношеніи народа, число смертныхъ случаевъ отъ укушенія не уменьшается, размноженіе ядовитыхъ пресмыкающихся трудно остановить; напротивъ, во всѣхъ провинціяхъ (кромѣ Бомбейской) теперь даже больше погибаетъ людей отъ змѣинаго яда, чѣмъ погибало нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Есть только одно средство для борьбы со зломъ: это — расчистка лѣсной чащи у деревень и въ связи съ этимъ безпощадное преслѣдованіе гадовъ; но для приведенія въ силу такихъ проектируемыхъ мѣропріятій у администраторовъ едва-ли скоро хватитъ денегъ и досуга. Обслѣдовать съ этими цѣлями джонгль вокругъ инородческаго жилья тоже едва-ли мыслимо, да и не всегда политично, такъ какъ онъ крайне милъ привыкшему къ нему населенію. Пожалуй, что и не стоило издержать за 1888—90 г.г. около 200,000 р. на уплату за умерщвленныхъ змѣй!

Пресмыкающіяся (въ калькуттскомъ Зоологическомъ саду) въ данную минуту спасаются отъ солнечныхъ лучей, заползли въ каменья, свернулись кольцами въ прохлаждающемъ дернѣ. Въ часы кормленья, подъ вечеръ, гады просыпаются и жадно ловятъ бросаемыхъ имъ живыхъ лягушекъ.

Босоногій привратникъ, при этомъ логовищѣ змѣй, безстрашно перелѣзаетъ къ нимъ за рѣшетку, пускаетъ туда двухъ несчастныхъ бѣлыхъ мышей, тревожитъ палкой сердито шипящихъ сытыхъ тварей. Онѣ не хотятъ лакомиться, залѣзаютъ подальше подъ миніатюрную горку, — гдѣ ихъ норы, — чернѣютъ и синѣютъ (изъ отверстій въ нихъ) переливчатою чешуею. Бѣдные же грызуны, отданные на съѣденье, не чуютъ опасности, перебѣгаютъ отъ одной зловѣщей закрытой пасти къ другой, съ любопытствомъ заглядываютъ въ подземные переходы, гдѣ сторожитъ смерть. Не знаешь, чему больше удивляться: равнодушію-ли туземца, который выводитъ изъ оцѣпенія и дразнитъ змѣй, или трогательной безпечности мышатъ, осужденныхъ на скорую погибель.

Нѣсколько шаговъ въ сторону отъ необычнаго зрѣлища, — и мы у львовъ, у тигровъ, у «чернаго леопарда» (съ Малакки). Кромѣ миловидныхъ новорожденныхъ тигрятъ, въ звѣриныхъ клѣткахъ всего замѣчательнѣе «полосатый» людоѣдъ, истребившій будто-бы, до поимки, свыше двухсотъ человѣкъ. Тигры вообще неохотно нападаютъ на двуногаго «царя природы», но иногда проникаются бо́льшею хищностью и, отвѣдавъ немного нашего мяса, ищутъ уже затѣмъ жертвы за жертвой, пока прожорливости такихъ страшилищъ не положатъ предѣла или искусные охотники, или несокрушимыя тенета.

Содержащійся здѣсь косматый «man-eater» и взаперти внушаетъ къ себѣ чувства почтенія: онъ не мирится съ участью узника, грозно кидается на подходящихъ чуть-чуть поближе, старается достать ихъ когтями, бѣшено кружитъ на своемъ каменномъ помостѣ и словно говоритъ сверкающими глазами: презрѣнные люди, я всетаки могущественнѣе

васъ! дайте мнѣ мгновенье свободы, и я все окрестъ растерзаю, упьюсь вашей кровью, до пресыщенья напитаюсь вашими тѣлами!

Неподалеку отъ этого свирѣпаго тигра сидитъ философски настроенный орангутангъ; онъ по природѣ — комикъ, насмѣшливо посматриваетъ на посѣтителей сада, съ ужимками чешетъ себѣ затылокъ и готовъ удрать всякую штуку. Напримѣръ, кто-то ему передаетъ газету: умная громадная обезьяна сначала точно читаетъ по печатному, но затѣмъ отчаевается найдти въ ней смыслъ и дѣлаетъ себѣ изъ нея колпакъ, — причемъ всѣ присутствующіе при подобной сценѣ, конечно, помираютъ со смѣху. Изъ-подъ бумаги, низко опущенной на лобъ, презабавно торчитъ выразительное, совершенно человѣческое лицо съ глубокомысленно нахмуренными бровями.

Ихъ Высочества возращаются въ «Government House» изъ предмѣстья Алипуръ, гдѣ находится «Zoo», пересѣкая черезъ такъ-называемый «Дзирутскій мостъ» притокъ Хугли «Tolly's Nulla». На берегу послѣдняго было и есть ядро доисторической и сравнительно новой Калькутты, такъ какъ притягивающая массы богомольцевъ кумирня Кали, давшая наименованіе городу, помѣщалась и до сихъ поръ помѣщается именно тутъ. Капище возникло въ память чуда. Жена Шивы изъ любви къ мужу, сгарая отъ причиненной ему ея отцемъ обиды, убила себя. Неутѣшный вдовецъ, богъ аскетизма и разрушенія, взвалилъ на плечи ея трупъ и пошелъ съ нимъ бродить: куда онъ ни приходилъ, неразлучно шествовали чума и всякія бѣдствія, пока Вишну не ухитрился разсѣчь тѣло богини своимъ дискомъ на многіе куски. Народъ воздвигалъ по святынѣ, гдѣ они падали на землю. У «Tolly's Nulla» образовался выдающійся религіозный центръ, ибо сюда свалился второй палецъ лѣвой ноги Кали.

Однимъ изъ піонеровъ англійскаго дѣла на бенгальской почвѣ, въ концѣ XVII вѣка, оказался Джобъ Чарнокъ, въ сильнѣйшей степени объязычившійся отъ долгаго пребыванія среди туземцевъ: когда умерла его любимая наложница, которую онъ вытащилъ изъ погребальнаго костра ея супруга, этотъ европеецъ даже приносилъ ежегодно установленныя обычаемъ жертвы на дорогой для него могилѣ. Собственно онъ является основателемъ настоящей Калькутты. Ему понятно было крайне благопріятное положеніе, занимаемое въ краю алтаремъ властнаго надъ населеніемъ божества, которому толпа слѣпо молилась, обыкновенно закалывая козъ (и, въ годины страшнаго несчастья, дѣтей!). Еще не очень давно, при какой-то эпидеміи или въ голодную пору, передъ идоломъ нашли человѣческую голову въ цвѣтахъ. «Черная» подруга Шивы любитъ кровавыя зрѣлища, корчи умирающихъ, муки тварей. Она изображается съ высунутымъ золотымъ языкомъ. По преданію, враждуя съ демонами, богиня пришла въ ярость, повергла передъ собою всякія препоны и подъ конецъ, восторжествовавъ надъ злыми началами, въ дикой пляскѣ стала выражать свой неистовый восторгъ: вселенная заколебалась, ужасъ охватилъ небеса, моря и сушу, — а Кали продолжала адскій танецъ, — и вдругъ, о стыдъ! видитъ во прахѣ, — подъ ногами у себя, — самого великаго Шиву. Смущенная до глубины души она такъ и замерла съ высунутымъ языкомъ...

Наивное міросозерцаніе, — но всетаки мало интереса медлить на немъ!

Мы выѣзжаемъ на обширнѣйшее ровное пространство (Maidan), идущее по направленію къ вице-королевскому дворцу. Съ одной стороны — родъ парка, съ другой арена скачекъ. Наконецъ, прямо впереди высится вереница памятниковъ, составляющихъ гордость правителей Индіи. Наиболѣе бросается издали въ глаза колонна (въ двадцать

пять саженъ высоты, съ галлереею вокругъ вершины), воздвигнутая въ честь сэра Давида Октерлони, искусно дѣйствовавшаго въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка въ Раджпутанѣ, воевавшаго съ маратами, сикхами, горкинцами. Затѣмъ различаешь изваянія, памятующія заслугу различныхъ выдающихся по уму и таланту администраторовъ (лордовъ: Бентинка, Каннинга, Лауренса, Норфбрука). Джэмсъ Оутрамъ на конѣ, — величаемый старожилами восточнымъ Баяромъ, «рыцаремъ безъ страха и упрека», — красуется тутъ же «на ристалищѣ храбрости, энергіи и благородства». Могучій всадникъ словно осаживаетъ ретиваго скакуна, оборачивается къ «своимъ», ведетъ соотечественниковъ къ побѣдѣ надъ возмущенными сипаями, готовъ врѣзаться въ ихъ ряды для освобожденія гибнущаго Лэкноу и для мести надъ инородцами, рубившими «бѣлыхъ» женщинъ и дѣтей въ Каунпорѣ.

Когда ѣдешь по Майдану и видишь эти бронзовыя фигуры «съ непокрытой головой», (начиная отъ Хардинга, — работы извѣстнаго художника Фолей, — и кончая имъ же исполненной статуей лорда Мэо, открытой при посѣщеніи страны принцемъ Уэльскимъ), невольно проникаешься чувствомъ удивленія къ націи, которая такъ умѣетъ чтить и превозносить родныхъ героевъ, патріотовъ и государственныхъ мужей. Живымъ пантеономъ стоятъ подобные монументы подъ небомъ Калькутты и только одно маленькое сомнѣніе закрадывается въ душу иностранца, отдающаго должное британскому самосознанію: зачѣмъ понадобилось правительству отмѣчать на пьедесталахъ участіе туземныхъ элементовъ въ сооруженіи столь вещественныхъ доказательствъ чужеземнаго торжества надъ мѣстными народами? Вѣдь между цѣлями тѣхъ, кому здѣсь даруется безсмертіе за покореніе и обузданіе инородческихъ массъ, и понятіями коренныхъ жителей края, въ сущности нѣтъ и не можетъ быть безусловно ничего общаго, — а если такъ, то кого же этимъ послѣднимъ искренно оплакивать, о комъ хвалебно вспоминать, чему создавать ореолъ величія и славы? Очевидно, въ подобномъ явленіи кроется нѣкоторая аномалія. Политическій тактъ требовалъ бы другаго отношенія къ вопросу.

Жаль, что англичане, при широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій, не поставили до сихъ поръ памятника на калькуттскомъ «Майданѣ» геніальному французу Дюплэ, который первый изъ европейцевъ въ срединѣ прошлаго вѣка охватилъ Индію творческой мечтой колонизатора и администратора, стремился къ закрѣпленію торговыхъ связей съ Китаемъ и Тибетомъ, провидѣлъ способность азіатовъ быть послушнымъ боевымъ орудіемъ подъ руководствомъ «бѣлыхъ», положилъ начало смѣлому проекту созданія цѣлой новой имперіи на развалинахъ царства Моголовъ и махараджей. Британскіе государственные люди и полководцы энергично примѣнили къ жизни эти идеи непризнаннаго и развѣнчаннаго королевскимъ Парижемъ генералъ-губернатора франко-индійской территоріи. Среди вереницы изваяній, составляющихъ гордость всякаго истиннаго патріота съ береговъ Альбіона, прозорливецъ Дюплэ, такъ-сказать намѣтившій основу и возможность относительно твердаго европейскаго владычества на брамино-мусульманскомъ полуостровѣ, въ видѣ страннаго исключенія справедливо могъ бы занять почетное мѣсто.

Кромѣ «Zoo» и музея, столица полуострова имѣетъ еще лишь одну достопримѣчательность: роскошнѣйшій Ботаническій садъ, раскинувшійся на рѣкѣ, — на томъ же берегу, что и Ховра, — у предмѣстья Сибпуръ, въ 8 верстахъ отъ центра города. Ботаники цѣлаго міра стараются посѣтить это образцовое учрежденіе развивающееся въ теченіе ста лѣтъ.

Полковникъ Robert Kyd, будучи любителемъ-садоводомъ, положилъ ему начало въ 1786 г. Преемникомъ ему Остъ-индская компанія назначила ученаго натуралиста — William

Roxburgh (изъ Мадраса), и онъ съ 1793 г. до 1815 г. трудился надъ составленіемъ неисчерпаемой «Flora Indica». Дальнѣйшіе директора оказались въ свою очередь на высотѣ призванія. Королевскій Ботаническій садъ вскорѣ сталъ знаменитъ и, служа интересамъ знанія, параллельно съ тѣмъ принесъ и приноситъ громадную практическую пользу, ибо отсюда почерпаются драгоцѣнныя данныя о культурѣ и акклиматизаціи множества иноземныхъ растеній, которыя экономически важны для зарожденія и процвѣтанія плантацій въ благодатной для нихъ сѣверо-восточной Индіи. Опыты доказали, насколько примѣнимо, напр. въ Ассамѣ и Дарджилингѣ, производство чая, хинныхъ деревьевъ (съ Андовъ), улучшеннаго хлопка и вестъ-индскаго сахарнаго тростника. Параллельно являлась возможность точно и безъ особенныхъ затратъ узнать, чего нельзя пересаживать на мѣстную почву.

ГИГАНТСКІЙ БАНІАНЪ У КАЛЬКУТТЫ.

Ихъ Высочества послѣ завтрака отправляются къ Сибпуру, въ сопровожденіи вице-короля и его семьи, съ большою свитою. Дорога туда избрана водою, внизъ по Хугли, на пароходикѣ. Эффектная набережная съ виллами (Garden Reach), подавляющее количество коммерческихъ судовъ, оживленнѣйшая лихорадочная дѣятельность въ сферѣ ихъ якорной стоянки, все ново и оригинально на взглядъ европейца.

Только одному какъ-то плохо вѣрится, когда видишь воочію, что̀ такое столица Индіи: неужели еще какіе-нибудь десятки лѣтъ назадъ здѣсь свободно хозяйничали «тюги» (разбойники въ силу религіозныхъ предписаній), улавливавшіе (на лодкахъ) богомольцевъ и купцовъ для принесенія ихъ въ жертву Кали.

Рукавъ Ганга, по которому мы спускаемся, далеко не безопасенъ въ судоходномъ отношеніи, потому что изобилуетъ мелями, и къ тому же теченіе крайне капризно:

аваріи — не рѣдкость. Искуснѣйшіе лоцмана не всегда могутъ справляться тутъ съ труднымъ дѣломъ кораблевожденія; тѣмъ не менѣе, этотъ рѣчной путь до того выгоденъ, что имъ издревле пользуются, и въ эпоху расцвѣта буддизма въ Бенгаліи ближе къ устью находился богатѣйшій торговый городъ Тамлукъ, посѣщенный въ VII вѣкѣ однимъ извѣстнѣйшимъ китайскимъ пилигриммомъ (Hiouen-Thsang).

Слѣва на рѣкѣ высится группа зданій, окруженныхъ садомъ: бывшій дворецъ потерявшаго престолъ Ваджида-Али, проживавшаго здѣсь въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣ того какъ съ нимъ по своему расправились его прежніе союзники, новые владыки Индіи, которымъ и онъ и его предшественники всячески въ свое время помогали: деньгами, перевозочными средствами и зерномъ (въ тяжелыя для пришельцевъ годины). Англичане отобрали у него царство, включивъ послѣднее въ обширныя и безъ того владѣнія Остъ-индской компаніи. Предлогомъ для такого образа дѣйствій калькуттскимъ властямъ (при генералъ-губернаторѣ лордѣ Далузи) послужили нѣкоторыя злоупотребленія въ предѣлахъ Оуда. Но такъ какъ самъ король, — къ слову сказать, незаконно (отъ европейцевъ) получившій еще въ лицѣ дѣда столь громкій титулъ, не соотвѣтствовавшій зависимой роли простыхъ намѣстниковъ Могола, — такъ какъ самъ король совершалъ разныя насилія, исключительно съ цѣлью всегда быть щедрымъ по отношенію англичанъ, съ дѣтской наивностью зачастую прибѣгая къ защитѣ ихъ штыковъ; то суровая кара, внезапно постигнувшая его, повергла въ трепетъ другихъ князей страны (съ мнимо-самостоятельнымъ положеніемъ) и не могла не поразить глубоко пострадавшаго, хотя ему и оставили часть его сокровищъ. Вотъ одна изъ причинъ раздраженія, распространявшагося въ массахъ передъ возстаніемъ сипаевъ, которые (что бы ни говорили и не писали противъ нихъ!) въ сущности встали мятежемъ не какъ скопище разбойниковъ, но какъ ратоборцы за ту старую Индію, при разложеніи коей многіе еще тогда не хотѣли равнодушно присутствовать. Роптали и хотѣлъ борьбы въ многихъ округахъ самъ народъ, а за нимъ и съ нимъ вмѣстѣ солдаты. Герой обороны города Лэкноу, сэръ Генри Лауренсъ, безукоризненный образецъ мужества и чести, незадолго до смерти, въ стѣнахъ осажденной «Residency», будто-бы изрекъ: «присоединеніе Оуда было величайшею ошибкою и несправедливостью....»

Ваджидъ-Али сперва сильно убивался, когда его устранили отъ управленія краемъ, но едва-ли онъ принималъ какое-нибудь участіе въ заговорѣ милліона туземцевъ противъ своихъ обидчиковъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отправилъ мать въ Англію безуспѣшно ходатайствовать о возстановленіи его попранныхъ правъ, а самъ довольно замкнуто и безпорядочно-дико зажилъ подъ Калькуттою: среди вѣчно пополняемаго гарема, громаднѣйшаго штата баядерокъ, музыкантовъ и шутовъ, наконецъ среди цѣлаго замѣчательнаго звѣринца, который возникъ здѣсь какъ разъ напротивъ разроставшагося Ботаническаго сада. Съ той минуты, что эксъ-король съ грустью положилъ свою чалму на колѣни англійскаго резидента, который лишилъ его власти, онъ заскучалъ и отказался отъ всякой политики. Единственнымъ для него утѣшеніемъ сдѣлалось: дразнить высшую мѣстную администрацію неисполненіемъ тѣхъ замѣчаній относительно его дурнаго поведенія, которыя послѣдняя себѣ не рѣдко позволяла. Разъ ему поставили на видъ, что напрасно онъ держитъ огромное число женъ. Важдидъ-Али немедленно удвоилъ составъ гарема. Когда принцъ Уэльскій посѣтилъ Калькутту и проѣзжалъ мимо оудскаго дворца, обитатели его высыпали на берегъ посмотрѣть на диковинное для нихъ зрѣлище, но отнюдь не выказали никакихъ знаковъ привѣтствія и почтенія.

Когда Лэкноусскаго царя развѣнчивали, онъ безпечно утѣшался игрой въ чехарду. На рѣкѣ Хугли онъ часами сидѣлъ у искусственной горки въ чертѣ своего парка, наблюдая

за тѣмъ, какъ вползали и выползали пущенныя туда змѣи. Подходящее занятіе для случайно познавшаго суету земныхъ сутъ! Наконецъ (передъ смертью: въ 80-хъ годахъ) шіиту Ваджидъ-Али наскучило томиться въ Индіи и онъ отпросился у правительства въ Багдадъ, чтобы успокоить свой грѣшный прахъ въ мусульманской странѣ, неподалеку отъ Кэрбелы, гдѣ схоронены Хассанъ и Хуссейнъ, внуки Магомета черезъ Фатьму и сыновья четвертаго халифа Али.

У пристани Ботаническаго сада Ихъ Высочества и маркизъ Лэнсдоунъ съ женой встрѣчены директоромъ — докторомъ Кингомъ, въ теченіе 20 лѣтъ управляющимъ широкою прирѣчною полосой, занимаемой многоцѣнными насажденіями. Сразу вступаешь въ заколдованный міръ природы, цвѣтущей первозданными красотами растительнаго царства, однако при заботливомъ уходѣ человѣка. Отъ зыбкой золотистой тѣни по сторонамъ и мягкой прохлады слегка кружится и все-таки свѣжѣе работаетъ голова: мы идемъ изъ одной дивной аллеи въ другую. Впечатлѣнія мѣняются съ чарующею медлительностью. Только въ лѣсной тиши можно испытывать столь-же цѣлебное и сладостное настроеніе. Пальмы, пальмы и пальмы . . . . . Я не потревожу глаза и слуха читателей дневника сухимъ перечнемъ латинскихъ наименованій. . . .

ВЪ БОТАНИЧЕСКОМЪ САДУ.

Въ глубинѣ вереницы косматыхъ, но стройныхъ деревьевъ (съ острова Кубы) бѣлѣетъ мраморная ваза (работы скульптора Бэкона): памятникомъ основателю замѣчательнаго сада. Зеркальные пруды отражаютъ небо, межъ непроницаемой зеленью и отягченными ею стволами. Небольшіе мостики соединяютъ рядъ просторныхъ красивыхъ дорожекъ. Люди представляются такими маленькими и ничтожными среди купы космополитовъ-исполиновъ тропической растительности. Чѣмъ дальше подвигаешься подъ ея сѣнь, тѣмъ гармоничнѣе она ширится: не то громадою храма, не то навѣсомъ гигантской ставки кочевника-чингисханида, не то опять-таки симпатичнѣйшимъ изгибомъ любой уединенной

прогулки нашего Царскосельскаго парка. Обиліе Божьихъ даровъ сочеталось здѣсь въ оригинальное цѣлое прилежной человѣческой рукою.... Одинъ изъ прежнихъ директоровъ Dr. Wallich (датчанинъ родомъ) по возможности объѣхалъ съ ботаническими цѣлями земли, населенныя малайцами, посѣтилъ Нэпаль, списался (около 1829 г.) относительно нужныхъ саду коллекцій и отдѣльныхъ экземпляровъ: съ Мысомъ Доброй Надежды, Бразиліей, Африкой, Австраліей. Отовсюду сдѣланы были богатые вклады. Въ двѣ тысячи ботаническихъ садовъ въ свою очередь посланы были изъ Калькутты цѣнные подарки.

ПОДЪ ТѢНЬЮ БАНІАНА.

По временамъ здѣсь такъ и кажется, что находишься въ Мильтоновскомъ раю. Саговыя пальмы, сдвигающіяся въ изящную группу, величавостью очертаній напоминаютъ, параллельно съ тѣмъ, иныя линіи готическаго стиля. Съ какою жалостью невольно относишься въ этой области древеснаго міра къ какому-нибудь сѣверному дубочку, пересаженному сюда: на бенгальскую почву, въ дышущую избыткомъ жизни атмосферу, гдѣ среди представителей, напр. тихо-океанскаго экваторіальнаго архипелага аккуратному кудрявому чужанину некогда отдохнуть въ объятіяхъ зимы, некогда отряхнуть усталыхъ листьевъ, некогда погрузиться въ тихія грезы временнаго соннаго небытія.

При садѣ, говорятъ, есть великолѣпная библіотека и связанный съ нею первоклассный въ Азіи гербарій, гдѣ хранится 30—40,000 сухихъ растеній.

Передъ нами — чудо полуденныхъ краевъ, воспѣтое санкритской пѣсней дерево «Асвата», широковѣтвистый или точнѣе потерявшій счетъ вѣтвямъ, столѣтній баніанъ

(Ficus indica). Онъ обладаетъ, примѣрно, 250 воздушными корнями и отростками, то припадаетъ къ матери-землѣ, то снова отдѣляется отъ нея свѣжими побѣгами, образуетъ колоннаду столбиковъ подъ тѣнью листвы, могущей, пріютить до 10,000 человѣкъ, такъ какъ она имѣетъ до ста двадцати саженъ въ окружности. Удивительно-ли, что индусы молятся на подобную «рощицу отъ одного могучаго ствола», стремятся украсить подобными же насажденіями свои религіозные центры, не рубятъ фикуса, вообще стараются не прикасаться къ нему съ корыстной цѣлью. Такого рода деревья начинаютъ жить эпифитами на другихъ и постепенно душатъ, уничтожаютъ прежнюю точку опоры. Есть экземляръ, еще громаднѣе калькутскаго: въ маратской землѣ, близь Пуны.

Столица края часто посѣщается ужасающими по дѣйствію циклонами. Множество кораблей срывается съ якоря, обломки снесенныхъ крышъ кружатся въ воздухѣ, толпы пострадавшихъ и лишенныхъ крова людей долго въ испугѣ мечутся по городу. Ураганъ обрушивается обыкновенно и на садъ, губитъ питомники, лишаетъ пальмы ихъ гордаго убора, низвергаетъ красивѣйшія аллеи, въ минуту общипываетъ сенегальскій баобабъ, у котораго семь саженъ въ обхватъ, — но передъ баніаномъ ярость вихря безсильна или, скорѣе, ничтожна, такъ какъ сокрушить столь прочное и гибкое полуодушевленное существо никакому порыву не удается.

Одному такому циклону англичане въ Калькуттѣ 1857 г. отчасти обязаны своимъ спасеніемъ: махараджа Гваліора пригласилъ тогда (до возстанія) общество на пикникъ въ Ботаническомъ саду. Сипаи собирались напасть тамъ врасплохъ на веселящихся: только погода помѣшала тѣмъ и другимъ.

Мѣстами (вокругъ искусственно проведенной влаги) во избѣжаніе однообразія, насыпаны зеленѣющіе бугорочки. Мы проходимъ мимо благоухающихъ цвѣтниковъ, мимо оригинальныхъ оранжерей, которыя, съ одной стороны, предназначены оберегать черезчуръ нѣжныя растенія отъ теплой бенгальской зимы, съ другой же, — должны служить огражденіемъ для тѣхъ, что пересажены съ сѣвера и боятся непомѣрнаго зноя безжалостно палящихъ и острыхъ лучей; отъ послѣднихъ дана защита въ видѣ проволочныхъ сѣтокъ и пучковъ травы, наложенныхъ слоями надъ ними.

НА ПУТИ ВЪ МАДРАСЪ.

Завтра состоится отъѣздъ въ Бомбей. Черезъ двѣ недѣли вообще придется проститься съ Индіей. Воспринятыя при посѣщеніи ея поучительныя мысли и неисчерпаемые по обилію образы то яснѣютъ, то расплываются въ неопредѣлимыя и причудливыя сочетанія предметовъ, именъ и лицъ. Не будь у меня съ собою, почти на каждомъ шагу, порядочнаго запаса спеціальныхъ и справочныхъ книгъ, не сопровождай Наслѣдника Цесаревича по странѣ такой тонкій знатокъ Востока, какъ сэръ Мэкензи Уоллесъ, — крайняя быстрота передвиженія еще замѣтнѣе бы отражалась на формѣ и содержаніи записей о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ и связи туземнаго настоящаго со стариной. Надо сказать, что любезность властей, — при желаніи иностранца получить какія бы то ни было свѣдѣнія объ имперіи ея величества королевы Викторіи, — внѣ похвалы и подражанія: всевозможные вопросы освѣщены и обслѣдованы, кромѣ того, многоцѣнными источниками съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Оффиціальные гигантскіе печатные труды (вродѣ «Statistical Survey» «Imperial Gazetteer of India») составляютъ цѣлую библіотеку изъ сотенъ томовъ. Если бы у насъ развитымъ обществомъ съ одинаковымъ рвеніемъ и самозananіемъ изучалась не только Азіатская, но даже Европейская подмосковная Россія, то результатамъ давно уже приходилось бы порадоваться. Между тѣмъ въ смыслѣ пользы для нашихъ восточныхъ окраинъ послѣдніе положительно были бы неоцѣнимы. Сибирь, Кавказъ, Туркестанъ сіяли бы ослѣпительнѣйшими алмазами въ Императорской коронѣ.

Англичанамъ остается пока и должно оставаться замкнутымъ, самое важное: душа народовъ, которыми они правятъ. Глубоко и убѣжденно преклоняясь передъ искусствомъ Британіи владычествовать надъ океанами и чужими царствами, всякій патріотично, но безпристрастно мыслящій русскій не можетъ и не смѣетъ закрывать глаза на коренную противоположность ея правильнаго и нашего далеко неупорядоченнаго хозяйничанья въ предѣлахъ того же громаднѣйшаго и населеннѣйшаго материка. Для однихъ это — пріятная, однако весьма ненадежная оккупація земель, облюбованныхъ солнцемъ и съ невѣроятно дешевымъ человѣческимъ «трудомъ на другихъ изъ-за куска хлѣба». Для антипода

БУДДА-ГАНЯ ВЪ XX ВѢКѢ.

Англіи, для Азіи Бѣлаго Царя, это есть домостройный принципъ, недостаточно еще перевоплощенный въ туземную жизнь. Оттого здѣсь, за Гималаями, все сухо какъ схема и рѣзко обрисовано, какъ привязанный къ пушечному жерлу строптивый сипай: тамъ, отъ Эрзерума до Южно-Уссурійскаго края, отсутствіе внутренняго разлада между такъ-называемыми побѣдителями и побѣжденными, развивающаяся и бьющая ключемъ народная жизнь, которой нѣтъ цѣли скрываться отъ нескромнаго взора политическихъ соперниковъ, — которой нечего опасаться за будущее, потому что она собою олицетворяетъ будущее, — которая, по правдѣ сказать, ничего не завоевываетъ, такъ какъ весь этотъ втягивающійся въ насъ инородческій людъ — намъ братъ по крови, по традиціямъ, по взглядамъ. Мы только тѣснѣе скрѣпляемся и роднимся съ тѣмъ, что всегда было наше.

Слѣдующій случай, передаваемый по англійскому интересному источнику, всего нагляднѣе говоритъ о сущности отношеній, господствующихъ между англо-саксонской рассой и безотвѣтнымъ, беззащитнымъ кореннымъ населеніемъ Индіи. Въ то время какъ у насъ на базарахъ Мерва и Ташкента молодой солдатикъ, смѣшавшись съ толпой азіатовъ, запросто обращается съ ними и отнюдь не чувствуетъ себя среди какихъ-то глубоко ему ненавистныхъ дикарей, типичные представители британскаго оружія и британскаго престижа, въ лицѣ нижнихъ чиновъ, постоянно видятъ въ инородцахъ подобіе тварей, а не людей, такъ что даже насиліе противъ нихъ не можетъ и не должно будто-бы быть поставлено никому въ особую вину.

Близь Калькутты есть мѣстечко, называемое Думъ-Думъ, гдѣ расположены бараки Лейнстерскаго полка. Недавно четыре солдата ушли вечеромъ, захвативъ съ собою ружья изъ казармъ, съ цѣлью гдѣ-нибудь напиться. Они стучались и врывались въ нѣсколько жилищъ, требуя спиртныхъ напитковъ и колотя обывателей, наконецъ раздобылись чужимъ пальмовымъ виномъ и до полуночи пьянствовали. Вслѣдъ затѣмъ эти молодцы пришли къ дому нѣкоего Селима-Шейха, разбудили хозяина, стащили его съ кровати и велѣли вести себя къ ближайшему кабаку. Инородецъ отговаривался незнаніемъ, и за это былъ брошенъ въ сосѣдній прудъ. Одинъ изъ солдатъ вздумалъ тогда стрѣлять по барахтавшемуся въ водѣ Селиму. Поднялась тревога. Сосѣди стали сбѣгаться на помощь умирающему, а убійца съ товарищами спокойно ушелъ въ казармы, и только впослѣдствіе его удалось обнаружить, когда въ награду за раскрытіе преступленія власти пообѣщали дать 300—400 рупій. Два товарища стрѣлявшаго соблазнились этой суммой и выдали виновнаго, котораго, вдобавокъ, призналъ и уличилъ туземецъ, бывшій свидѣтелемъ невѣроятнаго поступка. Къ чести англійскаго судьи, разбиравшаго дѣло, надо сказать, что онъ приговорилъ солдата къ смерти; но приговоръ вызвалъ столько негодованія въ средѣ мѣстныхъ англичанъ и такое возбужденіе среди однополчанъ убійцы, что въ концѣ концевъ его совершенно оправдали и выпустили безнаказанно на свободу. Характерно въ этомъ инцидентѣ слѣдующее: когда солдатъ стрѣлялъ, онъ шутя тѣмъ мотивировалъ поступокъ товарищамъ, что въ этомъ, дескать, нѣтъ бѣды: «много еще останется такихъ черномазыхъ»; а Лейнстерскій полкъ заявлялъ, что если приговоръ приведутъ въ исполненіе, то надо открыто возмутиться и сгоряча приступить къ истребленію всякаго инородца (nigger), который бы попался на дорогѣ. Любопытные нравы! любопытный строй, гдѣ подобныя явленія возможны!

Фактъ приводится не въ укоръ англичанамъ, но лишь для поясненія, какъ въ Индіи страшна бездна между правящими и пассивными элементами. Развѣ на русскихъ наиболѣе запущенныхъ и глухихъ окраинахъ подобное просвѣщенное звѣрство мыслимо и не граничило бы съ областью небывальщины пѣсенъ о Соловьѣ-разбойникѣ?

Вотъ когда и по поводу чего умѣстны были бы митинги для выраженія негодованія, — а то, вѣдь, въ Англіи ихъ принято устраивать лишь въ видѣ антирусскихъ демонстрацій! Тутъ интересъ положенія заключается не въ томъ довольно естественномъ фактѣ, что пьяный и грубый простолюдинъ съ береговъ Альбіона безпричинно убилъ какого-то Селима. Любопытна среда, если не прямо потакающая насилію, то во всякомъ случаѣ воспитывающая необразованныхъ соотечественниковъ въ убѣжденіи, что «бѣлая» кость и «черная» — небо и земля. Наряду съ этимъ, туземцы по-своему тѣшатся надъ враждебными имъ «красными» мундирами. Фокусники (по отзыву англичанъ) не прочь разумѣть подъ учеными обезьянами, разъѣзжающими на дрессированныхъ козахъ, нижнихъ чиновъ чужой арміи. Въ сороковыхъ годахъ юный правитель дружественнаго Британіи Нэпаля забавлялся устройствомъ фиктивныхъ битвъ между горзинцами и разными жалкими паріями, одѣтыми по образцу англійскихъ войскъ и съ набѣленными лицами. Очевидно, кто въ такихъ стычкахъ терпѣлъ пораженіе и выносилъ побои: игра князя была, однако, выраженіемъ народныхъ чувствъ. . .

Тѣмъ желательнѣе, для пользы индійской имперіи, чтобы главное вниманіе ея правящихъ сферъ устремилось на уврачеваніе или по меньшей мѣрѣ смягченіе недуговъ нравственнаго характера, которыми поражены общественные слои. Эпизоды, вродѣ думъ-думскаго, неизмѣримо опаснѣе и печалнѣе всякихъ пограничныхъ инцидентовъ на рубежахъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Афганистана; наивной же европейской печати, по прежнему, кажется знаменательнѣе и важнѣе, когда телеграфъ приноситъ вѣсть о томъ, что мы гдѣ-то въ средней Азіи по необходимости кому-нибудь дали отпоръ, что русскіе начинаютъ мало-по-малу сознательнѣе относиться къ «своему» Востоку, что намъ при всемъ нашемъ добродушіи пора, наконецъ, почаще тамъ произносить нешуточное: «Quos ego».

Согласно компетентному французскому источнику, годовые расходы англо-индійскаго правительства на содержаніе арміи равняются болѣе чѣмъ 200,000,000 р., т. е. иными словами, каждый житель страны платитъ, помимо обыкновенныхъ налоговъ, весьма обременительную дань для упроченія власти надъ собой чуждой рассы и западной разрушительно дѣйствующей цивилизаціи. За послѣднія тридцать лѣтъ на однѣ фортификаціонныя работы издержано до полумилліарда. Не слишкомъ-ли много, когда на Англію въ предѣлахъ Азіи никто и не помышляетъ нападать, а скорѣе сама она постоянно вызываетъ и склоняется къ аггрессивной политикѣ?

Гораздо любопытнѣе данныя о томъ, что дѣлается мудрою администраціей съ цѣлью оживлять производительность края.

Какъ уже сказано, Австралія начинаетъ все болѣе и болѣе интересоваться Индіей и ея экономическимъ положеніемъ. Вопросы ирригаціи и земледѣлія, конечно, играютъ при этомъ первенствующую роль. Говорятъ, что сюда ѣдетъ теперь, по иниціативѣ мельбурнскаго изданія «Age», извѣстный тамошній спеціалистъ по орошенію Альфредъ Дикинъ, раньше того занимавшій дома важную должность «minister of water», а также посѣтившій съ цѣлью спеціальнаго изученія и Сѣверные-Американскіе Штаты, и Египетъ, и Италію. Не мѣшало бы, кажется, въ свою очередь русскимъ инженерамъ чаще знакомиться на практикѣ съ чужими краями, гдѣ — какъ напр. здѣсь — ирригаціонное искусство постепенно доводится до совершенства. Изъ-за границы то и дѣло являются въ эти владѣнія королевы Викторіи просвѣщенные иностранцы, понимающіе высокое значеніе подобныхъ дорого

стоющихъ, но быстро окупающихся сооруженій. Между тѣмъ мы чуть-ли не приглашаемъ англичанъ, для преподанія совѣтовъ въ этой области. Вотъ, хотя бы въ данную минуту, въ Мургабское Царское имѣніе (за Мервомъ, въ Закаспійскомъ краѣ), какъ слышно, пріѣхалъ начальникъ ирригаціонныхъ работъ въ странѣ фараоновъ — сэръ Колинъ Монкрифъ (Colin Moncrieff). Средняя Азія вообще ждетъ нашего творчества: въ отношеніи знанія, чѣмъ вызвать усиленную производительность почвы взамѣнъ гнетущаго и подчасъ ужасающаго безплодія. Туркестанъ, когда-то испытавшій лучшіе дни (сравнительно мирной жизни и культурнаго развитія), такъ-сказать опять «жаждетъ» пробужденія и новой эры при помощи техники. Если въ означенномъ направленіи у кого-нибудь есть чему поучиться въ смыслѣ богатаго опыта и энергическаго содѣйствія природѣ, то именно у индо-британскихъ администраторовъ и водоснабдителей.

Въ виду мѣстныхъ условій и исторической необходимости искусство ирригаціи нигдѣ не процвѣтало шире чѣмъ въ Египтѣ и въ отдаленнѣйшихъ отъ Европы азіатскихъ государствахъ. Сами вавилоняне учились ей на берегахъ Нила. Пока народъ, населявшій равнины Евфрата, близко знакомъ былъ съ нею, до тѣхъ поръ онѣ процвѣтали, — а затѣмъ вдругъ обратились въ пустыню, гдѣ съ нѣмымъ укоромъ взираютъ на путника великія безформенныя развалины городовъ и остатки славившихся прежде каналовъ. Въ Китаѣ и въ Индіи дѣло орошенія связано съ первыми проблесками осѣдлаго быта и существуетъ навѣрное около 3—4000 лѣтъ. Посланникъ царственныхъ преемниковъ Александра Македонскаго, грекъ Мегасѳенъ, въ IV вѣкѣ до Р. Хр. нашелъ уже въ Бенгаліи превосходную ирригаціонную систему, причемъ свободно получалось по два урожая въ годъ. На Цейлонѣ еще встрѣчаются водоемы, сооруженные задолго до нашего лѣтосчисленія: это тѣмъ менѣе удивительно, что даже въ Мексикѣ и въ Перу первые испанцы открыли цѣлую сѣть превосходныхъ оросительныхъ приспособленій, каковыя были знакомы туземцамъ съ незапамятныхъ временъ. Европейцамъ, колонизировавшимъ Старый и Новый свѣтъ, оставалось только примѣнить въ этомъ отношеніи свое искусство къ унаслѣдованному въ завоеванныхъ краяхъ. Наибольшаго достигли при этомъ англичане въ Индіи, гдѣ страшныя, часто повторявшіяся голодовки естественно заставили подумать объ упорной борьбѣ съ засухами. Однако, въ 70-хъ годахъ, несмотря на ассигнованіе 100 милліоновъ рублей для помощи крѣпко нуждавшимся туземцамъ, подъ эгидой калькуттскаго вицекороля умерло голодной смертью 5,250,000 душъ. Очевидно, правительству въ Калькуттѣ немыслимо отступать передъ громаднѣйшими затратами и крайнимъ напряженіемъ вниманія у искусныхъ инженеровъ-ирригаторовъ, разъ что призракъ гибели милліоновъ человѣческихъ существъ, отъ недостатка влаги, вѣчно готовъ угрожать несчастнымъ поселянамъ. Конечно, теперь страна изрѣзана сѣтью желѣзныхъ дорогъ и нуждающимся округамъ легче чѣмъ когда-либо доставлять запасы. Но, благотворя голодающимъ, власти не всегда могутъ достаточно вникать въ настоящія размѣры бѣдствія: многое, что съ европейской точки зрѣнія представляется вполнѣ справедливымъ, на дѣлѣ носитъ совершенно другой отпечатокъ. Напр. во владѣніяхъ инаго раджи всѣ, протягивавшіе руку за помощью, по возможности получали ее, — даже когда просившій или (чаще того) просившая обладали еще браслетами или кольцами-талисманами. Англичане же давали этимъ несчастнымъ пищу лишь въ обмѣнъ за металлъ украшеній, разстаться съ которыми для инородца равносильно было проступку противъ религіи. Обѣ стороны по своему правы, — но развѣ полудикарь способенъ понять кажущееся безсердечіе чужанина-иновѣрца? . .

Здѣсь мнѣ уже который разъ приходится слышать о плохомъ состояніи мѣстныхъ финансовъ.

Не правда-ли, странно говорить о бѣдности или, что еще хуже, объ обѣдненіи Индіи? Вѣдь она намъ-европейцамъ съ дѣтства представляется сказочнымъ источникомъ неистощимыхъ богатствъ, неизсякаемаго плодородія — однимъ словомъ, какою-то Голкондою съ алмазами въ голубиное яйцо! Но на дѣлѣ, особенно въ данное время, этого нѣтъ. Фантастически огромныя сокровища махараджей и Великихъ Моголовъ, неописуемый блескъ туземныхъ дворовъ, все это — область преданія. Чаще чѣмъ когда-либо встрѣчаешься и въ мѣстныхъ отзывахъ, и въ литературѣ предмета съ роковымъ призракомъ «бѣднѣющая Индія»: отчего? отвѣтовъ много, даже слишкомъ много — и всѣ они съ такою откровенностью разоблачаютъ непривлядную картину управленія края чужеземцами, — всѣ они до такой степени живо рисуютъ ненормальное положеніе вещей между южно-малабарскимъ побережьемъ и устьями Ганга, что на первыхъ порахъ плохо вѣрится.

Ежегодный доходъ Индіи равняется приблизительно тремъ милліардамъ рублей. Помню, однако, какъ сегодня и никакъ не могу забыть день Великокняжескаго пріема въ бомбейскомъ губернаторскомъ дворцѣ Парель. . . Кто-то изъ насъ-спутниковъ случайно выразилъ въ разговорѣ свое мнѣніе объ изобиліи даровъ, которыми судьба ее надѣлила. Мэкензи Уоллесъ, слывущій за одного изъ ея авторитетнѣйшихъ цѣнителей, улыбнулся и сказалъ: — «О, нѣтъ: это — въ сущности бѣдная страна (a poor land)!» И какой невѣроятною проніею звучали эти правдивыя слова среди роскоши и великолѣпія оффиціальной встрѣчи! Да, англичане (надо имъ отдать справедливость) не скрываютъ и отъ самихъ себя горькой истины: «Индія — несчастная страна»!

Административное устройство и мѣропріятія для обороны отъ того, кто представляется врагомъ Англіи (но ужъ никакъ не туземнаго населенія), такъ дорого обходятся, что вся прибыль внѣшней торговли испаряется за море, а параллельно съ тѣмъ изсякаютъ рессурсы края. Онъ отнюдь не богатѣетъ отъ тѣснаго общенія со своею могущественною опекуншею и покровительницею, но постепенно теряетъ и ту жизненную энергію, которая ему прежде была присуща. Исчислено, будто, — что ни годъ, — то 300—400 милліоновъ рублей уплываетъ изъ Индіи. Спросятъ: какъ это возможно? Очень просто. Цѣлая армія чиновниковъ, — не считая войска въ красныхъ мундирахъ, — щедро оплачиваетъ инородческими деньгами свой благородно направляемый интеллектуальный трудъ и притомъ кормится ими не только на мѣстѣ, но и вслѣдъ затѣмъ, уже состоя на отдыхѣ и на покоѣ, — дослуживается до громадныхъ пенсій и живетъ, строго говоря, на счетъ голодающаго кореннаго населенія. Суммы, взимаемыя на пользу «бѣлыхъ» и добываемыя цѣною столь тяжелыхъ чужихъ лишеній, не остаются здѣсь и не тратятся на благосостояніе самой страны, а идутъ (въ значительной степени исключительно) на обогащеніе господствующаго элемента. Умные туземцы справедливо недоумѣваютъ: «чего же въ концѣ концевъ англичане отъ насъ хотятъ? неужели же того, чтобы наша родина раззорилась и погибла?» и, конечно, со свойственною азіатамъ льстивостью дополняютъ: «нѣтъ, намъ желаютъ добра; насъ эксплуатируютъ лишь по недоразумѣнію» . . .

Чѣмъ дольше находишься въ Индіи, тѣмъ яснѣе становятся нѣкоторыя весьма своеобразныя причины неустойчивости западныхъ принциповъ на почвѣ консервативно-древняго Востока.

При всемъ великолѣпіи, которымъ обставляютъ себя представители высшей англійской власти въ краѣ, имъ всетаки далеко до того, чѣмъ являлся въ глазахъ темнаго

туземнаго населенія, цѣнящаго по временамъ особый внѣшній блескъ, дворъ Моголовъ, дворъ настоящихъ царей полуострова. Тогда принято было тратить ежегодно много десятковъ милліоновъ рублей на покрытіе расходовъ по содержанію однихъ только гаремовъ и штатовъ. Стоило, напр. такому властелину, какъ императоръ Акбаръ, отправиться на охоту — и за нимъ поднимался въ путь цѣлый городокъ палатокъ и шатровъ, причемъ 100 слоновъ, 500 верблюдовъ и 4000 телѣгъ требовались только для подъема такого гигантскаго лагеря. Даже при отсутствіи парадной обстановки, 500 человѣкъ конвоя и 2000 слугъ неизмѣнно слѣдовали за Моголомъ, не включая въ это число необходимыхъ въ дорогѣ ремесленниковъ. Когда другой императоръ той же династіи (Аурангзебъ) въ 1665 г. отправился въ Кашмиръ, то взялъ съ собою на прогулку 35,000 всадниковъ, 10,000 человѣкъ пѣхоты и 70 тяжелыхъ пушекъ, для передвиженія каждой изъ которыхъ нужно было впрягать до 40 воловъ. Кромѣ того, взято было въ путь извѣстное количество легкихъ орудій, помѣщавшихся на богато изукрашенныхъ повозкахъ, запряженныхъ парами лошадей. Такія маленькія пушки всегда посылались впередъ и, въ моментъ прибытія царя къ любому мѣсту стоянки, салютовали. Послѣдняя представляла собою необозримое множество пестроцвѣтныхъ временныхъ сооруженій: покои императора, его пріемные шатры, ограды гаремовъ, купаленъ и т. п. образовывали рядъ правильныхъ улицъ и переулковъ среди еще болѣе многочисленныхъ и разнохарактерныхъ ставокъ каждаго министра или любаго знатнаго царедворца. Конюшни, провіантскіе магазины, военные склады, кухни, — все это ночью ширилось до безконечности, а на зарѣ снова шумно поднималось и двигалось въ дальнѣйшій путь, гдѣ къ вечеру ожидалъ такой же ночлегъ, т. е. организованный въ грандіозныхъ размѣрахъ станъ.

Если принять въ соображеніе, что убогое и забитое населеніе страны по невѣжеству и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ не знаетъ, кто собственно правитъ ими: боги-ли или эпическіе герои — то ясно, какое значеніе необходимо придавать помпѣ правительственныхъ передвиженій по краю. Вице-королями назначаются лорды-богачи; имъ ежегодно дается въ видѣ жалованья цѣлое крупное состояніе — и тѣмъ не менѣе даже этихъ суммъ не хватаетъ на поддержку настоящаго царскаго престижа, который нельзя же искусственно создать для народовъ, привыкшихъ видѣть во властелинѣ Помазанника Божія, а не вѣчно чередующагося съ другими сановника, отдающаго, въ концѣ концевъ, отчетъ въ своихъ замыслахъ, поступкахъ и распоряженіяхъ, то парламенту, то (что всего хуже) радикаламъ несправедливо-рѣзкой и безстыдно-тенденціозной печати. Природному повелителю на Востокѣ въ сущности не нужны ни внѣшній блескъ, ни эфемерные знаки почета: въ обаяніи личности, въ степени окружающаго ее миѳологическаго простонароднаго творчества таится сила каждаго престола... Ну, а гдѣ же европейцамъ fin du siècle набраться такихъ аттрибутовъ древности и власти?

Въ Индіи давно уже отличается нѣкоторымъ вліяніемъ армянскій элементъ, никогда не порывавшій духовныхъ связей съ Эчміадзиномъ. При каждомъ избраніи Католикоса въ предѣлахъ Россіи есть голосъ и отъ его единовѣрцевъ съ Ганга. Кавказъ и наше государство вообще поэтому дороги сердцу народа, въ интересахъ торговли давно углубившагося въ Азію и занявшаго во многихъ краяхъ видное экономическое положеніе. Положимъ, съ той прикаспійской окраины за Гималаи испоконъ вѣка являлись выходцы съ разнообразнѣйшими профессіями. Въ XIV вѣкѣ, напримѣръ, около Бомбея мусульмане

казнили грузина-христіанина Димитрія изъ Тифлиса. Въ исходѣ XV столѣтія въ южной Индіи основалъ новую мусульманскую династію нѣкій Баридъ изъ проданныхъ въ рабство грузинъ или малоазійскихъ турокъ. У Акбара считалась любимой женою христіанка изъ Грузіи.

Но преобладающимъ племенемъ съ кавказской кровью всегда были армяне. Когда одинъ Великій Моголъ искалъ невѣсту служившему у него доктору-англичанину и тотъ отказывался, говоря, что не возьметъ иновѣрки, — ему представили армянку, дочь царскаго военно-начальника. Когда сэръ Ро, первый англійскій посланникъ въ Индіи, собирался ѣхать во внутрь страны изъ Сурата, — вдругъ (почти на погибель экспедиціи) поваръ свиты страшно набуянилъ, напившись у духанщика — «армянина». Въ этой роли, а также и въ качествѣ плантаторовъ (особенно въ области разведенія и сбыта индиго) потомки Гайка разбрелись по цѣлому полуострову, переправились въ Бирку, всюду, — гдѣ можно, — основали по цвѣтущей колоніи. И въ Калькуттѣ возникла таковая, настолько прочная и состоятельная, что уже въ 1724 г. Аго Назаръ основалъ тутъ армяно-григоріанскую церковь. Число ея прихожанъ должно было быть значительнымъ, если спеціально на ихъ долю перепало въ 1757 г. 700,000 р. пени съ Бенгальскаго наваба за нападеніе на городъ. Теперь въ столицѣ страны ихъ насчитывается свыше восьмисотъ.

Калькуттскія духовныя чада Эчміадзинскаго патріарха (коихъ предки, къ слову сказать, уведены персіянами на чужбину изъ Джульфы), сознавая значеніе для нихъ Россіи, захотѣли что-нибудь принести въ даръ Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу и пользующійся авторитетомъ среди своихъ единовѣрцевъ археологъ-любитель Іосифъ Меликъ-Бегкаръ заказалъ съ этой цѣлью модель знаменитаго храма въ Будда Гайѣ. Серебряники-армяне взялись сработать ее, подъ наблюденіемъ англійской ювелирной фирмы Стефенъ. Фактъ подношенія любопытенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что безусловно исходитъ отъ чистаго сердца и краснорѣчиво говоритъ о возбуждаемыхъ нами симпатіяхъ, — а во вторыхъ, въ виду сдѣланнаго выбора, что̀ именно возсоздавать. Памятникъ, о которомъ упомянуто, выражаетъ собой непрерывное вѣковое служеніе Азіи буддійскому принцу на его родной почвѣ, несмотря на все противодѣйствіе ислама и браминскаго міра.

Кумирня-монументъ, возникши на мѣстѣ, прославленномъ созерцательной жизнью и достигнутымъ ею просвѣтленіемъ въ душѣ «учителя», вотъ уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ притягиваетъ взоры его послѣдователей. Заново отстроенная при царѣ Асокѣ пагода, въ средніе вѣка и въ наше время, подымается нѣсколько разъ изъ развалинъ, благодаря усердію присылавшихся къ ней бирманскихъ посольствъ. За послѣдніе годы англичанами обращено больше вниманія на сохраненіе или даже на подходящую реставрацію древнихъ «языческихъ святынь». Изысканія, недавно произведенныя въ Будда-Гайѣ, привели занимавшихся ими къ мысли, что въ стѣнахъ главнаго памятника, вѣроятно, еще замурованы: и «адамантовый престолъ царевича-мудреца», и обломки его перваго кумира, сдѣланнаго, по преданію, изъ 8 драгоцѣнностей (кристала, жемчуга, слоновой кости, коралловъ, рубиновъ, сапфировъ, аметистовъ, изумрудовъ).

Нынѣ Будда-Гайя становится центромъ въ глазахъ мѣстнаго теософическаго общества (наслѣдія отъ нашей соотечественницы Блаватской) и разноплеменныхъ буддистовъ, которые мечтаютъ основать при старомъ храмѣ монастырь, высшія училища съ богословскимъ и философскимъ факультетами, съ просвѣщеннымъ кружкомъ космополитовъ-ревнителей (Maha-bodhi Society) и своимъ журналомъ, съ книгохранилищами и т. п. — создать, однимъ словомъ, цѣлый городокъ, разсадникъ знанія и вѣры въ духѣ «учителя», съ цѣлью воздѣйствія на браманизированную Индію, — чтобы постепенно воспользоваться расколами въ

ней и снова обратить несмѣтныя толпы на стезю почитанія «царевича-монаха». Во главѣ умственнаго и религіознаго движенія, кажется, хотятъ имѣть Далай-ламу. Но только вопросъ — въ томъ, можетъ-ли сравнительно замкнутая Лхасса войдти въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ родиной буддизма. Рѣшеніе этой задачи не лишено и политическихъ оттѣнковъ, о которыхъ тѣмъ своевременнѣе вспомнить, что въ Дарджилингъ, около тибетской границы, Ихъ Высочества не ѣдутъ: слѣдовательно мнѣ и не придется при случаѣ подробнѣе говорить о царствѣ жречества въ Гималаяхъ и за ними, о присущей ему громадной культурной силѣ, — о томъ, какъ именно она бьется въ сердцѣ Азіи. Открыть къ нему доступъ до сихъ поръ никому не доводится въ полной мѣрѣ. Только Китай въ лицѣ ряда династій вліятеленъ тамъ и смотритъ до нѣкоторой степени хозяиномъ въ странѣ ламъ. Посягать на нее святотатственной рукой пока рѣшались лишь грубые горкинцы. Напр. въ прошломъ столѣтіи они разграбили, въ южномъ Тибетѣ, его важнѣйшій центръ: Даши-лхунбо. Пекинскій дворъ въ отмщенье послалъ армію на Нэпаль. Она быстро совершила труднѣйшіе зимніе переходы горами, настигла нападавшихъ, разгромила ихъ и, отобравъ добычу, продиктовала пораженнымъ постыдныя условія мира. Много жертвъ оставили китайцы при этомъ неслыханномъ въ лѣтописяхъ походѣ: когда войско хоть на минуту испытывало трепетъ, командовавшій мандаринъ изъ пушекъ арьергарда стрѣлялъ по смутившимся. И престижъ имени богдохана держится вотъ уже цѣлые вѣка надъ тибетскими пустынями и монастырями. Англія тщетно стучится въ двери края, молящагося на вѣчно возрождающихся «святыхъ» людей (изъ мѣстныхъ же уроженцевъ) и сохраняющаго въ самомъ загадочномъ смѣшеніи формъ культъ Будды съ культомъ Шивы. Военно-дипломатическая миссія Маколея (на сѣверъ: за предѣлы британскаго Сиккима), съ конвоемъ въ триста человѣкъ, вѣжливо отклонена была недавно китайскимъ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ затѣмъ произошли даже кровопролитные инциденты тревожнаго для Лхассы характера. Но оттуда трудно бороться съ наступленіемъ или, точнѣе, вторженіемъ европейцевъ въ южный Тибетъ, гдѣ это, по видимому, сознается и самими правителями: по крайней мѣрѣ, въ печатныхъ дневникахъ лэди Дэфферинъ значится, что ея мужу, какъ вицекоролю, въ 1885 г., прислано изъ Даши-лхунбо, привѣтственное письмо отъ великаго «перерожденца» Баньчень Ринпочэ, съ приложеніемъ этнографически цѣнныхъ подарковъ и благодарностью за полученіе въ даръ изъ Калькутты парадныго одѣянія въ 2000 рублей.

БУРЯТСКІЙ ЛАМА НА ИНДО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ

Ясно, что англичане не дремлютъ, — и сношенія постепенно завязываются. Предлоговъ для изученія пограничныхъ мѣстностей — сколько угодно.

Члены альпійскаго клуба въ Лондонѣ, захвативъ съ собою швейцарскихъ проводниковъ, поднялись на нѣкоторыя сиккимскія высоты и увидѣли за недосягаемой «царственной» Кинчинджингой еще болѣе гигантскіе вершины и хребты. Кто туда, наконецъ, первый проникнетъ съ Запада, торжествуя побѣду науки и прогресса надъ преградами чисто физическаго характера: мы-ли, имѣющіе въ своемъ свободномъ распоряженіи для любыхъ экспедицій (несомнѣнно мирнаго и безкорыстнаго свойства) тысячи кроткихъ и преданныхъ, исполнительныхъ пилигриммовъ-ламаитовъ, или же британскіе эмиссары съ горными батареями впереди? Объ этомъ, положительно можно сказать, никто и не думаетъ пока на берегахъ Невы. Между тѣмъ торговля удостовѣряетъ, какими путями вліялъ и вліяетъ Востокъ на пригималайскія страны. Въ числѣ лучшихъ даровъ, присланныхъ княземъ Ладака, когда онъ принималъ подданство англичанъ, находились куски кожи, тисненой золотомъ, съ Всероссійскимъ Орломъ.

Среда, 16 (28) января.

Вчера Ихъ Высочества обѣдали въ такъ называемомъ «Бельведерѣ», — около Зоологическаго сада въ Алипурѣ, — у Бенгальскаго генералъ-губернатора. Его резиденція раскинута среди садовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ знаменитый зиждитель англійской Индіи Уорренъ Гастингсъ имѣлъ свою пышную виллу и гдѣ онъ дрался на дуэли со своимъ врагомъ и обличителемъ Францисомъ.

Сегодня утромъ Августѣйшіе путешественники ѣдутъ осматривать «Mint», величайшій «монетный дворъ» азіатскаго Востока. Лордъ Бересфордъ провожаетъ Наслѣдника Цесаревича по огромному зданію и показываетъ работы.

Оно ширится на углу «Strand Road» у Хугли и улицы Нимтала. Сооруженіе — въ дорическомъ стилѣ; главный входной портикъ — копія половинныхъ размѣровъ съ древне-аоинскаго храма Минервы.

«Mint» строился въ теченіе 1824—1830 годахъ маіоромъ Форбесъ и съ тѣхъ поръ оставался почти безъ передѣлокъ. Только въ 1865 г. пришлось добавить большой флигель для чеканки мѣдной монеты.

Мы спускаемся въ преддверье Ваалова царства (часть мастерскихъ и кладовыя — немного ниже уровня набережной). Въ такъ-называемой «pre-melting room» лежатъ тяжелые свертки съ долларами, полученными отъ разныхъ торговыхъ фирмъ для обращенія этихъ денегъ — за особую двухпроцентную плату — въ рупіи. Здѣсь серебро взвѣшивается, плавится, опредѣляется и оцѣнивается по своимъ качествамъ. Иными купцами оно покупается затѣмъ прямо въ слиткахъ, которые вообще въ большемъ ходу на дальнемъ Востокѣ, гдѣ они «рубятся» на куски и образуютъ измѣнчивыя (смотря по мѣстности) денежныя единицы, послужившія прообразомъ нашего стараго «рубля».

Насъ вводятъ въ просторныя высокосводчатыя подземелья, гдѣ растоплены гигантскія печи; пламя съ адскимъ блескомъ шипитъ отъ продолжительнаго (трехчасоваго) соприкосновенія съ металлами; цѣлые токи бѣлой кипящей массы льются (съ примѣсями золота и мѣди) въ соотвѣтствующіе ихъ количеству чаны. Сплавъ формируется въ круглыя толстыя палки (каждая стоимостью въ 300—400 р.). Онѣ погружаются въ воду для охлажденія и поступаютъ потомъ въ отдѣлъ машинъ, шлифующихъ поверхность всякаго такого слитка. Искусство плавильщиковъ настолько велико, что лишь $^1/_{5000}$ металла

теряется, отпадаетъ при работѣ. Отшлифованные куски растягиваются и штампуются, попадаютъ (въ новомъ маломъ видѣ) на автоматическіе вѣсы, катятся съ нихъ съ математически безошибочно то въ разрядъ черезчуръ тяжелыхъ, то слишкомъ легкихъ, то нормальныхъ монетъ. Первыя (тщательно и согласно съ излишкомъ) обрѣзаются, подпиливаются; вторыя опять отправляются въ плавильню. Чувствительность вѣсовъ неимовѣрна. Они могутъ отличать (какъ насъ увѣряютъ) колебанія на одну шестидесятитысячную долю рубля.

Вслѣдъ затѣмъ мастерятся зубчики у краевъ каждой денежной единицы. Послѣднія еще разъ нагрѣваются до каленія, чтобы придать имъ больше мягкости и чистоты состава, омываются въ кислотахъ и водѣ, передаются наконецъ въ «coining department», гдѣ съ обѣихъ сторонъ тогда отчеканиваются монаршій ликъ, годъ и т. п.

Любая машина съ оглушительной быстротой выстукиваетъ до ста рупій въ минуту. Онѣ, по 2000, зашиваются въ мѣшки и относятся въ провѣрочное бюро, зорко отбрасывающее всякіе дефекты: при сколько-нибудь плохомъ звонѣ отъ паденія на камень, при маломальски шероховатой поверхности монеты неизбѣжно бракуются.

Золото пока — въ ничтожномъ обращеніи среди полуострова. Серебро играетъ первенствующую роль, несмотря на крайнія неудобства вообще сводить счеты съ Европой при разной валютѣ. Поговариваютъ, правда, что она здѣсь доживаетъ свой вѣкъ.

Ихъ Высочества очень долго осматриваютъ «Mint», получая ясное представленіе о дѣятельности этого единственнаго въ своемъ родѣ монетнаго двора, снабжающаго кромѣ двухъ третей Индіи: Цейлонъ, Сингапуръ съ такъ-называемыми «Straits-Settlements» и даже нѣкоторыя ближайшія англо-африканскія колоніи. Въ данное время здѣсь ежедневно (въ семичасовой срокъ) чеканится 250,000 рупій и 600,000 мѣдныхъ денегъ. За годъ отсюда выходитъ теперь свыше 150,000,000 монетъ, изъ коихъ лишь 35,000,000 отливаются изъ серебра. Въ Бомбеѣ есть, однако, громадное однородное учрежденіе, откуда тоже пускается въ оборотъ до 90,000,000 рупій въ годъ, — но гдѣ за то больше не изготовляется мѣдной монеты. Спросъ на послѣднюю постоянно растетъ. Матеріалъ для нея доставляется изъ Австраліи лучшими копями «Wallaroo Company».

Пока мы присутствовали на работахъ въ плавильнѣ, — при погруженіи въ воду мѣдь клокотала, напоминая ревъ тигра. Любопытно было наблюдать, какъ она мѣняла потомъ въ мастерскихъ свою темную и тусклую окраску на радостный чистый блескъ, какъ эта безформенная масса рѣзалась и шлифовалась, какъ она исчезала наконецъ мелкими гладко отполированными единицами въ счетныхъ столахъ съ 400 отверстіями. Въ каждое валится восемь штучекъ. Стоитъ столу такимъ образомъ наполниться, его накреняютъ и ссыпаютъ содержимое въ массивные кули.

Осмотръ монетнаго двора завершается посѣщеніемъ комнатъ, гдѣ трудятся граверы («Mint» выдѣлываетъ медали для арміи, а также по особымъ заказамъ) и гдѣ собраны всевозможные образцы отлитыхъ имъ произведеній болѣе или менѣе художественнаго характера.

Въ ожиданіи устраиваемой на прощанье многолюдной «Garden party» передъ вице-королевскимъ дворцомъ (со стороны садовъ), Ихъ Высочества пользуются остаткомъ свободнаго времени въ Калькуттѣ, чтобы посѣтить весьма разнородный по составу и крайне замѣчательный музей, находящійся, — за Майданомъ, — на улицѣ Чауринги.

Коллекціи начали собираться съ 1814 г. ученою «Asiatic Society of Bengal» и постепенно разрослись до того, что полстолѣтіе спустя дѣйствительно потребовалась правительственная помощь для ихъ дальнѣйшаго поддержанія и храненія, т. е. иными словами, пришлось отвести подъ нихъ спеціально отстроенное огромное зданіе.

Въ данное время оно, по видимому, подновляется и не открыто публикѣ, которая вообще здѣсь — охотница до такихъ полезныхъ и любопытныхъ учрежденій. Ежегодное число посѣтителей напр. «National Museum of India», въ столицѣ полуострова, равняется будто-бы полумилліону человѣкъ. Правда, и есть же тутъ на что подивиться туземцу!

Во-первыхъ, конечно, заслуживаютъ вниманія галлереи, отведенныя естествовѣдѣнію. Кораллы, губки, моллюски, крабы, бабочки, пауки, образуютъ въ одномъ мѣстѣ достойную рамку исполинскому японскому омару съ невѣроятно длинными клешнями и какому-то рѣдкому земноводному раку, который питается исключительно кокосовыми орѣхами. Въ другомъ отдѣлѣ (the Fossil Gallery: съ бюстомъ потрудившагося на Востокѣ чешскаго натуралиста Фердинада Столички) рѣзко бросаются въ глаза: вызванные къ свѣту геологическими изысканіями, но по существу своему уже давно чуждые нашей теперешней планетѣ, ископаемые (преимущественно изъ Сиваликскихъ возвышенностей въ сѣверной Индіи) черепа и кости допотопныхъ причудливыхъ тварей, вродѣ полумедвѣдя-полугіэны (Hyaenarctos), чудовищной по размѣрамъ собаки (Amphicyon), доисторическаго слона Динотеріума, такихъ же — крокодила, черепахи и т. п.

Камни и минералы всей страны, наряды съ моделями исторически извѣстныхъ алмазовъ, занимаютъ особый залъ. Затѣмъ большое пространство отведено млекопитающимся: въ видѣ чучелъ и скелетовъ. Среди первыхъ красуются свирѣпый мѣстный бизонъ (гауръ) и дикій тибетскій якъ, а вокругъ нихъ собрано цѣлое царство звѣрей, олицетворена всевозможнѣйшими представителями фауна страны. Есть даже рѣдкій въ наши дни туземный сѣрый левъ безъ пышной гривы, нѣкогда служившій приманкой отважнымъ охотникамъ. Его горделивый и болѣе рослый африканскій собратъ тутъ-же около изображенъ въ лютой схваткѣ съ королевскимъ тигромъ. Кто на дѣлѣ остался побѣдителемъ (разодрались эти хищники въ калькуттскомъ Зоологическомъ саду, стравленные привратниками, бившимися объ закладъ), я такъ и не могъ выяснить: въ «Zoo» говорили, что одолѣлъ уроженецъ Бенгаліи, а тутъ говорятъ, что его царственный противникъ. Какъ бы тому ни было, оба скрѣплены теперь въ некрасивую разъяренную группу, въ отдѣльной стѣнной витринѣ, и положительно не прибавляютъ интереса къ окружающимъ довольно богатымъ коллекціямъ, гдѣ, напр. почти двухсаженный оставъ крупнѣйшаго изъ замѣченныхъ въ Индіи слоновъ и висящія съ потолка ребра непомѣрно большаго кита, заходящаго въ смежныя съ Хугли морскія воды, по очереди приковываютъ вниманіе посѣтителя.

Спустившись въ другой этажъ, Ихъ Высочества обходятъ комнаты, отведенныя археологическимъ драгоцѣнностямъ. Что ни шагъ, то изваянная страница о древнемъ мірѣ! Куда ни взглянешь по сторонамъ, кроткій ликъ Будды обрисовывается въ каждой нишѣ, изъ-подъ любаго орнамента, надъ важнѣйшими сценами прежняго быта, — а галлереи, обращенныя въ хранилище языческаго искусства, полны барельефовъ, статуй, обломковъ, наконецъ каменныхъ стѣнъ или точнѣе оградъ и воротъ, испещренныхъ начертаніями болѣе или менѣе легендарнаго свойства! Надписи на языкѣ Пали временъ царя «Асоки» («безпечальнаго»), фигуры типа первыхъ приверженцевъ буддійскаго вѣроученія, т. е. преимущественно отъ племенъ неарійской крови, почитаніе ими почему-нибудь «священныхъ» деревъ, общеніе набожнаго народа съ небесными духами и пятиглавыми змѣями, знаменательное и прямо указывающее на глубокую древность отсутствіе (межъ этихъ безчисленныхъ изображеній) самого Будды, въ качествѣ кумира, — поклоненіе лишь отпечатку его ногъ, и проч. и проч. — вотъ чѣмъ особенно любопытна, по срединѣ своей, первая зала съ религіозными памятниками. Красота и отчасти даже реализмъ, съ которыми выполнены многія бытовыя детали, не поддаются описанію. Нѣкоторое вліяніе западнаго

греческаго искусства, по видимому, безспорно. Оно коснулось Индіи славною эпохой Александра и его преемниковъ, не только волной прошло до равнинъ Ганга, но и до сравнительно глухой области Орисса у Бенгальскаго залива, — гдѣ до сихъ поръ не мало остается храмовъ, изсѣченныхъ, подобно эллорскимъ, въ скалахъ. Сочетаніе иныхъ облагороженныхъ формъ эллинскаго творчества съ первобытно-наивными и странными способно и восхищать, и приводить въ недоумѣніе.

Въ калькуттскомъ музеѣ сгруппированы иныя архитектурно-скульптурныя созданія, которымъ (въ удачныхъ слѣпкахъ, напр. въ Берлинскомъ «Museum für Völkerkunde» или просто по рѣдкимъ спеціальнымъ сочиненіямъ) дивится и завидуетъ учено-артистическій міръ. Перечислять всѣ сокровища немыслимо: можно назвать лишь главнѣйшіе предметы умиленія для археологовъ, интереса для профановъ. Вѣдь такъ-называемыхъ галлерей — нѣсколько! Одна посвящена періоду Асоки, другая — индо-скиѳской старинѣ, затѣмъ джайнскимъ изваяніямъ, многимъ надписямъ (въ томъ числѣ китайскимъ), курганнымъ раскопкамъ, находкамъ у Афганистана и т. д. Есть цѣлый объемистый каталогъ, чтобы разобраться въ этой массѣ вещественныхъ данныхъ о туземномъ прошедшемъ.

На первомъ планѣ — Бархутская «ступа», памятникъ древне-буддійскаго характера для ознаменованія исключительныхъ событій: какого-нибудь чуда, какой-нибудь проповѣди «вѣщаго учителя». Сооруженію, перенесенному сюда съ цѣлью его оберечь отъ разрушенія, отчасти присущъ видъ шатра: словно тогдашніе, создававшіе ступу за ступой, пламенные буддисты (2000 лѣтъ до нашихъ дней), какъ прообразомъ руководились кочевымъ жильемъ, и даже очертаніями хотѣли напомнить, по крайней мѣрѣ, степной таинственный курганъ. Люди, изваянные вдоль Бархутскаго памятника, даже лицомъ схожи скорѣе всего съ монголами, во всякомъ случаѣ — туранской крови. Около него — однородные по значенію останки изъ Санчи въ Центральной Индіи.

На столбахъ и карнизахъ рисуются фазисы бытія Будды, въ разныхъ тѣлесныхъ несовершенныхъ оболочкахъ: до просвѣтленной свободной дѣятельности на благо совокупности живыхъ существъ, — когда онъ могъ безмятежно почить въ Нирванѣ, но продолжалъ стремиться къ нравственному пробужденію и уврачеванію человѣчества. Параллельно начертаны соотвѣтствующія, на половину и поднесь не устарѣвшія сцены изъ быта исторически еще туманной Индіи: гдѣ кончается область миѳа и сказки, гдѣ опредѣляется нить преданія, — и не разберешь. Только одно ясно: каждый тутъ камень — своего рода святыня въ глазахъ истинно богомольнаго азіата. Недаромъ въ края Ганга издавна приходили для жертвы и на поклонъ даже корейцы!

Традиціонныя эмблемы, символическія украшенія, излюбленныя неестественныя позы, — все (тутъ на поверхности памятника) тождественно съ объектами культа въ современныхъ культурно-языческихъ религіяхъ. Вотъ напр. на вратахъ изъ Санчи боги держатъ по маленькому магическому жезлу (ваджра), каковой и теперь составляетъ принадлежность произносящихъ заклинанія ламъ. Вотъ «богиня любви и счастья» сидитъ на лотосѣ, и два слона льютъ на нее воду: точь въ точь картинка, продаваемая и нынѣ въ лавченкахъ любаго индійскаго города! Вотъ чудесная птица Гаруда (съ огромными серьгами на попугайной головѣ), нещадно истребляющая змѣй, мирно выступаетъ рядомъ съ ними, какъ-бы внявъ поученіямъ проповѣдующаго миръ и любовь, доступнаго всѣмъ тварямъ Будды, — вотъ она-же служитъ конемъ небожителю, летящему на поклоненіе какимъ-нибудь буддійскимъ святынямъ. Крылатые львы, съ обликами хищныхъ грифовъ или косматыхъ псовъ тибетской породы, быки съ человѣческими лицами, многолюдныя процессіи со взирающими на нихъ съ углубленныхъ терассъ наивными

обывателями, нисхожденіе «вѣщаго учителя» (на землю съ небесъ, въ видѣ слона) къ сладко дремлющей Майѣ, отъ которой ему суждено родиться, — каждый изваянный сюжетъ, каждая изваянная подробность полны оригинальности и сокровеннаго смысла. Бытъ края въ далекія и близкія времена цѣликомъ отразился на овѣянныхъ жизненнымъ трепетомъ камняхъ, отпечатлѣлся и на изображаемыхъ ими жилищахъ боговъ, которые сегодня — величественные боги, а завтра за грѣхи (по народному вѣрованію) могутъ опять опуститься до уровня немощныхъ и страждущихъ существъ. Изслѣдователи съ изумленіемъ констатировали фактъ, что на ногахъ у сѣверянъ, изсѣченныхъ въ Санчи — наши русскія онучи, извѣстныя также афганцамъ и жителямъ Кафиристана, — что фигурирующіе тутъ же музыкальные инструменты одинаковы съ доставленными въ Калькутту изъ Нэпаля.

КРИШНА.

Археологическій отдѣлъ изобилуетъ произведеніями мѣстнаго ваянія (за много вѣковъ до насъ). То видишь передъ собою погруженнаго въ созерцаніе «длиннорукаго» праведника-индуса, — что и здѣсь, и въ Иранѣ издревле считалось признакомъ знатнаго происхожденія, — то любуешься греческаго типа головою Будды: прекраснаго какъ Аполлонъ и причесаннаго, какъ принято было въ цесарскомъ Римѣ, завитаго какъ иной Геркулесъ Британскаго музея, — то останавливаешься у гигантской жестоко поврежденной статуи языческаго «бога-учителя», съ обнаженнымъ плечемъ, точно у его современныхъ послѣдователей-монаховъ, — то невольно всматриваешься съ понятнымъ интересомъ въ изображенія его престоловъ, подпираемыхъ львами, его нищенской чаши на пьедесталѣ, осѣняемомъ царскимъ зонтикомъ, и т. п., и т. п. Вотъ небольшой мраморный «джинъ» Парсваната, найденный на рѣкѣ Хугли: семиглавая кобра балдахиномъ распростерлась надъ нимъ. Вотъ остатки буддійскаго разцвѣта у Матуры (возлѣ Агры), гдѣ мы были. Мало однако этихъ доказательствъ прежняго браминскаго упадка въ областяхъ, отвоеванныхъ въ данное время опять у религіи «царевича-мудреца». Вишнуизмъ и шиваизмъ въ странѣ — сильнѣе сильныхъ. Кришна незримо очаровываетъ милліоны людей тѣми же сладкозвучными напѣвами, изъ-за которыхъ отдавали ему сердце простодушныя пастушки у нынѣшняго Бindрабана.

Ихъ Высочества проходятъ въ сравнительно новый отдѣлъ учрежденія, въ такъ-называемый «Economic Museum» съ обширными коллекціями этнографическаго характера. Здѣсь Августѣйшіе путешественники встрѣчены просвѣщеннымъ хранителемъ этой части

музея — туземцемъ Trailokya Nath Mukharji, авторомъ двухъ извѣстныхъ справочныхъ трудовъ, отпечатанныхъ въ столицѣ полуострова: «Indian produce, contributed to the Amsterdam exhibition 1883» и «Art-manufactures in India». Что касается знанія мѣстныхъ производствъ, ремеслъ, художественныхъ издѣлій, — почтенный г. Мукхарджи не имѣетъ себѣ равнымъ никого: кромѣ, пожалуй, еще болѣе свѣдущаго сэра Джорджа Бэрдвуда, написавшаго «Industrial arts of India».

Все мѣстное сырье въ образцахъ, предметы кустарной промышленности, сосуды и ткани какого угодно качества, — рѣзныя, мозаиковыя и тому подобныя вещи, — дышущія реальностью модели разнообразнѣйшихъ классовъ и племенъ Индіи сгруппированы въ нѣсколькихъ спеціальныхъ залахъ. Не бѣда, если у нѣкоторыхъ крошечныхъ куколъ — настоящіе волосы на головѣ, если платье на нихъ сшито изъ той именно матеріи, какая вообще въ употребленіи у ихъ живыхъ прообразовъ: столь согласное съ дѣйствительностью отношеніе лишь придаетъ особую прелесть тщательной «Кришнагарской» бенгальской работѣ, вслѣдствіе чего Мукхарджи и рѣшается поднести отъ себя на память Наслѣднику Цесаревичу изготовленную такимъ способомъ крайне оригинальную группу: «подковываніе упряжнаго быка».

Бомбей, 22-го января (3-го февраля).

Безостановочно слѣдуя по желѣзной дорогѣ черезъ Джубульпуръ въ Бомбей, что составляетъ отъ Калькутты до 2300 верстъ, — Августѣйшіе путешественники, поздно вечеромъ 18-го, вернулись на «Память Азова». Отдыхая въ родной средѣ и готовясь къ новой поѣздкѣ въ Южную Индію, вмѣстѣ съ тѣмъ приходится переживать общее всѣмъ на фрегатѣ тяжелое настроеніе отъ предстоящаго отбытія Великаго Князя Георгія Александровича въ Алжиръ. По настоятельному совѣту доктора Рамбаха окончательно рѣшено, что Его Императорскому Высочеству не слѣдуетъ дольше оставаться въ тропикахъ, особенно у конканскаго побережья, — гдѣ климатъ усиливаетъ лихорадочное состояніе. Разставаться надолго, и такъ-сказать на полпути къ плѣнительной дальней чужбинѣ, представленіе о которой постоянно сквозитъ въ повѣствованіи большинства изъ нашихъ старшихъ соплавателей-моряковъ, обвороженныхъ Японіей, — Августѣйшимъ Братьямъ должно быть вдвойнѣ грустно. Четыре дня наканунѣ разлуки проходятъ для Нихъ какъ испытаніе, и не веселыя мысли роятся у каждаго изъ насъ въ головѣ, когда говоришь себѣ, что завтра въ эту же пору «Адмиралъ Корниловъ», удаляющійся на Сѣверъ, уже скроется изъ виду.

Любоваться здѣшнимъ рейдомъ можно до самозабвенья. Полуденныя краски неотразимо ласкаютъ и нѣжатъ взоръ. Особенно восхитительны предвечерніе часы въ заливѣ Бомбея. Съ запада золотистыми полосками подымаются легкія, какъ паръ, облачка. Взглянешь по одному направленію: безконечно тянется зелень, чередуяся съ бѣлизною прибрежныхъ зданій. Съ другой стороны обрисовываются горы (гхаты), причудливо выступая своими подобными башеннымъ замкамъ вершинами. Небо алѣетъ. Надъ моремъ оно вскорѣ становится багровымъ, надъ сушей же простирается поблекшей синевой. Вода изжелта красная. Мачты и реи, паруса и такелажъ судовъ свѣтятся. . . Затѣмъ вдругъ темно, и при лунномъ сіяніи еще очаровательнѣе окрестность, — еще яснѣе сознаніе, что мы на Востокѣ: въ Индіи. . .

За время стоянки, на эскадрѣ все обстояло благополучно. Нѣкоторые офицеры брали отпускъ во внутрь страны. Команда иногда отпускалась на берегъ, — и разъ пьяные матросики накуралесили, не даваясь въ руки полиціи, у «Apollo Bunder»; двое изъ нихъ, отъ избытка силъ, забрались даже въ парсійскій клубъ и непонятнымъ образомъ ухитрились перемѣстить оттуда на улицу громоздкій бильярдъ: потомки храбрыхъ иранцевъ, зачастую предлагающіе себя англичанамъ въ качествѣ превосходнаго боеваго элемента противъ и не думающей наступать Россіи, разбѣжались при первомъ появленіи ея добродушныхъ и слегка лишь разгулявшихся сыновъ.

Среда, 23-го января (4-го февраля).

Памятныя минуты, съ острой горечью пережитыя сегодня послѣ полудня. Вотъ отчаливаетъ катеръ съ «Азова»: сами офицеры — на веслахъ, чтобы доставить и передать на другой готовый къ отплытію фрегатъ сблизившагося съ ними, полюбившаго каютъ-компанію и замѣтно потрясеннаго предстоящею разлукой Великаго Князя Георгія Александровича. Лица провожающихъ тягостно омрачены... Наслѣдникъ Цесаревичъ изволитъ затѣмъ посѣтить покидающій эскадру крейсеръ, милостиво прощается съ офицерами и командой. При съѣздѣ — салютъ по уставу. Вотъ «Корниловъ» рѣжетъ корму «Азова»: около разстроеннаго и блѣднаго Августѣйшаго мичмана стоитъ энергичный, загорѣлый командиръ Алексѣевъ съ черной густой бородой и немного прищуренными пристальными глазами, — на флагманскомъ фрегатѣ поднятъ сигналъ: «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ желаетъ крейсеру „Адмиралъ Корниловъ" счастливаго плаванія», — люди на судахъ посланы по вантамъ, прощальное «ура» гремитъ тревожными перекатами по заливу; но въ мощномъ выраженіи чувства командъ нѣтъ обычнаго электризующаго тока, — звуки рѣютъ, словно чайки кругомъ, безпокойно опускаясь на волну, а пловецъ-фрегатъ все быстрѣе и быстрѣе уходитъ въ ширь. На мостикѣ, надъ рулевою рубкой у насъ, долго продолжаетъ махать фуражкой и командовать повтореніе несмолкающаго, постепенно слабѣющаго «ура» нашъ глубже всѣхъ опечаленный и пораженный въ самое сердце командиръ Н. Н. Ломенъ, бывшій морскимъ воспитателемъ Великаго Князя Георгія Александровича и до сихъ поръ неотлучно сопровождавшій Его въ заграничныхъ плаваніяхъ.

Покинувъ снова фрегатъ для слѣдованія въ Мадрасъ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Георгій Греческій по дорогѣ къ вокзалу обѣдаютъ со свитой на терассѣ красиваго бомбейскаго яхтъ-клуба у самой набережной. Живительное дыханье океана, вмѣстѣ съ тихимъ шумомъ прибоя, такъ и просится въ душу. Сегодня — ровно три мѣсяца со дня отъѣзда изъ Гатчины; только треть пути (да и то неполная!) за нами, а какъ посмотришь: настоящее путешествіе едва начинается, сознательное отношеніе къ этому Востоку едва проясняется, подавляющее многообразіе впечатлѣній все ростетъ и ростетъ.

Осмотрѣнная до сихъ поръ Индія, съ ея разнородными городами столь понятнаго намъ средне-азіатскаго типа и нѣкоторыми памятниками сравнительно дальней старины, мало-по-малу отодвигается на второй планъ: вмѣстѣ съ ландшафтами Нила и скалами Адена. Отъ прежняго обаянія, въ которое такъ-сказать мысленно облечена была страна до посѣщенія всякихъ Дэли и Лахоровъ, пожалуй, не остается и слѣда. Ароматъ несомнѣнно

имъ присущей красоты при непосредственномъ соприкосновеніи испаряется изъ-за окружившей ихъ грустной прозы. Существующій въ однихъ воспоминаніяхъ край рыцарей — раджей и бардовъ, священныхъ для народа по своему значенію, духовно замкнутъ передъ современными путешественниками. Мы (какъ, впрочемъ, и всѣ туристы за послѣднія 30 лѣтъ) видѣли почти исключительно Индію англійскаго режима, а не дѣйствительности: но вѣдь накипь чужой цивилизаціи надъ цѣлой бездной невыраженныхъ чувствъ и затаенныхъ стремленій не есть отраженіе истиннаго положенія вещей, которое скорѣе угадывается чутьемъ, нежели сквозитъ чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Въ теченіе недѣли, что

БОМБЕЙСКІЙ ЯХТЪ-КЛУБЪ

намъ еще придется быть въ предѣлахъ полуострова, надо ближе и подробнѣе вглядѣться въ обликъ этого стойкаго и страннаго народа, чье творчество создало единственную въ мірѣ по качествамъ, стройную и сложную браминскую культуру. Въ южной Индіи уже каплями можно насчитывать чистую арійскую кровь пришельцевъ съ Сѣвера. Главные языки (тамиль и телугу) не подчинились сильному воздѣйствію санскрита. Но религіозная греза проникла въ глубину душъ, воздвигла себѣ престолы въ оградѣ грандіознѣйшихъ храмовъ, превзошедшихъ (по размѣрамъ) довольно скромную (рядомъ съ ними) архитектуру болѣе сѣверныхъ областей, заполонила подъ властью жречества бодрое тѣломъ и

духомъ первобытно мыслящее чернокожее населеніе. Вторженіе въ эту область ислама, въ концѣ концевъ, ни къ чему не приводило. Густой тропическій лѣсъ можетъ на мгновенье раздаться при наступленіи дровосѣка; но всякая проложенная тропа скоро опять заростаетъ, чаща затягивается и черезъ короткое время не отыскать даже тѣхъ ранъ, которыя пыталась ей нанести рука человѣка. Тоже и съ міромъ интенсивныхъ и стародавнихъ языческихъ вѣрованій. Сколько бы ни наносилось ему ударовъ, — преклоняющаяся передъ одухотворяемыми кумирами, экзальтированная, живущая фантазіей толпа упорно создаетъ еще болѣе странныя формы культа, жаждетъ еще болѣе дерзновенныхъ и непостижимыхъ умозрѣній.

ЮЖНАЯ ИНДІЯ.

Отбывъ 23-го января (4-го февраля) съ бомбейской главной станціи «Victoria Terminus» въ 10 часовъ 30 минутъ вечера, Августѣйшіе путешественники черезъ Каліанъ и Пуну направились въ четвергъ 25-го января (6 февраля) Декканомъ на Кальбаргу, — гдѣ нѣкогда процвѣтали самостоятелные султаны съ пышнымъ дворомъ: напр. Фирозъ, при которомъ въ обычаѣ было набирать гаремъ изъ русскихъ, грузинокъ, черкешенокъ и т. п. (съ каждою онъ учился говорить на ея родномъ языкѣ) — и на старую туземную твердыню Райчуръ, откуда дорога черезъ Адони прямо ведетъ на юго-востокъ: въ Мадрасъ, отстоящій отъ конканскаго побережья на 1.400 верстъ. Переѣздъ туда вообще не интересенъ. Путь почти сплошь тянется унылыми сверкающими подъ солнцемъ равнинами съ рѣдкимъ глинобитнымъ жильемъ, — съ отстроенными какъ крѣпостцы и окруженными терновникомъ деревнями, — съ небольшими стадами косматыхъ черныхъ буйволовъ, бредущихъ оттуда на водопой къ каменистому руслу полуизсохшей рѣченки, — съ нагими причудливо-мрачными холмами, теряющимися вдали...

Въ Гайдерабадъ, гдѣ правитъ могущественный Низамъ, почему-то рѣшено не ѣхать, хотя этотъ оригинальный центръ и лежитъ у дороги. Отношенія молодаго властелина къ господствующей рассѣ, при всей ихъ кажущейся лойяльности, не лишены странныхъ оттѣнковъ: напр. онъ вѣдь не захотѣлъ встрѣчать принца Уэльскаго при его торжественномъ въѣздѣ въ Индію! Изъ европейцевъ, тутъ въ области, въ качествѣ военныхъ инструкторовъ сначала хотѣли знать однихъ французовъ, англичане же были ненавистны. Такія антипатіи обыкновенно коренятся довольно глубоко и не скоро предаются забвенію. Гордая славными преданіями мусульманская знать плохо сживается съ мыслями о смиреніи.

Край, по которому мы движемся, теперь привлекаетъ вниманіе западныхъ капиталистовъ, ибо изысканія свидѣтельствуютъ о возможномъ здѣсь развитіи золото- и углепромышленности въ сравнительно широкихъ размѣрахъ: чаще и чаще поговариваютъ также о разработкѣ когда-то знаменитыхъ алмазныхъ копей. Агентъ «Deccan Mining Company» (нѣкто Ловинскій) подаетъ, по крайней мѣрѣ, радужныя надежды на то.

Вечерѣетъ — подъ разсказъ кого-то изъ нашихъ спутниковъ-англичанъ, какъ здѣсь въ окрестностяхъ находился неприступный замокъ, владѣлецъ коего, разбойникъ-маратъ Морари Рао, страстно любя шахматную игру, заставлялъ случайно взятыхъ въ плѣнъ проѣзжихъ искусно съ собою состязаться: если партнеръ не умѣлъ занимать хозяина и не старался быть побѣдителемъ, его безжалостно сбрасывали съ крутой стѣны.

Пятница, 25-го января (6-го февраля).

Девять утра. Слегка пахнетъ болотной сыростью. Мѣстность приняла тропическій характеръ. Рельсовый путь замѣтно спускается къ морю съ «восточныхъ» Гхатовъ. Плоскій песчаный берегъ, низкія возвышенности за нами: Мадрасъ.

ЮЖНАЯ ИНДІЯ.

Губернаторъ — лордъ Уинлокъ, власти, почетный караулъ, масса разодѣтыхъ туземцевъ ожидаютъ Наслѣдника Цесаревича. Между прочимъ, радостно встрѣчаютъ Его путешествующіе по Индіи князь А. Г. Щербатовъ съ женой, урожденною гр. О. А. Строгановой.

Экипажи направляются съ вокзала къ довольно близкому «Government House» черезъ опоясываемый рѣчкой Куамъ островокъ, на которомъ красуется статуя сэра Мунро, считающагося благороднѣйшимъ и отважнѣйшимъ дѣятелемъ въ южныхъ областяхъ, за періодъ съ XVIII-го на XIX-й вѣкъ. Конь, на которомъ сидитъ этотъ бывшій губернаторъ и генералъ, не осѣдланъ. Во всей фигурѣ всадника (работа Чантрея) — удивительно много энергіи. Недаромъ, онъ въ 1764 г. безсердечнѣе кого-либо изъ другихъ своихъ соотечественниковъ привязывалъ въ Бенгаліи къ пушкамъ вѣрныхъ полковому знамени храбрѣйшихъ сипаевъ за одинъ только ропотъ въ ихъ рядахъ, зачѣмъ награда «бѣлымъ» солдатамъ, послѣ побѣды, почти въ семь разъ превосходила плату столь же самоотверженно потрудившимся туземнымъ. Даже нижніе чины — англичане, присутствуя вмѣстѣ съ инородцами на парадахъ, при звѣрской расправѣ, бывали тронуты до слезъ. Командиръ же пользовался правомъ сильнаго и во имя престижа наказывалъ такою страшною мѣрою, что о ней

ЮЖНО-ИНДІЙСКІЕ ХРАМЫ.

и говорить нельзя безъ ужаса. Жертва (обыкновенно съ гордымъ презрѣніемъ къ палачамъ!) привязывалась у орудія: когда разсѣявался дымъ отъ выстрѣла — на землѣ валялись однѣ ноги несчастнаго, а искаженная судорогами голова лишь черезъ нѣсколько мгновеній спускалась сверху, подброшенная туда со стремительною быстротою. Для бо́льшаго впечатлѣнія на покоренный народъ и молчаливо негодовавшихъ сипаевъ, Мунро возилъ осужденныхъ изъ одного неспокойнаго пункта въ другой и казнилъ постепенно, направивъ пушки на подозрительно настроенныхъ вооруженныхъ туземцевъ. Хотя этотъ карательный пріемъ и унаслѣдованъ будто-бы просвѣщенными колонизаторами отъ эпохи Моголовъ, но ему нѣтъ оправданія въ глазахъ христіанскаго міра: между тѣмъ, *еще недавно* (въ 80-хъ годахъ) власти Пэнджаба этимъ же возмутительнымъ способомъ устранили у себя съ дороги группу «куковъ», сикховъ съ сепаратистическимъ направленіемъ. Какъ далеко смотрѣлъ въ глубь грядущаго вождь галловъ (Бреннъ), воскликнувъ при разгромѣ Рима: «горе побѣжденнымъ!...»

Мадрасъ довольно безцвѣтенъ. Несмотря на свое продолжительное (250-лѣтнее) пребываніе подъ англійскимъ управленіемъ, онъ мало усвоилъ западныхъ чертъ и параллельно съ тѣмъ значительно потерялъ всякую couleur locale. Желтыя невысокія зданія, жгучее солнце, однообразная растительность, темносиняя полоса окаймленнаго пѣною океана за купами деревъ... Природа окрестъ кажется грубо раскрашенною дѣтскою сказкой, лишенною однако наивной прелести содержанія. Мозаика разноплеменныхъ типовъ и одеждъ, плѣнявшая въ болѣе сѣверной Индіи, здѣсь не существуетъ.

Столица южнаго президентства отчасти живетъ и богата торговлей, по каналамъ стягивающеюся извнѣ и поддерживаемою приходомъ многихъ судовъ на сравнительно безопасный рейдъ. Коромандельское побережье, отчасти благодаря мелководью, вообще отличается отсутствіемъ хорошихъ гаваней; а море крайне бурно. До послѣдняго времени даже у Мадраса циклонами срывались съ якоря и гибли цѣлые корабли. Въ бытность принца Уэльскаго положено было основаніе могучему двойному молу и, хотя бѣшенство прибоя далеко не вполнѣ ослаблено въ виду неудовлетворительнаго характера инженерныхъ заданій, однако волны не грозятъ уже до такой степени, какъ раньше, стоянкѣ и дѣятельности грузохозяевъ. Въ прошломъ столѣтіи и началѣ нынѣшняго ураганы взяли немало жертвъ: напр. въ 1746 г. около самаго города разбилась французская эскадра и 1200 человѣкъ экипажа утонуло (всего три недѣли послѣ того, какъ адмиралъ вынудилъ мадрасскихъ гражданъ сдаться и водрузилъ на британскомъ берегу флагъ своей націи!).

Съ главнаго бульвара «Mount Road» Августѣйшіе путешественники въѣзжаютъ въ ограду парка вокругъ губернаторской резиденціи. Утренняя жара становится невыносимой. Теперь въ южной Индіи — еще чуть-ли не зимняя пора, но небо дышетъ огненными лучами.

Небольшой «Government House» съ разбитыми на газонѣ палатками для свиты, сверкаетъ ярче мрамора бѣлыми стѣнами изъ замѣчательнаго туземнаго штука (чунамъ). Внутри дворецъ не особенно интересенъ. Портреты разныхъ грустныхъ навабовъ и блѣдныхъ губернаторшъ представляютъ лишь галлерею лицъ, которымъ этотъ политическій центръ навѣрно не далъ при жизни ничего, кромѣ огорченія.

Мѣстное англійское общество и множество туземцевъ съѣзжается днемъ на «Garden party», пріемъ (подъ открытымъ небомъ) у лорда Уинлока. Главною цѣлью служитъ увидѣть Высокихъ Гостей ея величества королевы. Для развлеченія же устраивается полетъ

воздушнаго шара съ нѣкіимъ г. Спенсеромъ, который изъ поднебесья бросается внизъ на парашютѣ и, благополучно коснувшись земли, вскорѣ возвращается въ паркъ къ именитымъ зрителямъ.

Вслѣдъ за парадными обѣдомъ съ обычными тостами — балъ въ красивомъ обширномъ павильонѣ (Banqueting hall) подлѣ дворца. Зала, съ колоннадами и знаменами по сторонамъ, залита свѣтомъ люстръ. Украшающія ее картины (извѣстный генералъ прошлаго столѣтія — Eyre Coot съ какимъ-то раболѣпно кланяющимся ему туземцемъ, южноиндійскій герой Гаррисъ въ синемъ мундирѣ съ серебряными эполетами, одинъ изъ прежнихъ администраторовъ лордъ Гобартъ въ гражданскомъ платьѣ старомоднѣйшаго покроя и т. д.) какъ-то не подходятъ къ царящему подъ ними праздничному блеску и оживленію.

Въ сіяющемъ чертогѣ душно. Двери открыты и постоянно есть возможность удаляться на воздухъ, вдыхать свѣжесть вечера. Въ числѣ интересныхъ собесѣдниковъ не могу сегодня не отмѣтить секретаря губернатора г. Рисъ (J. D. Rees). Онъ принадлежитъ къ тѣмъ разносторонно воспитавшимъ себя на пути изученія Азіи англичанамъ, которые очень много по ней ѣздили и серьезно ее узнали. Онъ побывалъ въ Китаѣ, напечаталъ свои замѣтки о Персіи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ находится при кормилѣ правленія на югѣ Индіи. До Уинлока тутъ стоялъ во главѣ дѣлъ зять вице-короля Дэфферина — лордъ Коннемара.

Рисъ работалъ при немъ, занимался для правительства переводами съ индустани и съ персидскаго, съ тамиля и телугу. Сопровождая прежняго мадрасскаго губернатора по краю, онъ наглядно намѣчалъ въ особыхъ запискахъ подробности и результатъ подобнаго соприкосновенія высшей мѣстной власти со ввѣреннымъ ей тридцатипятимилліоннымъ населеніемъ и его нуждами. Помѣщая въ журналахъ отрывки изъ дневника, Рисъ умѣлъ привлечь въ Англіи общественное вниманіе къ полезной дѣятельности своего начальника.

Теперь этотъ писатель готовитъ на ту же тэму цѣлую книгу, а также иллюстрированный очеркъ краткаго прошлогодняго путешествія герцога Кларенскаго по мадрасскому президентству.

Со словъ Риса мнѣ удалось запомнить два-три не лишенныхъ самобытности анекдота.

Глубокій знатокъ мѣстныхъ нарѣчій и нравовъ епископъ Кальдвель допытывалъ разъ у простодушнаго инородца, кто собственно въ данное время владычествуетъ надъ страною. Тотъ съ убѣжденіемъ называлъ полулегендарное лицо изъ давнымъ-давно угасшей языческой династіи: «а что же дѣлаютъ здѣсь англичане?» — «Да они только охотятся!»

Дѣйствительно, туземцамъ легко сбиться на счетъ истинныхъ причинъ посѣщенія иныхъ глухихъ округовъ незнакомыми джентльмэнами. Однажды Рисъ завернулъ въ такой уголокъ съ администраторами-автохтонами. Когда онъ случайно вернулся съ охоты, не видавъ ни одного тигра, старшій между ними укоризненно закачалъ головою по направленію къ младшимъ: «Хороши порядки! хороша администрація, если даже нѣтъ тигра для джентльмэна!»

Какъ извѣстно, въ Индіи существуетъ довольно строгій налогъ на соль. Какую-то старушку-вдову пробовали уличить, что она держитъ ее контрабандно. Дабы удостовѣриться, насколько не правы ея клятвенныя завѣренія, будто конфискованное вещество — совсѣмъ не соль, эксперты стали его пробовать. Бѣдная женщина тогда въ священномъ ужасѣ подняла руки къ небу: «этимъ людямъ мало того, что они меня несправедливо обижаютъ, — нѣтъ, они еще ѣдятъ пепелъ отъ моего мужа!»

Въ pendant забавнымъ разсказамъ можно (изъ книги лэди Дэффеpинъ объ Индіи) привести отзывъ дѣвочки-англичанки о памятникахъ туземной архитектуры: «я такъ люблю эти старыя могилы! въ нихъ всегда приготовленъ чай для посѣтителей».

Суббота, 20-го января (1-го февраля).

Ночью Ихъ Высочества переѣхали въ экипажахъ изъ Мадраса, за 10 верстъ, въ загородную губернаторскую резиденцію Гинди (Guindy). Дорога туда въ полумракѣ вела безконечными предмѣстьями, густыми сводчатыми аллеями: инородческимъ городомъ-лѣсомъ, которому не замѣчалось конца. Дѣло въ томъ, что главный центръ южнаго президентства раскинутъ на огромномъ пространствѣ и вдоль моря, и въ глубь материка. Можетъ быть, оттого-то и благоустройство его съ внѣшней стороны заставляетъ желать лучшаго.

Утромъ, прежде всего, спѣшишь въ чудные сады за индійскимъ дворцомъ, славящіеся своими экзотическими и мѣстными растеніями. Поражающія размѣрами «Victoriae regiae» (съ діаметромъ листовъ: болѣе чѣмъ въ полъ сажени), благовонные бѣлые цвѣты съ Амазонской рѣки, алые лотосы, мадагаскарскія пальмы, — до чего эта флора тропиковъ нѣжитъ взоръ! Отсутствіе горизонта за непроницаемой листвою тѣмъ не менѣе вызываетъ впечатлѣніе грандіознаго.

Цѣлый день, въ сущности, посвященъ отдыху, — если не считать легкой охотничьей экскурсіи въ прилегающій сюда заповѣдный прекрасно содержимый паркъ со множествомъ куропатокъ и зайцевъ, а также съ 500 дикихъ козъ (capra bezoartica), чтимыхъ браманистами, и оленей (axis maculatus).

Около полудня передъ дворцовымъ крыльцомъ, у широкой крытой терассы, толпа жалкихъ съ виду фокусниковъ показываетъ свое довольно сложное искусство. Во всей Индіи мы еще ни разу не наблюдали единовременно такого разнообразнаго проявленія ловкости и чего-то почти сверхъестественнаго, что я положительно не берусь опредѣлить.

Полуголые туземцы садятся въ двухъ шагахъ отъ насъ, опустивъ рядомъ на ступени лѣстницы грязный мѣшокъ со скарбомъ, 2 корзинки со змѣями, тряпье съ землей, откуда должно внезапно произрости деревцо — манго. Тѣмъ временемъ, — пока у этихъ артистовъ идутъ приготовленія, — атлетически сложенныя, достойныя рѣзца Микель-Анджело фигуры высоко подбрасываютъ крупные кокосовые орѣхи, подставляютъ макушку головы падающимъ внизъ и раскалываютъ ихъ. Приведенныя цыганьемъ обезьянки, шутовски принаряженныя чертопоклонниками, т. е. индусами, не признающими браминскаго міра, жадно лижутъ пролившееся молоко и подбираютъ куски толстой скорлупы, а затѣмъ (на общую потѣху) начинаютъ уморительно подражать мистическому характерному танцу служителей и заклинателей дьявола, такъ-сказать мѣстныхъ шамановъ. Люди же, только что доказавшіе необычайную крѣпость своего черепа, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаютъ участіе въ нашемъ смѣхѣ. Вотъ одинъ изъ фокусниковъ обнаженными руками сталъ непонятно откуда и какъ (не изъ рукавовъ, потому что ихъ у него нѣтъ, не изъ пояса-передника — своего единственнаго одѣянія) вытаскивать и раскладывать множество небольшихъ предметовъ (преимущественно камушковъ). Иные изъ нихъ зашевелились, исключительно по слову туземца, безъ малѣйшаго къ нимъ прикосновенія. Вдругъ среди нихъ задвигалась настоящая заморенная птичка. Крышка одной корзинки полуоткрылась и кобра скорѣе удивленно, чѣмъ сердито, вытянулась на свѣтъ, мѣрно закачалась подъ

усыпляющіе звуки хозяйской волынки и тихо ушла обратно, словно повинуясь голосу и волѣ человѣка. Эти змѣи, говорятъ, вовсе не безвредны и не лишены железъ, выдѣляющихъ ядъ, а просто-напросто очарованы особенной силой цыгана-магнетизера, имѣющаго природный даръ приручать пресмыкающихся. Въ концѣ концевъ послѣднія всетаки смертельно жалятъ самоувѣренныхъ укротителей, если тѣ на мгновеніе потеряютъ свою безусловную власть надъ гадами.

Вотъ быстро произростаетъ, чуть-ли не на глазахъ нашихъ, деревцо, котораго ростокъ нѣсколько минутъ назадъ фокусникомъ былъ посаженъ въ маленькую земляную кучу и задернутъ дерюгой. Поднимается стебель, распускаются листики, ожидается образованіе плода.

Показавъ тотъ или другой фазисъ чудеснаго развитія, soit-disant фокусникъ прячетъ его подъ сѣро-бурую ткань и черезъ короткій промежутокъ времени снова обнаруживаетъ, съ явнымъ торжествомъ. Манго все растетъ и растетъ... Какъ достигаютъ этого ловкіе туземцы, будто-бы ухитряющіеся (на виду у насъ всѣхъ и у самыхъ нашихъ ногъ) подмѣнивать ростки и стебли, непонятно. Прежде духовенство съ Запада запрещало соотечественникамъ смотрѣть на подобное соблазнительное дѣло сатаны. Теперь же, кажется, и натуралисты склонны допускать, что туземцамъ извѣстны тайны природы, которыми они вызываютъ иное явленіе, отнюдь не прибѣгая къ фокусу или грубому обману.

А вотъ и еще диковинное зрѣлище!... Мужчины, подставлявшіе макушку головы подъ кокосовые орѣхи, веревками вяжутъ дѣвушку изъ своей среды, словно опутываютъ ее крѣпкой сѣтью и укладываютъ въ тѣсную корзину. Затѣмъ, одинъ старикъ начинаетъ колоть послѣднюю кинжаломъ, продырявливаетъ ее насквозь, наконецъ впрыгиваетъ черезъ ея пробитую крышку на дно: дѣвушка видимо исчезла и только смутно, какъ-бы изъ близкой листвы, слышится чей-то женскій голосъ, напоминающій раздвоенную рѣчь чревовѣщателя. И вдругъ, — когда всѣ готовы были протирать себѣ глаза, убѣдившись, что за ловкость обнаружила дѣвушка, незамѣтно ускользнувъ изъ корзины, — оттуда показывается бодрою и невредимою она сама, главное дѣйствующее лицо въ представленіи!...

Мы положительно находимся въ странѣ, гдѣ далеко не проведены и пока, пожалуй, неопредѣлимы связь и грань между явленіями совершенно естественнаго порядка и тѣми, которыя на европейскій взглядъ отмѣчены признаками чудеснаго. Оттого-то именно въ Индіи, по иниціативѣ одной много видѣвшей и много знавшей русской женщины (Е. П. Блаватской), зародилась мысль о возможности и необходимости основать цѣлое общество теософовъ, искателей Истины въ широчайшемъ смыслѣ слова: съ цѣлью избирать адептами людей всякой вѣры и рассы, глубоко вникать въ сокровеннѣйшее ученіе восточныхъ религій, привлекать азіатовъ къ искреннему духовному общенію съ образованными иностранцами, поддерживать таинственныя сношенія съ разными верховными жрецами, аскетами, чародѣями и т. п. Здѣсь, у Мадраса, въ предмѣстьѣ Адіаръ (у маленькой рѣки того же названія) учредился центръ новаго оригинальнаго братства. Дѣятельнымъ помощникомъ и другомъ нашей талантливой соотечественницы, пріобрѣтшей въ Россіи литературную извѣстность подъ именемъ Радда-бай, явился американскій полковникъ Олькотъ. Огромное число развѣтвленій мадрасской теософической ложи возникло и въ Азіи, и въ Америкѣ, и въ Европѣ. Нѣсколько органовъ періодической печати спеціально посвятило себя констатированію и отчасти изученію необъяснимыхъ психическихъ феноменовъ изъ области іогизма, т. е. магическихъ актовъ воли человѣка, для котораго условія пространства и времени перестаютъ существовать. Блаватская вызвала бурю обличеній въ шарлатанствѣ,

НАСЛѢДЬЕ БЛАВАТСКОЙ. СТАРЫЙ ОЛЬКОТЪ И МАДРАССКІЕ ТЕОСОФЫ.

чуть-ли не въ силу подозрительности англичанъ должна была навсегда покинуть преисполненный чудесъ и столь полюбившійся ей полуостровъ; но искусство ея вызывать къ себѣ безкорыстную симпатію и преданность туземцевъ, ихъ смутная жажда сплотиться подъ знаменемъ этой странной *сѣверной* женщины изъ народа, радикально чуждаго Альбіону, — ея постоянные разъѣзды по странѣ ради сближенія съ волхвами и въ попыткахъ быть допущенной къ разнымъ завѣтнымъ тайнохранилищамъ браминовъ и джайнистовъ, — все вмѣстѣ взятое создало ей исключительное положеніе, какого съ давнихъ поръ никто и нигдѣ не занималъ (пожалуй, начиная отъ тѣхъ отдаленно-блаженныхъ дней, когда ясновидящія старицы на рубежѣ исторіи говорили со своими первобытно мыслящими единоплеменниками на вѣщемъ языкѣ боговъ!). Для Индіи настоящаго и будущаго Е. П. Блаватская не умерла и не умретъ.

Душный вечеръ. Обѣдъ у губернатора, за часъ до отъѣзда по узкоколейной желѣзнодорожной линіи на югъ: въ города, болѣе или менѣе олицетворяющіе интересное прошедшее края. Летучія мыши рѣютъ по комнатамъ, смежнымъ со столовою. Испытываешь какое-то странное преждевременное утомленіе, еще не успѣвъ даже погрузиться въ море новыхъ впечатлѣній. Этотъ знойный и убаюкивающій Востокъ, по правдѣ сказать, слѣдовало бы познавать исподволь и съ бо́льшими промежутками полнѣйшаго отдыха. Иначе безконечное обиліе образовъ и мыслей чрезмѣрно поглощаетъ всѣ силы души, пробуждаетъ слишкомъ напряженное состояніе, не даетъ мозгу своевременно перерабатывать воспринимаемое извнѣ: точно также, какъ, — выражаясь грубѣе и нагляднѣе, — желудокъ не могъ бы безъ перерыва принимать пищу... Обзоръ страны видимо приходится заканчивать, — отчасти вслѣдствіе климатическихъ условій, — въ нѣсколько вяломъ настроеніи.

Хозяинъ и болѣзненно-блѣдная хозяйка дома удивительно радушны, симпатичны. О Гинди увозишь крайне свѣтлое воспоминаніе. Недаромъ баронъ Уинлокъ, племянникъ герцога Вестминстерскаго, извѣстенъ въ Англіи за одного изъ просвѣщеннѣйшихъ аристократовъ либеральнаго лагеря (Liberal Unionists). Несмотря на свою относительную молодость (ему, навѣрно, не свыше 40 лѣтъ), онъ уже на родинѣ, въ Іоркскомъ графствѣ, занималъ нѣсколько почетныхъ должностей.

Воскресенье, 27-го января (8-го февраля).

Раннее утро. Только седьмой часъ. Танджоръ. Станція, густо убранная олеандровыми гирляндами (въ знакъ привѣта и благопожеланія, согласно туземному обычаю). Группа горожанъ съ пріятными, осмысленными лицами. У каждаго въ рукахъ — его визитная карточка, по которой онъ допущенъ властями на дебаркадеръ. Кланяясь Ихъ Высочествамъ, встрѣчающіе танджорцы наперерывъ протягиваютъ «коллектору» (начальнику округа) свои имена, какъ-бы долженствующія, между прочимъ, свидѣтельствовать о радушіи мѣстнаго пріема.

Мы — у послѣдней средневѣковой столицы древняго царскаго рода Кола или Чола, долго игравшаго въ южной Индіи весьма важную роль. Теперь здѣсь — одинъ изъ

самыхъ видныхъ административно-промышленныхъ центровъ мадрасскаго президентства, съ 60,000 жителей (на округъ въ два милліона).

Оранжевый цвѣтъ одежды населенія споритъ съ бѣлымъ. Люди съ довольно могучимъ тѣлосложеніемъ, некрасивыя черныя женщины наполняютъ путь къ старой крѣпости. Дорога обсажена пальмами, слегка пыльна, монотонна. Начиная отъ Коромандельскаго побережья, природа и мѣстная культура постепенно внушаютъ чувство разочарованія. Болѣе родной намъ сѣверо-западъ страны какъ-то ярче свѣтился красками.

Насъ подвозятъ къ массивнымъ воротамъ, за которыми высится стройно задуманная и выполненная кумирня (Періа Ковилъ, т. е. «большой храмъ»), считающаяся знатоками за типичнѣйшее и лучшее архитектурное произведеніе дравидскаго стиля. Послѣдній многими загадочными чертами, безъ достаточно выясненной исторической связи, близокъ ассирійскому и въ свое время создалъ въ Индіи немало памятниковъ выдающагося характера: стоитъ вспомнить хотя-бы изваянный изъ части горы монолитическій дворецъ Шивы «Кайласу» у эллорской гряды.

Въ эпоху разцвѣта туземныхъ искусствъ и широко прививавшагося умозрительнаго знанія, когда народъ и полубогъ-правитель составляли одно цѣлое, половина населенія занималась земледѣліемъ, — на что вполнѣ хватало рукъ, — другая же, въ силу приказа свыше и повинуясь вмѣстѣ съ тѣмъ собственному религіозному влеченію, отдавала свою жизненную энергію и выдающіяся артистическія способности угодному небожителямъ зодчеству, для котораго въ ту пору какъ-будто не существовало даже невѣроятныхъ техническихъ затрудненій. Къ слову сказать, вотъ передъ нами куполъ огромной центральной пагоды, обтесанный изъ одной глыбы гранита: что̀ за изобрѣтательные люди подняли его на двадцать пять саженъ отъ земли?

Пять бронзовыхъ «баядерокъ храма» встрѣчаютъ у входа въ очень высокую ограду, гдѣ находится небольшая группа красноватыхъ капищъ различной величины, и вѣнчаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ цвѣтами. Ими же въ видѣ почетныхъ украшеній завѣшены проходы дворомъ вокругъ языческихъ «святилищъ». Тутъ, какъ оказывается, нѣтъ теперь обычныхъ тайнодѣйствій и чуть-ли даже нѣтъ идоловъ, потому что въ прошломъ столѣтіи безумно храбрый и одинаково опрометчивый французъ — графъ де Лалли, оружіемъ насаждая въ Индіи вліяніе своей націи и не стыдясь прибѣгать при случаѣ къ варварскому разстрѣливанію браминовъ у пушечныхъ жерлъ, столь же мало постѣснился захватить «Періа Ковилъ» съ цѣлью обратить его въ твердыню. Съ той минуты какъ ее, въ самыхъ недосягаемыхъ нѣдрахъ, осквернило присутствіе европейскихъ солдатъ, — кумирня потеряла извѣстную долю обаянія въ глазахъ суевѣрной толпы. Туристы ею любуются, обѣднѣвшіе жрецы собираютъ съ нихъ за это дань; но искусно воздвигнутое капище перестало быть центромъ благочестія и поклоненія.

Дословное длинное названіе его — «Шри Брахадишвара Швами». Строителемъ, въ лицѣ своего старшаго полководца, является Раджараджа (династіи Чола), правившій съ 1023 по 1064 г. Его сынъ Вира или Раджендрараджа, царствовавшій до 1114 года, щедро надѣлилъ чертоги боговъ и недвижимой собственностью, и деньгами, и драгоцѣнностями. О дарѣ свидѣтельствуютъ подробнѣйшія старотамильскія надписи на нижнихъ стѣнахъ фасада центральной кумирни. Эти послѣднія сравнительно — не изъ особенно древнихъ. Тутъ есть и много древнѣе (напр. IV-го вѣка), — притомъ наряду съ почти новыми

маратскими, гласящими о позднѣйшихъ исправленіяхъ и достройкахъ. Но письмена времени Виры наиболѣе важны, ибо памятуютъ о славномъ правленіи царя, съумѣвшаго подчинить себѣ и цейлонцевъ, и декканцевъ, и бенгальцевъ, и жителей Оуда, доведя такимъ образомъ южную Индію до столь значительной степени объединенія и внѣшняго могущества, какого она никогда ни раньше, ни послѣ того не достигала. По танджорскому главному храму историки убѣдительно судятъ о богатствахъ золотомъ, присущихъ краю въ тѣ столѣтія. Онѣ были будто-бы положительно необъятны и могли происходить преимущественно отъ добычи и промывки драгоцѣннаго металла на мѣстѣ, въ подавляющемъ количествѣ. Еще англичане застали здѣсь (въ чертѣ мадрасскаго президентства), у терявшихъ власть султановъ и раджей, остатокъ гигантскихъ сокровищъ: извѣстный врагъ британскаго элемента Типу обладалъ десятками милліоновъ рублей, неограниченно тратилъ на политическія интриги и уплату военной контрибуціи, однажды, напр. сразу послалъ для подкупа въ далекій Гваліоръ 38 верблюдовъ, тяжело нагруженныхъ червонцами.

НА ФАСАДѢ ХРАМА.

Уже въ старину замѣчательно, однако, отсутствіе серебряныхъ рудъ и серебра въ обращеніи. Аналогичныя явленія наблюдались, впрочемъ, и въ предѣлахъ древней Средней Азіи.

Осматриваемая нами группа языческихъ «святилищъ» возникла въ честь Шивы, его воинственнаго «духовно зачатаго» сына Картикейи (онъ же и Сканда, и Субраманія, т. е. буквально «покровитель касты жрецовъ»), а также и Вишну. Раздоры между послѣдователями того или другаго культа точно замолкали и стушевывались на взглядъ, когда шла рѣчь о возвеличеніи божественныхъ міроправителей и о низведеніи ихъ на землю въ трепетно обожаемыя массами дивныя творенія роднаго зодчества, куда кромѣ служителей алтаря возбранено было кому бы то ни было переступить порогъ. Цѣлая колоссальная башня, не многимъ уступающая Кутабъ-Минару въ окрестностяхъ Дэли, шестнадцатью этажами стремится въ высь. Индія пламеннаго видѣнія, порыва и экстаза, — Индія воплощеннаго глагола небесъ и упорно борющихся съ ними соблазновъ персти! — вся ты отражаешься своею сокровенною природою въ такихъ гранитныхъ памятникахъ, которымъ не находишь соотвѣтствующаго истолкованія, — въ такихъ граничащихъ съ чудомъ созданіяхъ, передъ которыми нѣмѣетъ современный человѣкъ . . .

Тонкій лѣпной орнаментъ подъ кровлями зданій, стерегущіе доступъ въ нихъ четырерукіе кумиры (изъ прекрасно отполированнаго сіэнита) у замкнутыхъ дверей, видимо недавно подновленная миѳологическая живопись и двѣсти черныхъ коническихъ камней (лингамъ) по сторонамъ двора (подъ аркадами), — какою оригинальностью дышетъ каждая еле-замѣтная подробность работы великихъ безвѣстныхъ ваятелей, каждый

символъ, каждое цементное изображеніе демоновъ или небожителей, слоновъ съ фигурками на концѣ хобота или быковъ! Около нихъ торчатъ вѣероподобныя прикрасы, скорѣе всего напоминающія павлиній хвостъ. Фантазія художниковъ-дравидянъ положительно готова нагромождать другъ надъ другомъ безконечное число вѣковѣчныхъ эмблемъ, сверхъестественныхъ туловищъ и головъ, причудливыхъ сценъ малопонятнаго религіознаго содержанія, — однимъ словомъ, смѣсь возможнаго и невозможнаго, чего-то варварски-дикаго и параллельно съ тѣмъ законченнаго по формѣ. Въ одномъ мѣстѣ, на стѣнѣ храма, показываютъ лицо европейца въ круглой матросской шляпѣ, съ чертами самодовольнаго Джонъ Булля. Сооруженіе относится къ XI вѣку и туземцы видятъ въ этомъ каменномъ иноземномъ обликѣ старинное предсказаніе, что страну покорятъ именно такіе люди изъ-за моря, — хотя безъ малѣйшаго сомнѣнія танджорскіе скульпторы лишь постепенно создавали и дополнили рѣзьбу фасада, такъ что и это экзотическое изваяніе появилось, конечно, когда индусы познакомились съ «бѣлыми» колонизаторами.

Сравнительно красивое капище «богу войны» (Картикейѣ) возникло, по предположенію археологовъ, значительно позже другихъ основныхъ сооруженій, — вѣроятно, не раньше исхода XVI столѣтія. «Баядерки храма», обязанныя по самому смыслу своего служенія увеселять тамъ плясками уединенныя отъ толпы статуи божествъ, съ дѣтства посвящаются Скандѣ, обручаются стальному клинку, призваны слѣпо повиноваться браминамъ и способствовать наполненію ихъ казны. У воротъ «Періа Ковилъ» лежитъ, такъ-сказать въ особомъ открытомъ павильончикѣ, огромный темнокаменный быкъ Нанди (олицетворенная грозовая туча, на которой ѣздитъ Шива, и вмѣстѣ съ тѣмъ прообразъ плодородія). Фигура животнаго лоснится отъ масла, приносимаго индусами для ея умащенія.

Экипажи Ихъ Высочествъ и свиты въѣзжаютъ, миновавъ крѣпостной ровъ и мрачныя ворота (съ надписью 1779 г.), на обсаженный деревьями холмикъ, гдѣ стоятъ церковь и домикъ извѣстнѣйшаго покойнаго миссіонера Шварца. Первая пуста и угрюма. Войдя въ нее, невольно останавливаешься въ созерцаніи рельефной бѣломраморной группы, вдѣланной противъ упраздненнаго въ данное время алтаря. За нею погребены останки благочестиваго мужа, занявшаго далеко не послѣднее мѣсто въ развитіи духовной жизни края.

Вотъ въ немногихъ словахъ характеристика значенія и дѣятельности этого проповѣдника. Протестантскій міръ сравнительно поздно приступилъ къ благовѣствованію среди язычниковъ. Въ этомъ направленіи починъ принадлежалъ датскому правительству. Гуманный король Фридрихъ IV (1699—1730) отправилъ въ Индію, гдѣ у его народа были маленькія владѣнія, нѣсколькихъ самоотверженныхъ ревнителей Истины. Между всѣми посланными, прилежно начавшими изучать мѣстныя нарѣчія и туземный бытъ, практически наиболѣе выдѣлился упомянутый Шварцъ, получившій образованіе въ Галле и отдавшій себя совокупностью силъ и стремленій осуществленію широко понимаемыхъ свѣтоносныхъ христіанскихъ идеаловъ. Пока другіе грубые пришельцы съ Запада на каждомъ шагу оскорбляли туземцевъ своею развращенностью и хищностью, — проникнутый смиреніемъ и пламенѣвшій вѣрою миссіонеръ рѣзкимъ контрастомъ опредѣлился какъ олицетворенное добро среди враждующихъ разноплеменныхъ народовъ. Величавая фигура иноземца — «учителя и пастыря» съ Новозавѣтнымъ міросозерцаніемъ — ярко обрисовывается въ обступавшей ее тьмѣ раздоровъ, кровопролитія, звѣрства и невѣжества. За то онъ

имѣлъ безспорный успѣхъ: не лукавя передъ самимъ собою, Шварцъ могъ до семи тысячъ инородцевъ назвать обращенными по искреннему убѣжденію.

Онъ постепенно пріобрѣлъ во мнѣніи туземнаго населенія сверхъ-естественое обаяніе, сталъ неизмѣримо выше толпы «единоплеменниковъ и единовѣрцевъ» (въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ), не прибѣгая къ аскетизму чисто индійскаго характера, тѣмъ не менѣе выросъ до небесъ передъ чтущимъ святость туземнымъ народомъ. Какихъ размѣровъ достигло такое значеніе, лучше всего доказываютъ факты. Въ одномъ походѣ англійскому отряду случайно не хватило денегъ на покупку провіанта и грозила опасность. Никто окрестъ не хотѣлъ помочь начинавшимъ терпѣть бѣдствіе. Шварцъ своимъ вліяніемъ обусловилъ подачу помощи, честью поручившись за своевременную уплату долга. Другой разъ султанъ Гайдеръ-Али не пожелалъ вести прямыхъ переговоровъ съ британскими властями: «пусть съ этой цѣлью пріѣдетъ нѣмецъ! онъ не обманетъ!» Послѣ различныхъ военныхъ смутъ въ предѣлахъ Танджора произошла борьба изъ-за престола: мальчикъ Шарфоджи (маратъ), усыновленный умиравшимъ бездѣтно махараджею, сперва не былъ признанъ. Воспитаніе ребенка было поручено добродѣтельному Шварцу, — и онъ блистательно выполнилъ свою задачу воспитать примѣрнаго по развитію и гуманно настроеннаго князя. Объ обращеніи малолѣтняго впечатлительнаго питомца въ христіанство не заходило и рѣчи. Мудрый миссіонеръ понималъ, что участь отрока и его будущихъ владѣній — въ исключительной зависимости отъ культуры сердца и ума. Изъ Шарфоджи именно вышелъ человѣкъ съ уравновѣшенною внутреннею природой, несмотря на искусственно ему привитую европейскую образованность. Близко ознакомленный съ научными трудами Линнея и Бюффона, сознательно относясь къ твореніямъ Шекспира, глубоко уважая своего втораго отца — миссіонера, танджорскій раджа остался однако настоящимъ маратомъ до мозга костей: безподобный наѣздникъ, охотникъ и стрѣлокъ — онъ, удивляясь Бонапарте и держа въ библіотекѣ его портретъ, съ горечью все болѣе и болѣе убѣждался въ тягости зависимаго положенія отъ Мадраса. Родись этотъ правитель Танджора полустолѣтіемъ раньше, онъ бы заставилъ о себѣ говорить, какъ о воинѣ съ политическою силою; но почти лишенный владѣній онъ погрузился въ литературныя занятія и всецѣло тамъ искалъ себѣ удовлетворенія.

Со смертью престарѣлаго Шварца въ 1798 г. для Шарфоджи, вѣроятно, наступило замѣтное ослабленіе узъ, связывавшихъ его съ западнымъ цивилизованнымъ міромъ. На мраморной группѣ въ церкви, гдѣ мы стоимъ, какъ-бы выразились чувства мѣстнаго князя, искренно оплакавшаго кончину наставника. Послѣдній изображенъ умирающимъ или уже умершимъ, покоится на одрѣ и окруженъ нѣсколькими приближенными, между тѣмъ какъ раджа (его ученикъ), невольно приковывающій вниманіе своей царственной осанкой и рѣзкимъ профилемъ, на прощанье жметъ руку праведнаго старца и словно не можетъ сдержать слезъ. Работа скульптора полна экспрессіи. Такими памятниками европейцы въ правѣ гордиться на Востокѣ. Миссіи, направляемыя туда на широко понимаемое благо инородцевъ, сами въ себѣ носятъ залогъ будущаго и не могутъ бояться никакихъ антипатій. Любвеобильное стремленіе обновить косную языческую среду животворнымъ прикосновеніемъ Новозавѣтныхъ началъ каждогодно должно крѣпнуть и направляться въ глубь Азіи. Уврачеваніе душъ тамошнихъ милліоновъ неразрывно связано съ милосердіемъ по отношенію къ ихъ матеріальнымъ нуждамъ. Только въ данномъ случаѣ есть твердая надежда достигнуть отрадныхъ результатовъ. Западъ, какъ извѣстно, не оскудѣваетъ носителями христіанской идеи для обездоленныхъ любой рассы. Европа и Америка съ умиленіемъ узнали недавно о подвигѣ католическаго миссіонера — отца Дамьэна, посвятив-

шаго себя дѣятельности и нашедшаго мученическую медленную кончину (отъ зараженія) среди пораженыхъ проказою островитянъ Тихаго океана (на островѣ Молокай, Сандвичевой группы)!

О судьбѣ прокаженныхъ въ Индіи сравнительно поздно, т. е. въ наши дни, позаботился Wesley Bailey, основавшій «Leper Mission to India». Число ихъ равняется приблизительно полутораста тысячамъ, — причемъ, по крайней мѣрѣ, двѣ пятыхъ приходятся на Бенгалію.

Убѣжища, устроенныя съ цѣлью изолированія этихъ несчастныхъ, даютъ возможность прокормить и обставить каждаго изъ нихъ рублей за пять въ мѣсяцъ.

Одержимые страшнѣйшимъ изъ недуговъ и отверженные родною средою — эти жалкіе люди иногда (до вмѣшательства англійскихъ властей) заживо погребались съ собственнаго согласія. Такой обычай именовался «самадъ»: истомленнаго жизненной пыткой бѣднягу вели къ могилѣ подъ оглушительный ревъ барабановъ и гонговъ, сажали въ яму и медленно засыпали землею.

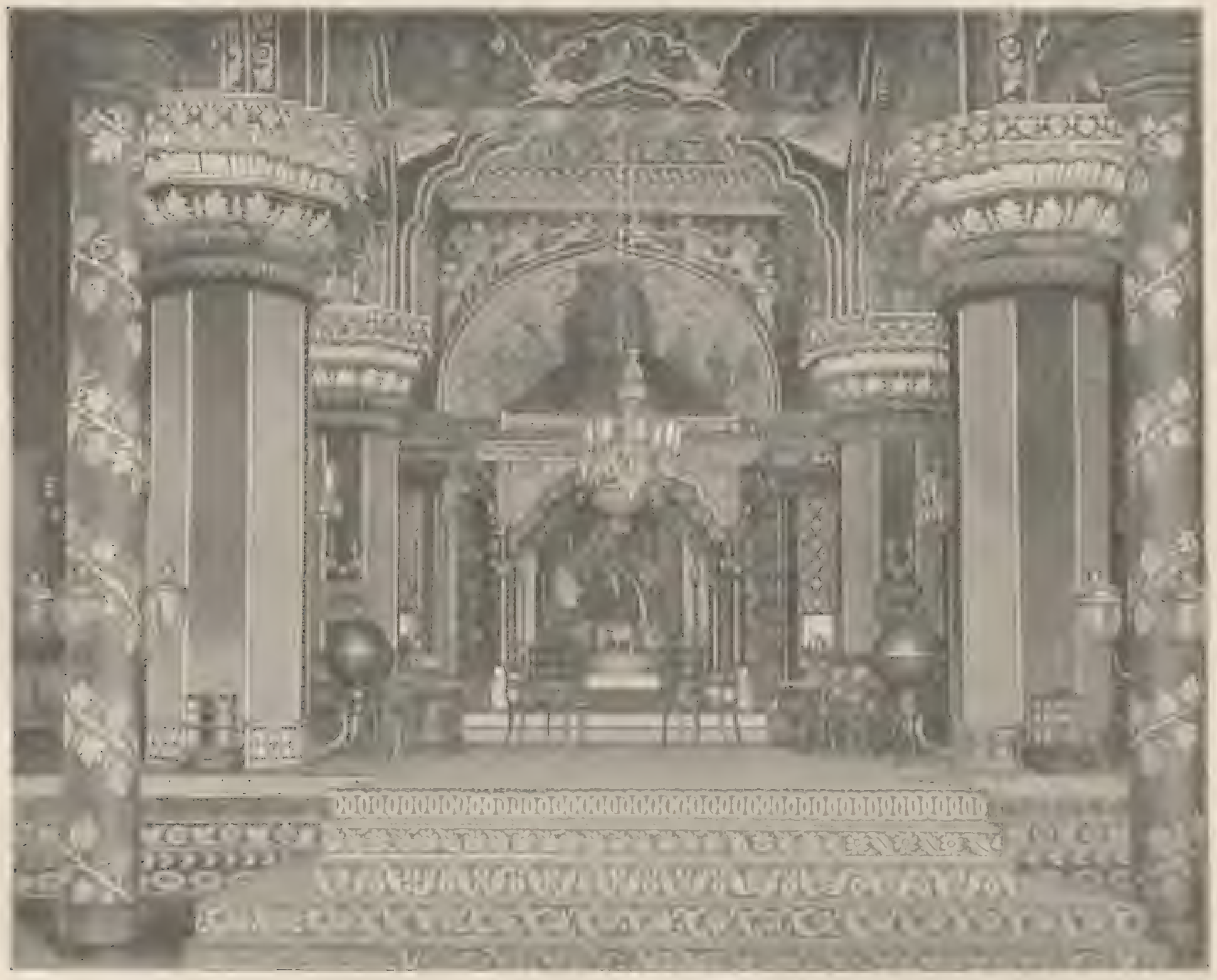
Не пришло-ли время или не пора-ли ему наступить въ исходѣ нашего смутнаго вѣка, когда западный человѣкъ (колонизаторъ) не только взглянетъ на инородческій Востокъ съ братскими чувствами состраданія и сожалѣнія за причиненныя и причиняемыя азіатамъ обиды, — но и пойдетъ дальше этого на пути сближенія съ туземными элементами, въ которыхъ искра Божія никогда не погасала и даже нерѣдко разгоралась какъ чистая молитвенная свѣча передъ иконою Спасителя, взявшаго на себя грѣхи міра?

При выходѣ изъ церкви Шварца Ихъ Высочества встрѣчены, со стороны мѣстныхъ христіанъ, заунывнымъ пѣніемъ и музыкой примитивнаго характера. Какъ говорятъ, имъ сначала пробовали внушить полезность, въ духовно-нравственномъ отношеніи, изученія хораловъ, но безуспѣшно: туземцы любили и любятъ лишь родные напѣвы съ ихъ трудно передаваемымъ страннымъ ритмомъ, почему и приноравливаются даже при западномъ богослуженіи почти исключительно къ нимъ. Глубокій теоретическій знатокъ миссіонерства въ Азіи — германскій пасторъ Грундеманъ, находящійся въ данное время въ Индіи, — по словамъ бесѣдовавшихъ съ нимъ лицъ, видитъ въ подобномъ непосредственномъ выраженіи религіозныхъ чувствъ залогъ возможности бо́льшаго распространенія вѣроученій Запада среди культурно-языческихъ народовъ.

Здѣсь въ городѣ умеръ четверть вѣка назадъ нѣкій 90-лѣтній старецъ: тамильскій поэтъ и композиторъ-самородокъ, по имени Веданайхенъ. Онъ былъ христіанинъ, пользовался однако денежною помощью отъ мѣстнаго махараджи, и сочинилъ многое до сихъ поръ распѣваемое и разыгрываемое въ населеніи не только его единовѣрцами, но и браманистами. Не его-ли это внуки только-что пѣли тамъ, у скромной свѣтлой могилы почтеннаго Шварца?

Мы приближаемся къ запущенному полузаглохшему дворцу Танджора, отстроенному въ серединѣ XVI столѣтія. Августѣйшихъ путешественниковъ сконфуженно привѣтствуетъ довольно богато одѣтый и моложавый съ виду индусъ, считающійся усыновленнымъ преемникомъ вдовъ покойнаго князя, но не признанный британскимъ правительствомъ. Оно совершенно справедливо, со своей точки зрѣнія, отрицаетъ за ними право поддерживать фикцію династіи, которой на дѣлѣ уже давно нѣтъ и заботиться о которой въ данную минуту потеряло всякій историческій смыслъ. Округъ лишился политическаго значенія съ момента борьбы за него французовъ и англичанъ. Первые, раззоряя край въ лицѣ Лалли,

слишкомъ поторопились открыть огонь по мѣстнымъ храмамъ. Населеніе, питавшее въ основѣ больше симпатій къ бурбонскимъ знаменамъ чѣмъ къ мадрасскому купечеству, изъ-за оскорбленія религіи возстало противъ послѣднихъ. Надо, впрочемъ, сказать правду, что главная вина за фанатическое насиліе и безразсудный характеръ нападенія лежитъ главнымъ образомъ на служившихъ подъ ними эмигрантахъ-ирландцахъ. Какъ бы то ни было, въ барышахъ отъ чужой стремительности и оплошности по обыкновенію осталась Англія. Дочь умершаго въ 1853 г. Сиваджи, — съ которымъ по настоящему прекратился



ВЪ ТАНДЖОРСКОМЪ ДВОРЦѢ.

родъ маратовъ, завоевавшихъ себѣ въ 1675—77 гг. этотъ благодатный югъ, — обѣднѣла и до 70-хъ годовъ влачила свой вѣкъ грустною жертвою превратностей рока, — что однако ей не помѣшало съ большимъ достоинствомъ вести себя при свиданіи съ наслѣдникомъ англійскаго престола и сказать на прощанье: «прошу передать моей княжескій привѣтъ моей царственной сестрѣ — принцессѣ Уэльской».

Одинъ дурбарный залъ (архитектурнаго дворцеваго стиля старыхъ туземныхъ раджей) образуетъ довольно эффектный четыреугольникъ, гдѣ въ углубленіи красуется бѣломраморное изваяніе работы скульптора Флаксмана: послѣдній мѣстный правитель съ малѣйшимъ значеніемъ — Шарфоджи! Онъ стоитъ въ треугольной шапочкѣ, поднявъ

и сложивъ руки точно для молитвы. Статуя возвышается надъ огромнымъ кускомъ чернаго гранита, по каймамъ котораго выступаетъ рѣзьба, изображающая борьбу какихъ-то демоническихъ силъ противъ небожителей. На этомъ пьедесталѣ, изъ одной глыбы, раньше (въ XVI—XVII в.) сидѣли судьями «наики», вожди народа тамиль и телугу, смѣнившіе династію Чола. Здѣсь же, во дни самостоятельности Танджора, принято было держать военный совѣтъ. Теперь все заглохло и полно запустѣнія. Ни малѣйшей жизни не придаютъ упраздненному чертогу нарисованныя доморощенными художниками и развѣшанныя по сторонамъ фигуры раджей: съ соколами на рукѣ, съ длинными саблями у пояса. Грустно смотрятъ со стѣнъ эти портреты прежнихъ князей, мало-по-малу отвоевываемыхъ забвеніемъ у исторіи.

Смежно съ означенной палатой помѣщается библіотека «наиковъ» и махараджи — ученика Шварца, гдѣ собрано до 18,000 «санскритскихъ» рукописей: почти половина изъ нихъ шрифтомъ «телугу» въ любопытной транскрипціи начертана на узкихъ пальмовыхъ листахъ, какъ вообще здѣсь на югѣ и дальше на буддійскомъ востокѣ принято писать. Она — по богатству единственное въ своемъ родѣ индійское книгохранилище. Главный матеріалъ собранъ былъ въ 1820—30 гг. самимъ Шарфоджи въ Бенаресѣ. Кромѣ того въ ту же пору пріобрѣтено немало иностранныхъ западныхъ изданій, преимущественно иллюстрированныхъ; ибо просвѣщенный князь серьезно и со вкусомъ слѣдилъ за литературой. Много цѣннаго украдено отсюда послѣ смерти послѣдняго раджи.

Оріенталистъ Burnell, не щадя здоровья и зрѣнія, самоотверженно посвятилъ свое свободное отъ бюрократическихъ занятій время на то, чтобы близко ознакомиться съ танджорскою библіотекою. Это ему въ извѣстномъ отношеніи и удалось, въ смыслѣ классификаціи рукописей, изъ которыхъ большинство представляло и представляетъ terram incognitam для европейцевъ со стороны ихъ философско-богословскаго и въ особенности мистическаго содержанія. Тантрическій отдѣлъ (магіи, заклинаній, тайнодѣйствій), вѣроятно, не уступаетъ тутъ по объему отдѣлу многочисленныхъ спеціальныхъ сочиненій о зодчествѣ и сродныхъ ему искусствахъ.

Полезнѣйшимъ пособникомъ Бэрнеля при его работахъ по приведеніи цѣлаго въ систему явился никому невѣдомый, но крайне знающій здѣшній книгохранитель Кувачатту, получавшій жалованья (mirabile dictu!) всего какихъ-нибудь 5 рублей въ мѣсяцъ!

На мѣстѣ, гдѣ теперь хранятся эти литературныя сокровища, еще только двѣсти лѣтъ тому назадъ побѣжденный сосѣдями вождь телугу сжегъ себя и своихъ женъ.

Ихъ Высочества проходятъ въ другую безвкусно убранную дурбарную залу: въ углубленіи ея изображенъ во весь ростъ «раджа Сиваджи». Не можетъ же это быть безцвѣтный сынъ могикана своей династіи Шарфоджи! Хочу думать, что передъ нами великій вождь жизненнаго племени, начавшаго первенствовать въ Индіи на зло фанатикамъ ислама и колонизаторамъ изъ-за моря. Какая сила повелѣнія въ благообразно-мужественныхъ чертахъ! Моголы презрительно прозвали непримиримо-страшнаго врага «горной крысою», но трепетали при столкновеніяхъ съ нимъ. Гордость и отвага столь глубоко одушевляли этого человѣка, что граничили съ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Коварно приглашенный въ Дэли не менѣе грознымъ чѣмъ нашъ Грозный Аурангзебомъ, онъ идетъ туда, въ логовище тигра, точно на отдыхъ домой, — не соглашается поклониться царю среди его пышнаго двора, тѣшится гнѣвомъ своего далеко негостепріимнаго хозяина какъ постороннимъ зрѣлищемъ, за которое не ему самому, дерзкому виновному, придется отвѣчать. Сиваджи ввергаютъ въ тюрьму, держатъ важнымъ государственнымъ плѣнникомъ, томятъ и мучатъ, — а онъ притворяется больнымъ и затѣмъ, хитро выбравъ и обдумавъ

моментъ, бѣжитъ въ одеждѣ факира къ Гангу, омывается въ спасительныхъ водахъ и, не торопясь, возвращается съ насмѣшливой улыбкой въ родныя «Гхаты», чтобы съ удвоенной мощью обрушиться на мусульманъ.

Между рѣдкостями, въ залѣ-музеѣ съ характерной картиной, есть модель скелета изъ слоновой кости, заказанная прежнимъ правителемъ съ цѣлью нагляднѣе представить себѣ данныя изучаемой имъ медицины. Оставъ живаго существа по религіознымъ обычаямъ неудобно было бы имѣть во дворцевыхъ покояхъ. Хотя Шарфоджи считался ревностнымъ приверженцемъ браминовъ, онъ иногда становился выше ихъ предразсудковъ и однажды не побоялся нарушить завѣтныя правила о неоскверненіи себя прикосновеніемъ къ трупу. Это случилось при смерти Шварца, котораго онъ горячо оплакалъ и, собственноручно накрывъ парчей, проводилъ до могилы.

У насъ распространено совершенно ошибочное мнѣніе, будто индусы спокон вѣка чужды естествознанію и настроены исключительно въ умозрительно-отвлеченномъ направленіи. Но отчего же напр. практики-врачи издавна пользовались въ странѣ необычайнымъ уваженіемъ за искусство? При походѣ Александра Македонскаго его войско встрѣтило за Индомъ хорошо освѣдомленныхъ медиковъ-туземцевъ. Имъ нечего было даже въ то время заимствовать у эллиновъ. Мѣстные хирурги многое продѣлывали, до чего европейскіе не додумались раньше XIX в. Напр. по части лѣченія ранъ и приращенія носовъ темнокожіе азіаты оказались чуть-ли не учителями Европы черезъ посредство англичанъ. Уже халифы Багдада, уже персіяне пытались переводить и вникать въ медицинскіе труды загималайскаго населенія. Толчекъ разцвѣту этой гуманнѣйшей отрасли міровѣдѣнія несомнѣнно далъ буддизмъ. Мудрый Асока въ своихъ 14 эдиктахъ, изсѣченныхъ на скалахъ и столбахъ отъ Ориссы до Афганистана, предписывалъ вездѣ врачевать и людей, и животныхъ. Любвеобильныя стремленія въ такомъ именно духѣ немало поспособствовали успѣху вѣры Шакья-Муни въ чужихъ краяхъ. До сихъ поръ сибирскіе ламы, сами того не подозрѣвая, являются цѣлителями древне-индійскаго типа, обязанными не только всячески помогать больнымъ, но и относиться къ нимъ словно къ роднымъ дѣтямъ.

Августѣйшіе путешественники изъ любопытства проходятъ дальше въ угрюмое зданіе, прилегающее къ дворцевымъ постройкамъ и дворамъ. Тамъ поселился зять послѣдняго сравнительно убогаго Сиваджи. Правда, въ 1841 г. его еще въ квази-королевской обстановкѣ видѣлъ нашъ соотечественникъ, туристъ-художникъ князь Алексѣй Салтыковъ: раджа сидѣлъ подъ балдахиномъ, на тронѣ изъ слоновой кости (съ луками, колчанами и стрѣлами побокамъ), щеголялъ златотканой одеждой, обладалъ сорока слонами и гаремомъ въ 300 душъ; въ пріемные часы слуги опахивали его павлиньими перьями, жгли ѳиміамъ на ступеняхъ этого игрушечнаго престола, громко славили величіе, могущество, красоту и другія достоинства своего князя . . . А онъ задумывался подъ звуки грубо-льстивыхъ рѣчей: глаза его разгорались иногда отъ горделиваго бреда, отъ праздной мечты — но чуть-ли не ярче ихъ сверкалъ громадный изумрудъ, по-маратски прикрѣпленный къ чалмѣ, т. е. низко спускающійся на лобъ . . . Внучки блестящаго Шарфоджи нѣтъ болѣе въ живыхъ. Ея гораздо менѣе знатный мужъ обратилъ свое жилище не то въ лавку старьевщика, не то въ складъ никому ненужныхъ и заброшенныхъ барскихъ вещей. Спертый воздухъ помѣщенья, густая пыль на предметахъ забавы или роскоши изъ прежнихъ палатъ, скрыпучія зыбкія половицы подъ ногами . . . Что за иронія называть его тоже одною изъ достопримѣчательностей Танджора!

Городъ попалъ по настоящему въ категорію осужденныхъ на несамостоятельность, съ того момента какъ его правитель потѣснилъ рамнадскаго раджу въ южной Индіи (мы могли замѣтить на мадрасской «Garden party» его высокаго хромаго потомка и преемника въ бѣломъ одѣяніи): англичане, — на первыхъ порахъ охотно продававшіе кровь своихъ сипаевъ и европейскихъ наемниковъ тому, кто больше дастъ, — соблазнились свѣжимъ предлогомъ вмѣшательства въ танджорскія дѣла, которыми они раньше не въ мѣру интересовались, надѣясь досадить маратамъ въ ихъ распряхъ съ мусульманами Деккана. Затѣмъ на цвѣтущій край тоже съ жадностью взглянули французы, и разгорѣлась борьба . . .

Здѣсь намъ покажутъ лишь главнѣйшіе любопытные пункты на желѣзно-дорожной линіи. Въ сторону отъ нея, въ относительную глушь не предположено уклоняться. Охотъ не будетъ. Даже молодцеватые «шикари», солдаты-сикхи изъ полка Джерарда, взятые спеціально для сопутствованія въ джонгляхъ, остались позади въ Бомбеѣ. Характерные лѣса (на югѣ полуострова), гдѣ бродятъ дикіе слоны и куда нерѣдко направляются стрѣлки-европейцы, за недостаткомъ времени не будутъ посѣщены Ихъ Высочествами. И то мы слишкомъ много осматриваемъ, объѣзжаемъ въ краткіе сроки черезчуръ значительныя пространства, охватили шестинедѣльными экскурсіями цѣлую гигантскую страну!

За городомъ или точнѣе поодаль отъ крѣпости разбитъ въ восточномъ вкусѣ шатеръ, обращенный въ столовую. Послѣ завтрака мы еще успѣваемъ полюбоваться своеобразными туземными издѣліями, совершенно отличными отъ работы сѣверныхъ ремесленниковъ-художниковъ. Первыя справедливо сравниваются Джорджомъ Бэрдвудомъ съ тѣмъ, что говорится у Гомера про великолѣпныя производства Сидона или что извѣстно по выполненію на ассирійскихъ скульптурахъ, и по преимуществу состоятъ изъ металлическихъ сосудовъ съ изящною инкрустаціей, изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей съ орнаментомъ миѳологическаго содержанія, изъ ковровъ съ вычурно-яркимъ рисункомъ, изъ тонкихъ вышивокъ, наконецъ изъ кіотиковъ съ грубо намалеванными божествами, у которыхъ продѣты цѣпочки черезъ носъ.

Августѣйшіе путешественники покидаютъ Танджоръ, крайне радушно привѣтствовавшій Наслѣдника Цесаревича. На аркахъ красовались надписи: «Здравствуйте!» «Боже, Тебя Храни!» «Peace, happiness and prosperity», и т. д. — наконецъ у вокзала: «Прощайте!» Полдень. Нестерпимая жара. Маленькіе тѣсные вагоны на узко-колейной линіи просто раскалены. Раньше каждый переѣздъ былъ обставленъ значительно бо́льшимъ комфортомъ въ виду устройства ихъ примѣнительно къ далеко не всегда пріятнымъ климатическимъ условіямъ. Циркулирующія почти повсюду (кромѣ южной Индіи, гдѣ это необходимо!) просторныя отдѣленія на двухъ, снабженныя комнатками для умыванія и превосходно защищенныя отъ солнца дымчатыми стеклами и ставнями, тутъ какъ на зло отсутствуютъ. Отъ Танджора до Тричинополи — 50 верстъ, и немного больше часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Путь туда, при такомъ зноѣ, довольно непріятенъ, — да кромѣ того и ведетъ по ровной неживописной мѣстности, лишенной интереса. Она издревле отличалась крайнимъ плодородіемъ, зависѣвшимъ не отъ качествъ почвы, но исключительно отъ доведенной до совершенства ирригаціи. Поэтому край естественно привлекалъ вожделѣнія мусульманъ, когда они облагали данью тамильскихъ раджей, и позднѣе (въ XVII—XVIII в.) сюда же вызвалъ смѣлые набѣги маратовъ, которымъ представило сильный отпоръ лишь временное преобладаніе Низама.

На станціи Ихъ Высочества встрѣчены представителями администраціи и отправляются въ расположенный за городомъ, въ обширномъ паркѣ, домъ коллектора, т. е.

ВЪ ЮЖНО-ИНДІЙСКОМЪ ЛѢСУ.

окружнаго начальника (съ маленькимъ подвѣдомственнымъ ему королевствомъ въ три съ половиною тысячи квадратныхъ миль, при населеніи въ 1,200,000).

Неискаженное на англійскій ладъ наименованіе центра и его округа по-тамильски звучитъ «Тирусси-наппалли», по санскритски «Триширапура», что значитъ «мѣсто трехглаваго» (подразумѣвается «великана»). Магометане же прозвали этотъ важнѣйшій послѣ Мадраса пунктъ «Натарнагаръ» по имени погребеннаго здѣсь благочестиваго шейха Натаръ.

Край уже въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ озаряется вспышками данныхъ историческаго характера. Торговля съ заморскою чужбиною видимо всегда была очень обширна. Богатства туземныхъ жителей (естественныя и промышленныя) настолько могли казаться велики, что Тричинополи нерѣдко дѣлался яблокомъ раздора менѣе обезпеченныхъ сосѣдей и враговъ иноплеменныхъ.

Августѣйшіе путешественники, слегка лишь отдохнувъ отъ дороги, направляются въ экипажахъ къ подножію старинной твердыни, господствующей надъ опоясывающими ее довольно скученными городскими зданіями. Постепенно суживающаяся лѣстница ведетъ въ гору. Сквозь рѣшетки дверей по бокамъ отъ крутаго подъема слабо обрисовываются въ полумракѣ придѣлы капища, отстроеннаго здѣсь въ честь Шивы. Каждый августъ мѣсяцъ по ней взбирается масса богомольцевъ: въ сороковыхъ годахъ произошло въ эти именно дни внезапное смятенье, и до 500 человѣкъ изъ обезумѣвшей отъ страха толпы поплатилось жизнью.

Путь наверхъ снабженъ лампами, изобилуетъ оригинальными скульптурными работами (фигурками людей и львовъ) вдоль ведущаго сквозь слоистый гранитъ коридора. Иные изъ потпирающихъ его столбовъ ясно отмѣчены джайнскимъ зодчествомъ. Ступени, по которымъ мы идемъ, выбѣлены и располосованы краснымъ цвѣтомъ. Подъ конецъ онѣ уже высѣчены въ камнѣ не подъ сводами галлереи, а на открытой небу тропѣ, изгибающейся въ высь.

Съ вершины колоссальнаго гнейсоваго утеса открывается замѣчательный видъ. Краснобурыя, одиноко разбросанныя скалы высятся среди окрестной равнины, — низкія возвышенности таютъ во мглѣ отдаленья, — съ противуположной стороны обманчивою синевой какъ-будто проступаетъ море, — поближе наконецъ изумрудною гладью въ объятьяхъ солнца стелется дельта плодоносной Кавери. А прямо такъ-сказать подъ ногами у насъ бѣлѣетъ и розовѣетъ утопающій въ зелени обширный городокъ, снуютъ коричневые люди, летаютъ безчисленныя сороки, проходятъ запряженныя крошечными бѣлыми буйволами телѣги, бойко торгуютъ миніатюрныя лавочки, женщины достаютъ воду изъ колодцевъ, во дворикахъ туземнаго жилья стоитъ понурый скотъ, на плоскихъ убогихъ крышахъ сушится зерно . . . надъ всею же картиной безмятежнаго обыденнаго движенія зыбкій прозрачный воздухъ струитъ потоки свѣта.

Площадка украшена флагштокомъ и довольно изящнымъ изваяніемъ Ганеши, вдѣланнаго въ стѣну небольшой кумирни. Слоновый хоботъ покровителя наукъ и ремеслъ уморительно загнутъ. Каменный ликъ дышетъ благодушіемъ. Странная голова, — если всмотрѣться, — положительно не кажется уродливою: скорѣе наоборотъ. Около Пуны, въ маратской землѣ, еще въ нашемъ столѣтіи жило soit-disant воплощеніе этого небожителя, а именно: мальчикъ-перерожденецъ (точь въ точь какъ въ ламайскихъ монастыряхъ!), ревниво охраняемый браминами въ качествѣ избраннаго существа, сверхъестественнаго по самому факту своего рожденія. Ребенокъ зналъ только по санскритски, давалъ аудіенціи именитымъ гостямъ (словно «хутухты» въ Тибетѣ, Монголіи и Пекинѣ!), чтился народомъ

какъ одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи прирожденныхъ «святыхъ». Вотъ до чего додумался и въ чемъ упорствуетъ глубоко языческій Востокъ!

Въ серединѣ нашего столѣтія приступлено было къ уничтоженію безполезныхъ укрѣпленій вокругъ тричинополійскаго утеса, на которомъ когда-то томились въ плѣну многіе французы, которымъ не посчастливилось въ борьбѣ съ англичанами. Правда, въ ряду послѣднихъ находился тогда Клайвъ, одна изъ главныхъ героическихъ фигуръ индо-британскаго прошлаго, и кромѣ того свободному смѣлому почину энергичныхъ людей не ставилось препонъ издали, какъ напр. изъ жившаго интригами королевскаго Парижа, легкомысленно рѣшавшагося развѣнчивать лучшихъ своихъ представителей въ Индіи и даже послать славнѣйшаго за мнимую измѣну на эшафотъ.

Понедѣльникъ, 28 января (9 февраля).

Кромѣ осмотра твердыни, Ихъ Высочества предприняли здѣсь экскурсію на расположенной довольно близко отъ города (верстъ за пять) островъ Шрирангамъ (или Серингамъ), образуемый рѣкой Кавери и рѣкой Колеруномъ. Тамъ все застроено пагодами, все связано съ центрами и предметами культа, скорѣе похоже на разросшійся до гигантскихъ размѣровъ монастырь, чѣмъ на сѣть деревушекъ, сгруппировавшихся вокругъ выдающейся браминской «святыни».

Путь къ ней ведетъ черезъ мостъ значительной величины и густолиственными аллеями слегка бенгальскаго характера. Онѣ вскорѣ приводятъ въ узкую улицу — базаръ. Экипажи проѣзжаютъ его подъ пестрыми башненоподобными воротами (гопурами) съ причудливымъ миѳологическимъ орнаментомъ на кровлѣ и на фасадѣ ихъ этажей. У входа въ черту кумиренныхъ зданій ученые слоны съ разрисованными на лбу эмблемами ихъ принадлежности къ служенію того или инаго небожителя совершаютъ установленный «саламъ» передъ Именитыми посѣтителями, т. е. привѣтствуютъ движеньями хобота и крикомъ точно подавленный трубный гласъ.

Безвкусная живопись (притомъ двусмысленнаго характера!) подъ сводами «гопуръ», которыя мы только-что миновали, — сотни гранитныхъ столбовъ, изваянія какихъ-то всадниковъ съ конями, вставшими на дыбы, и приспѣшниками-копѣйщиками въ борьбѣ съ тиграми, — мертвенная тишина средь цикла гигантскихъ построекъ однороднаго типа съ упомянутыми воротами . . . не безъ разочарованія обходишь районъ этихъ дворовъ, соединенныхъ валами, на которые позволено взбираться по лѣстницамъ: туда, въ предѣлы главнаго небольшаго капища съ позолоченнымъ куполомъ, къ алтарямъ боговъ нѣтъ доступа! Когда тутъ на островѣ кипѣла англо-французская колоніальная распря (при участіи южно-индійскихъ язычниковъ, маратовъ и мусульманъ), когда побѣдныя восклицанія: «vive le roi!» и дробь барабановъ, бившихъ «pas de charge» смѣнялись звуками марша гренадеръ изъ Мадраса и ихъ стремительнымъ натискомъ на врага, — браманисты категорически заявили, что не пропустятъ иновѣрцевъ за внѣшнюю ограду. Нашлись раджпуты, поклявшіеся умереть у порога недосягаемыхъ для смертнаго «святилищъ». Видя попытку европейцевъ всетаки перейдти за нее, одинъ ожесточенный жрецъ бросился на глазахъ у народа съ высоты башенныхъ стѣнъ и убился . . .

Относительно малочисленные въ краю вишнуиты считаютъ себя хозяевами храмовъ, у которыхъ мы находимся. Самое названіе этой группы и мѣстечка окрестъ проистекаетъ, по мнѣнію оріенталистовъ, отъ словъ «Шри» («божественная»), — какъ принято величать богиню любви Лакшми, супругу Вишну, — и «рангамъ» («пляска»). Чѣмъ другимъ и

ТРИЧИНОПОЛІЙСКІЙ УТЕСЪ.

гдѣ въ дѣйствительности тѣшиться имъ, — блаженной четѣ свѣтлыхъ небожителей, спустившихся на землю, — если не на благочестивомъ тричнинополійскомъ островѣ, затонувшемъ въ зелени и нѣгѣ? Отсюда, въ свою очередь, выходили новые вѣщіе учители народа, какъ напр. Рамануджа Ачарія въ XI—XII столѣтіи, обожаемый до сихъ поръ въ качествѣ воплощенія миѳической змѣи Сеша, на которой «богъ свѣта» отдыхалъ среди первозданнаго океана.

Хранители «имущества кумировъ» — а они непомѣрно богаты! — показываютъ его Августѣйшимъ путешественникамъ. На особыхъ столахъ, подъ навѣсомъ-шатромъ, разложены сверкающія повязки и запястья изъ плохо отшлифованныхъ алмазовъ, изумрудовъ и рубиновъ. Наручники, кольца и обувь «незримыхъ боговъ» блещутъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Громадные сосуды изъ благороднѣйшаго металла, такія же замѣчательныя по тонкости цѣпи, старинныя монеты, — вотъ, пожалуй, и весь перечень кладовъ Вишну... Принцъ Уэльскій, посѣщая Шрирангамъ, подарилъ жречеству 500 рупій.

Нашъ знаменитѣйшій коронный брильянтъ, пріобрѣтенный при Екатеринѣ Великой, нѣкогда будто-бы таился въ здѣшнихъ кумирняхъ, занимающихъ по размѣрамъ и числу едва-ли не первое мѣсто среди южной Индіи. Массивнѣйшія сооруженія почти цѣликомъ относятся къ прошлому столѣтію, создавались и нагромождены отчасти въ хаотическомъ безпорядкѣ, отнюдь не производятъ гармоничнаго впечатлѣнія. Необузданная фантазія дравидскихъ зодчихъ и ваятелей проявила въ нормальномъ напряженіи такую же болѣзненно-жгучую силу творчества, какъ мозгъ опасно занемогшаго европейца, мечущагося въ лихорадочномъ бреду.

Вечеромъ, непосредственно передъ отъѣздомъ изъ Тричинополи, Ихъ Высочества любовались иллюминаціей городскаго утеса и прилегающаго къ его подножью водоема, по которому скользили и вертѣлись лодочки мѣстныхъ пиротехниковъ. Зажженъ былъ цѣлый грандіозный фейерверкъ. Твердыня озарилась мерцающими гирляндами огней. Снопы измѣнчиваго свѣта (зеленые, синіе, оранжевые) вспыхивали вдоль ея каменныхъ безформенныхъ глыбъ и словно падали на воду внизу. Мы стояли на площадкѣ вродѣ крыши какого-то зданія надъ сосѣдней набережной, въ двухъ шагахъ отъ фантастически освѣщеннаго озера-пруда, трепещущаго темно-серебристою поверхностью.

Вторникъ, 29 января (10 февраля).

Жаркое утро. Мадура. Опять придѣлы другаго замкнутаго чертога боговъ. Опять уродливыя «баядерки храма», посыпающія цвѣтами стезю Августѣйшихъ путешественниковъ...

Первенствующіе брамины ведутъ насъ сумрачными галлереями, по гладко отполированнымъ плитамъ, мимо нескончаемой вереницы разнообразныхъ второстепенныхъ идоловъ, съ застывшей улыбкой на гранитномъ челѣ, или же легендарныхъ тварей. Не пора-ли кстати сказать, что̀ такое, — по всей вѣроятности, — скрыто за таинственными боковыми дверями и зіяющими мракомъ корридорами, куда нельзя никому ступить?.. Предупреждаю: это будетъ довольно неопредѣленно и прозаично.

Кумиры, обожествляемые взаперти или точнѣе въ глубинѣ капища, въ отличіе отъ изваянныхъ смертными художниками, считаются самосоздавшимися и одаренными особою жизнью; поэтому они окружаются царственными почестями, подобающею столь дивнымъ воплощеніямъ обстановкою, наконецъ заботливѣйшимъ уходомъ. Боги-куклы содержатся

въ тѣсномъ глухомъ пространствѣ, — вродѣ того, что мы видѣли въ обнаженномъ для иновѣрныхъ взоровъ когда-то тоже замкнутомъ Элфу. Египетъ имѣетъ съ Индіей немало общихъ чертъ въ пониманіи вопросовъ культа. Тамъ толпы молились какой-нибудь почти всегда невидимой твари (напр. быку, крокодилу), долженствовавшей олицетворять того или другаго небожителя: здѣсь предметъ поклоненія даже менѣе сложенъ. Онъ по ночамъ кладется на драгоцѣнное ложе, на зарѣ омывается и заворачивается въ дорогія ткани, передъ нимъ ставятъ угощеніе изъ пряностей и другія яства, потомъ распредѣляющіяся

ВЪ КАПИЩѢ МАДУРЫ.

среди богатыхъ вѣрующихъ. Натертый душистыми смолами, онъ то сидитъ въ позѣ благодушествующаго человѣка, то снова опускается для отдыха на постель, то пробуждается музыкою, и т. д. Такъ тянутся дни, мѣсяцы, года, — народу же все это безразлично: онъ жаждетъ чудеснаго, знать не хочетъ реальнаго положенія вещей, во мглѣ далекихъ куреній въ честь идола силится подглядѣть и запомнить его трудно уловимыя черты.

Когда обходишь капище Мадуры, мало-по-малу начинаешь понимать, почему основанная здѣсь двѣсти лѣтъ тому назадъ католическая миссія вскорѣ стала притчей во языцѣхъ и возбудила жестокія нареканія со стороны правовѣрно мыслящихъ и строгихъ духовныхъ сферъ Запада. Почва, на которой ей приходилось дѣйствовать и творить, въ сущности представлялась до такой степени неподходящей, но въ то же время много

обѣщающей, что ревнители Истины по неволѣ увлекались идеей массоваго обращенія набожныхъ индусовъ въ христіанство, по неволѣ сживались съ этой довольно симпатичной средою простодушныхъ приверженцевъ необъятнаго языческаго пантеона, по неволѣ въ угоду ихъ вѣрованіямъ шли на извѣстнаго рода уступки: хотя бы ради сближенія съ туземцами въ духѣ любви высшаго порядка! Тотъ, кто здѣсь первый сталъ работать въ такомъ именно направленіи — Робертъ-де-Нобилибусъ былъ родственникомъ одного папы, племянникомъ могущественнаго кардинала Белярмина, пламеннымъ носителемъ и выразителемъ миссіонерскихъ взглядовъ примирительнаго характера. Онъ отправился въ Мадуру съ затаенными цѣлями бороться противъ браминовъ ихъ же орудіемъ, пустилъ о себѣ слухъ, что онъ — великій созерцатель и аскетъ, постепенно достигнулъ значительной извѣстности въ глазахъ суевѣрнаго населенія и, вникая въ сложныя подробности туземной обрядности, твердо освоившись съ мѣстною рѣчью и санскритомъ, объявилъ себя «свя-

СТѢНОПИСЬ МАДУРСКАГО ХРАМА.

тымъ», чѣмъ-то вродѣ воплощенія Шивы, чародѣемъ и учителемъ народа. Населеніе округа охотно, по-дѣтски повѣрило пришельцу; число его адептовъ стало рости и рости, увеличилось до милліона душъ; возникла такъ-сказать лишняя секта, которую оставалось только искусственно направлять по желанному пути. Іезуиты — помощники мнимаго брамина-реформатора убѣжденно взялись за мастерскую поддѣлку квази-дополнительной Веды и за составленіе цѣлыхъ мистерій въ стихахъ на тамильскомъ языкѣ, чтобы глубже воздѣйствовать на мадурцевъ. Мѣстный царь Тирумала (1623—1659) поколебался въ своихъ вѣрованіяхъ, видя религіозный экстазъ странныхъ подвижниковъ новаго типа, и даже пересталъ вдругъ радѣть объ украшеніи и расширеніи кумирень. Тогда жречество поднялось на защиту попираемыхъ правъ браманизма, завлекло махараджу въ тайники храма и уморило голодной смертью, затѣмъ пошло гоненіемъ на католиковъ. Параллельно съ тѣмъ ихъ духовнаго вождя за ересь и отпаденіе отъ Церкви осудилъ Ватиканъ.

Но напасть, — обрушившаяся на индо-христіанскую, по міросозерцанію черезчуръ колоритную общину, — лишь усугубила ея значеніе. Отцы-миссіонеры до тонкости

изучили туземный языкъ, облеклись въ «желтую» одежду, посыпали себѣ чело пепломъ сандальнаго дерева, стали соблюдать строжайшій постъ (воду, рисъ и горькія травы), вмѣнили себѣ въ обязанность молчаніе и нищету. До сихъ поръ, хотя пріемы обращенія далеко не столь грубо практичны какъ прежде, число славословящихъ Папу крайне велико въ консервативной южной Индіи, гдѣ однако вишнуиты и шиваиты относительно составляютъ гораздо болѣе компактную и непроницаемую массу чѣмъ на сѣверѣ, куда въ языческій міръ острымъ клиномъ врѣзался монотеизмъ ислама.

Бѣлые и зеленые, розовые и красные попугаи, — согласно обычаю на счастье содержимые въ одной изъ внутреннихъ оградъ капища, — монотонно выкрикиваютъ намъ на встрѣчу имена языческихъ боговъ и безучастно косятся на мимо идущихъ. Галлерея, которою насъ ведутъ, огибаетъ внутренній храмовой водоемъ (Патрамараи, т. е. «прудъ золотыхъ лилій») со «священною» мутно-зеленою влагой. При немъ — часовенка, созданіе мѣстной красавицы-царицы Мангаммалъ, которую въ 1706 г. ея собственные подданные приговорили къ мучительной смерти за преступную любовь къ молодому брамину. Жертву утонченными пріемами довели до страшной агоніи; лишая несчастную пищи, послѣднюю нарочно ставили на виду у нея и давали ей безпрестанно обонять запахъ вкусныхъ блюдъ . . . .

Стѣна по сторонамъ отъ насъ изукрашена живописными изображеніями важнѣйшихъ пагодъ страны: надо замѣтить, что мадурская принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ, такъ какъ сконцентрированный при ней городъ издавна (задолго до Р. Хр.) служилъ столицей могущественнаго рода Пандіевъ, занимавшихъ въ старину едва-ли не первое мѣсто въ краю дравидянъ. Греческіе писатели уже правильно опредѣляютъ географическое положеніе и самый фактъ существованія этой династіи. Легендарныя туземныя лѣтописи любопытны въ то же время звучными именами ея представителей, а еще болѣе ихъ странными прозвищами, между которыми встрѣчаются напр. такія: «имѣющій стопу Шивы головнымъ уборомъ» (!), «солнце царей», «тигръ среди правителей», «закованный въ доблесть», «шестиликій государь», т. е. одно изъ воплощеній «грознаго бога», «левъ, похожій на оружіе громовника» (!) и т. п. Раньше всѣхъ смертныхъ въ Мадурѣ (отъ «маду»: сладкій, медовый) владычествовалъ Шива, окропившій городскія зданія «медвяной» росою со своихъ волосъ. Онъ совершалъ здѣсь чудо за чудомъ. Дѣянія бога вспоминаются потомками воспроизведеніемъ на гопурахъ: говорятъ, между ними по близости есть одна, гдѣ изваяно сказаніе, — какъ нѣкіе 12 братьевъ обращены были въ поросятъ за издѣвательство надъ какимъ-то великимъ факиромъ и какъ Шива затѣмъ обратился въ свинью, чтобы накормить ихъ и вернуть имъ человѣческія тѣла, но со свиными рылами . . . .

Чѣмъ дольше всматриваешься или вслушиваешься въ эту странную повѣсть о какомъ-то особомъ мірѣ, куда мы не въ состояніи проникать своими помыслами и чувствами, — тѣмъ томительнѣе онъ давитъ громадою башенныхъ стѣнъ съ кривляющимися рожами въ качествѣ сложнаго орнамента, однозвучностью мрачныхъ колоннадъ, наконецъ бездушною отчетливостью гранитныхъ кумировъ безъ счета и названія... Символическія животныя (яли) съ подобіями хоботовъ, долженствующія изображать звѣрей — полульвовъ, чередуются со статуями героевъ Панду изъ дико-величественнаго эпоса почти доисторической Индіи съ ея разнороднѣйшими этно-психологическими наслоеніями: у богатыря Арджуны въ рукахъ — его знаменитый лукъ, у непомѣрно сильнаго Бхимы — палица, и т. д. Вотъ они эти братья — борцы за свой удѣлъ у нынѣшняго Дэли, мнимые зиждители части эллорскихъ пещеръ, общіе мужья нѣжной царевны Драупади (въ ту эпоху многомужество было въ обычаѣ даже среди арійцевъ Индостана!), — осѣненные

лучами нелгущаго, хотя и смутнаго преданія олицетворенія туземныхъ традицій, симпатій, идеаловъ! Что̀ за время было, когда они возникали! Эти прославляемые народомъ полубоги, подобно Дургѣ, пили послѣ удачнаго боя кровь враговъ!..

Въ сѣрый гранитъ ниши одного сумрачнаго коридора вдѣлана мѣдная дверь: она заперта наглухо, и за нею невольно ищешь воображеніемъ чего-нибудь таинственнаго. Тусклыя лампады свѣтятся мѣстами, въ недоступныхъ переходахъ капищнаго лабиринта, вдали, — гдѣ беззвучно рѣютъ однѣ летучія мыши. Мы медленно движемся среди окружающей тишины и молчанія. Здѣсь выростаютъ изъ камня темные силуэты бога войны, Ганеши или Лакшми, — тамъ видны полустертыя краски на потолкѣ, — вотъ старинная стѣнопись о бытѣ раджей, вотъ изваянія со слѣдами разрушенія отъ вандальской руки, вотъ каменное изображеніе змѣи съ головой человѣка... Брамины поясняютъ, что кромѣ Шивы тутъ въ Мадурѣ особенно чтится его супруга — Минакши, дочь бога богатствъ Куверы, т. е. собственно «рыбоокая» богиня (отъ «мина», рыба и «акши», око). Есть также особая часовня въ честь «святѣйшихъ» индійскихъ мудрецовъ (риши).

Пока мы еще находимся среди изрядно надоѣвшихъ статуй въ одной изъ главныхъ залъ храма, — статуй съ неестественными формами тѣла, съ черезчуръ заостренными чертами лица, и тонкими закрученными усами, — жрецы начинаютъ раскладывать свои сокровища передъ Августѣйшими посѣтителями: ожерелья, тяжеловѣсные золотые нагрудники, головные уборы, серьги, — птичекъ и бабочекъ изъ сапфировъ, рубиновъ, изумрудовъ, жемчуговъ... Говорятъ, будто настоящее несмѣтное имущество кумировъ скрыли однажды въ подземельяхъ, при нашествіи мусульманъ въ средніе вѣка. Враги разрушили бо̀льшую часть построекъ, зарѣзали хранителей тайны, гдѣ — заповѣдный кладъ; однако его не достали, и онъ до сихъ поръ лежитъ тамъ, во順 мракѣ невѣдомыхъ склеповъ, тѣша взоры снисходящихъ туда небожителей. Въ столбахъ одной галлереи тутъ существуютъ шары, вырѣзанные изъ общей глыбы: ихъ можно вертѣть, слегка опускать и приподнимать; но нельзя вынуть, какъ и погребенную казну мадурскихъ шивантовъ...

Мы проходимъ ближе къ выходу и гопурамъ: лавочки мѣнялъ, группы расположившихся по-семейному богомольцевъ издалека, лотки торгашей съ разнородными мѣстными произведеніями, неуклюжія повозки для торжественнаго передвиженія кумировъ въ праздничные дни! Послѣднія, — видѣнныя, впрочемъ, нами и ранѣе на островѣ Шрирангамъ, — привлекаютъ вниманіе не только оригинальной фигурной рѣзьбой надъ огромными колесами и символическими крылатыми конями спереди, но и своимъ религіознымъ значеніемъ, олицетворяя въ нѣкоторомъ родѣ живую силу вселенной, надъ которой возсѣдаютъ и какъ-бы парятъ вседовольные небожители. Дабы прогулять иногда городомъ, на радость вѣрующимъ, засидѣвшихся въ одиночествѣ сокровеннѣйшихъ боговъ, — тысячи людей впрягаются въ диковинныя колесницы, уже одинъ орнаментъ которыхъ причудливыми сочетаніями тварей и человѣческихъ существъ словно долженъ свидѣтельствовать о взаимодѣйствіи противоположнѣйшихъ міровыхъ началъ. Немудрено, если въ давкѣ случаются тяжелыя паденія и увѣчья со смертельнымъ исходомъ. Индусы не изъ фанатизма, какъ принято думать у насъ, бросаются подъ «священную» медленно везомую громаду: просто-напросто иные изъ тянущихъ разукрашенную чудовищную повозку въ экстазѣ совершаемаго подвига теряютъ самообладаніе и, уставъ, не имѣютъ возможности во время отойдти отъ вращающихся колесъ, которыя совсѣмъ не предназначены быть какимъ-то орудіемъ разрушенья.

Не такъ давно, когда почему-нибудь не хватало рукъ для катанья кумировъ изъ пагодъ, власти не стѣснялись наряжать съ этой цѣлью даже туземцевъ-христіанъ; но

трудно предположить, зная набожность народа, чтобы въ ихъ подмогѣ часто встрѣчалась потребность.

Обычай показывать массѣ «красу алтарей», по мнѣнію оріенталистовъ, — чисто буддійскаго происхожденія и унаслѣдованъ въ Индіи отъ послѣдователей ученія Шакья-Муни. Дѣйствительно, въ ламайскихъ земляхъ принято напр. въ извѣстные дни года (въ Забайкальѣ — лѣтомъ, во славу Майдари, грядущаго Будды) точно также передвигать «бурхановъ» (боговъ) на телѣжкахъ, со впряженными въ нихъ для виду деревянными лошадками. Въ первые вѣка нашей эры буддійскіе пилигриммы изъ Китая видѣли уже въ Хотанѣ процессіи съ кумиромъ «бога-учителя» среди изображеній Брамы и Индры.

ДВОРЕЦЪ ТИРУМАЛА.

Кромѣ колесницъ намъ бросаются въ глаза: золотыя носилки кумировъ, окованныя серебряными пластинками изображенія быка (Нанди), гуся или лебедя Брамы (Ханза) и т. п.

Десять утра: мы и то уже очень долго пробыли въ капищѣ Мадуры! Провожая Августѣйшихъ путешественниковъ къ экипажамъ у «Swami Sannadi Gate», первенствующій жрецъ (плотный старикъ съ плутоватой улыбкой) произноситъ маленькую рѣчь о возможной дружбѣ между Россіей и Британіей въ предѣлахъ Азіи. Среди воцаряющагося зноя, скользя разсѣянымъ взоромъ по толпѣ тамильцевъ у

пестрящихъ вычурными изображеніями воротъ, — мало отдаешь себѣ отчета, почему это здѣсь какъ-то некстати говорится . . . Кирпичнаго цвѣта мужчины съ четками на шеѣ и кольцами на голыхъ ногахъ, — оранжевая краска на лицѣ и безобразно удлиненныя серьгами уши у довольно-таки некрасивыхъ женщинъ, — заслоняющія небо башни съ избыткомъ лѣпныхъ узоровъ . . . и вдругъ напоминаніе о теченіи европейской политической жизни въ узкихъ рамкахъ нашего крайне условнаго міропониманія! До чего этихъ бѣдныхъ туземцевъ портитъ чтеніе нервныхъ англійскихъ газетъ.

Ихъ Высочества направляются черезъ улицы Авани Мулай и Венгалакадай по прекрасно шоссированной дорогѣ на югъ, къ такъ-называемому «Teppakulam Bungalow», — къ дачѣ коллектора съ приготовленнымъ для Именитыхъ Гостей временнымъ помѣщеніемъ до вечера и разбитыми около нея палатками для свиты. Домъ стоитъ, — собственно за чертой города, — на небольшой насыпи, подлѣ искусственно возникшаго водоема весьма значительныхъ размѣровъ, среди котораго на островкѣ бѣлѣетъ въ оправѣ листвы изящная по стилю языческая кумирня. Создателемъ обоихъ сооруженій является царь Тирумала. Нашъ художникъ-акварелистъ Гриценко садится на берегу срисовать пагоду для «Парижскаго Салона».

Въ половинѣ пятаго Августѣйшіе путешественники ѣдутъ по «Ramnad and Sandapettai road» во дворецъ, гдѣ нѣкогда владычествовали «наики» (отъ санскритскаго nayaka — вождь). Его недавно реставрировали, насколько это признается полезнымъ, съ цѣлью помѣстить въ немъ присутствія коллектора и окружнаго судьи съ инженеромъ.

Мадура съ ближайшей окрестностью производитъ отрадное впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ. До англійскаго непосредственнаго вліянія на нее она, напротивъ, отличалась антисанитарными качествами, — тѣмъ болѣе что вокругъ нея разстилался джонгль съ міазмической почвой. Приходъ европейцевъ быстро все измѣнилъ къ лучшему. Широкія улицы, водопроводы, аллеи городскихъ предмѣстій явились на смѣну неприглядной дѣйствительности, уживавшейся тутъ наряду съ царскими архитектурно-величавыми чертогами и богатѣйшими по убранству капищами.

Дворецъ, куда въ данную минуту прибыли Ихъ Высочества, составлялъ нѣкогда гордость южно-индійскаго властелина (Maha Raja Manya Raja Shri Tirumala Sevari Nayani Ayyalu Garu). Особенно хороши углы колоссальнаго дурбарнаго зала (въ квази-готическомъ стилѣ) съ изображеніями фантастическихъ существъ, парящихъ надъ нимъ.

Если подняться наверхъ — на галлерею съ окнами, огибающую зданіе, и выйдти на терассы крыши, — снова видишь тѣснящуюся внизу массу зрителей-туземцевъ, которые, несмотря на дождь, его опоясываютъ.

Сегодня кончается путешествіе по Индіи, въ связи съ осмотромъ ея достопримѣчательностей. Разставаться съ ней какъ-то грустно, — грустнѣе чѣмъ съ чуднымъ Египтомъ: правда, вѣдь и пробыли мы въ ней цѣлыхъ семь недѣль, представляющихъ почти одинаковый глубокій интересъ въ области нашего невольнаго сближенія съ могучимъ Востокомъ!

Не знаю почему, но край Будды и Акбара положительно производилъ и производитъ на каждаго пришельца съ Запада неотразимо-властное впечатлѣніе. Тѣмъ сильнѣе этотъ важнѣйшій полуостровъ Азіи долженъ воздѣйствовать на воображеніе и на всю сферу помысловъ и чувствъ современнаго русскаго человѣка, сознательно всматривающагося въ ходъ событій на родныхъ окраинахъ, проходящихъ теперь черезъ такой же точно фазисъ развитія, какой переживали напр. въ XVII в. крѣпнувшіе подъ скипетромъ Москвы порубежные сторожевые города на югѣ и за Ураломъ, олицетворявшіе собой продолженіе

славныхъ дней Іоанна IV, т. е. наступающую въ избыткѣ молодыхъ силъ и духовно подчинившую себѣ многіе инородческіе элементы единодержавную Русь. Въ ту пору Посольскій Приказъ не слѣдилъ за восточной политикой по даннымъ и по масштабу «нѣмецкихъ людей англинскихъ и ѳрянцовскихъ», а понималъ и защищалъ наши государственные интересы на тюркско-монгольскихъ границахъ, какъ понимаетъ и защищаетъ тамъ эти интересы поднесь любой казакъ, простой солдатъ, мужичекъ-старожилъ или переселенецъ.

Кто у насъ теперь изъ тысячи образованныхъ знаетъ и такъ-сказать видитъ цѣнныя стороны тогдашняго патріотизма и безхитростнаго взгляда на вещи?

Исторія московскихъ сношеній съ дальнимъ юго-востокомъ еще сравнительно мало обслѣдована; но за то что̀ за прелестью слога вѣетъ отъ наказовъ посламъ, отъ «статейныхъ списковъ» той дорогой намъ эпохи! Беру наугадъ хотя-бы 1675 годъ, когда отъ Великаго Государя изъ Бѣлокаменной послана была «къ индѣйскому шаху грамота рускимъ письмомъ за государственною большею печатью, да въ запасъ съ той Великаго Государя грамоты списки полатыне да по-татарски, оба списка за тою же большею печатью а посланы тѣ списки въ запасъ, буде въ Индіи руского письма перевесть нѣкому и тѣ грамоты для подлинннаго выразумѣнья отдать». Снарядили съ ними астраханца «Маметь Исупа Касимова». Наши подданные татары могли и должны были, само собой разумѣется, съ точки зрѣнія правительства, служить орудіемъ вліянія на Востокъ.

ОРНАМЕНТЪ ВЪ МАДУРСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Задолго до того, что первый англичанинъ Ѳома Коріатъ, полоумный скиталецъ, пробрался въ Индостанъ съ цѣлью покататься на слонѣ, — тверской гость Аѳанасій Никитинъ ходилъ туда же «за три моря» въ 1466—1472 гг. Ему подобныхъ навѣрно можно-бы насчитать немало, но мы всегда считали Азію чѣмъ-то хотя и басурманскимъ, а тѣмъ не менѣе роднымъ и своимъ, недостаточно достойнымъ упоминанія и описанія. Для европейца въ означенный періодъ посѣтить смежный населеннѣйшій материкъ значило открыть себѣ и соотечественникамъ новый міръ: для русскаго это представляло просто передвиженіе въ предѣлахъ непризнающей границъ досконально ему извѣстной Скиѳіи. Оттого-то и звучитъ нашему слуху привычно всякое повѣствованіе «о ссылкахъ» съ разными

ханами и шахами «съ поминки и великимъ челобитьемъ о любви». Купцы «изъ Бухаръ и Шармахани» (Самарканда) тогда уже являлись къ намъ непринужденно и естественно, словно и теперь по Закаспійской желѣзной дорогѣ, — а вѣдь этотъ людъ свободно перекидывался съ Волги «за грань отъ Индѣй» — въ царство Тамерлановыхъ внуковъ!

Съ упомянутымъ Касимовымъ ѣздилъ туда же (оба однако не добрались до цѣли по капризу Аурангзеба) татаринъ Аллабердѣй Топорковъ.

Послу предписывалось: «какъ пріѣдетъ въ первой Индѣйской городъ, говорити того города владѣтелю, что посланъ онъ отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя, къ Великому Государю ихъ Шахъ-Эвреинъ-Зепову Величеству въ посланникахъ о ихъ государскихъ надобныхъ дѣлахъ, а съ нимъ посланы отъ Великаго Гѻсударя, всея Росіи самодержца къ Эвреинъ-Зепъ Шахову Величеству грамоты о дружбѣ и о любви и о иныхъ государскихъ добрыхъ дѣлѣхъ». Въ подарокъ послѣднему Москва слала соболей, зеркала подъ слюдою и т. п. «любительные легкіе поминки».

Кромѣ торговыхъ комбинацій и наказа «видѣти здоровье индѣйскаго величества», у монарха въ стѣнахъ Бѣлокаменной существовали еще и другія соображенія, обусловливаемыя христіанскимъ человѣколюбивымъ настроеніемъ. Поручить заботу о нихъ иноплеменникамъ-мусульманамъ даже въ то строго-православное время ничуть не мнилось безполезнымъ или предосудительнымъ. Бѣлый Царь повелѣвалъ, — и этого было достаточно! . . . «И есть ли въ Индѣйскомъ государствѣ есть русской породы полоняники, и объ нихъ потомужь договариватся, чтобъ Государь ихъ Шахово Величество къ Великому Государю къ его Царскому Величеству оказалъ тѣмъ дружбу свою и любовь всѣхъ Руского полону людей изъ государства своего велѣлъ Царского Величества въ Російское государство отпустить безъ окупу, и впредь Руского народа людей къ своей вѣрѣ неволею принуждати заказалъ. А Великій Государь его Царское Величество подданныхъ Государя ихъ, которые обыщутся въ Россійскомъ государствѣ, а похотятъ ѣхать въ свое государство, и ихъ такожде безъ окупу въ Индѣйское государство отпустить повелитъ, и къ вѣрѣ имъ никакова принужденія чинить закажетъ». Еще при Екатеринѣ II академикъ Палласъ, изучавшій этнографію Россіи, отмѣчаетъ въ Астрахани присутствіе многочисленныхъ индусовъ (мультанцевъ) съ формами культа Кришны. Въ свою очередь извѣстно, что при дворѣ Моголовъ цѣнились русскія полонянки. Сколько дѣтей въ Дэли и въ Агрѣ, можетъ быть, засыпали на рукахъ у нянекъ — подъ грустный напѣвъ, дышавшій тоскою о далекой Руси! Охрана тамошнихъ гаремовъ состояла изъ вооруженныхъ калмычекъ и татарокъ, сестеръ по горькой долѣ и по родному Сѣверу нашимъ исторически забытымъ соотечественницамъ . . . Любимая жена фанатично настроеннаго Аурангзеба была православная грузинка!

Среда, 30 января (11 февраля).

Вчера вечеромъ Августѣйшіе путешественники на прощанье любовались съ кровли «Teppakulam Bungalow» красивой иллюминаціей сосѣдняго озера-пруда. Его вообще принято освѣщать иногда самымъ блистательнымъ образомъ во славу кумировъ, которыхъ сюда для визита привозятъ изъ центральнаго капища въ маленькую пагоду на островкѣ. Сто тысячъ огоньковъ воспламеняется по этому случаю на водѣ и на берегу. Идоловъ переправляютъ отъ пристани къ пристани на особомъ плоту (teppam) изъ-за чего и водоемъ

получилъ названіе, — баядерки вьются передъ ними въ медлительной пляскѣ, народъ же наслаждается зрѣлищемъ и благоговѣетъ . . .

Сегодня утромъ мы — уже въ Тутикоринѣ, гдѣ Е. И. Высочество ожидаютъ «Азовъ» съ «Мономахомъ». Городокъ, составляющій конечную точку южно-индійской желѣзной дороги отъ Мадраса, прежде славился необыкновенно удачными и доходными ловлями жемчуга и кромѣ того былъ однимъ изъ главныхъ центровъ дѣятельности самоотверженнаго іезуита-миссіонера (St. François Xavier, наваркаго дворянина — современника Лойолы), пренебрегшаго земными благами и профессурой въ Парижѣ, чтобы всецѣло посвятить себя проповѣди среди язычниковъ, врачеванію больныхъ, уходу за сиротами, общенію съ нищими и паріями. Позванивая сере-

брянымъ колокольчикомъ, въ черной суконной шляпѣ, поношенномъ платьѣ, босикомъ — онъ съ лаской обходилъ селенія туземцевъ, поражая ихъ благородной осанкой и кроткимъ блескомъ своихъ задумчивыхъ голубыхъ очей. Великій Ксавье спалъ не иначе какъ на голой землѣ, подложивъ подъ голову камень, — питался подаяніемъ, довольствуясь рисомъ, — однимъ словомъ, велъ въ глазахъ народа жизнь истиннаго факира: подобно подвижникамъ высшаго порядка, подобно поправшимъ плоть чудотворцамъ-махатмамъ, на которыхъ издревле съ вѣрою смотритъ и молится индусъ.

На тутикоринской станціи, декорированной зеленью и фруктами (уже совсѣмъ на тропическій ладъ!), Наслѣдникъ Цесаревичъ встрѣченъ адмираломъ Басаргинымъ и представителями мѣстной англійской власти. Послѣ чая на вокзалѣ, Августѣйшіе путешественники въ коляскѣ отправляются къ морю, гдѣ далеко на рейдѣ выдѣляются силуэты

двухъ нашихъ военныхъ судовъ и британскаго корвета «Turquoise»: за крайнимъ мелководьемъ имъ нельзя было подойдти ближе какъ на 10—12 верстъ.

Океанъ дышетъ неровною зыбью. Паровые и гребные катера съ «Азова» и «Мономаха» не безъ сильнаго напряженія должны поработать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ надъ переправой и перегрузкой багажа. Грохотъ салютовъ чередуется съ мощнымъ плескомъ волненія. Послѣднее до того своевольно, что Ихъ Высочества поднимаются къ себѣ на фрегатъ по лѣвому трапу: со стороны, сравнительно защищенной отъ вѣтра.

Сопровождать далѣе — на Цейлонъ — приглашены Великимъ Княземъ: М. К. Ону, полковникъ Джерардъ и Мэкензи Уоллесъ съ Хардингомъ. Мусульманинъ (мунши Азизъ-уддинъ) заболѣлъ въ Тричинополи холериной и отсталъ. Капитанъ Гроверъ и поручикъ Ньюнхэмъ пріѣхали проститься на «Память Азова». Кажется, съ ними рѣшено отправить на сѣверъ богатый подарокъ королевскому драгунскому полку въ Матурѣ (въ спискахъ его числится извѣстный изслѣдователь Центральной Азіи — Іонгхесбандъ) и весьма замѣтному въ англоиндійской боевой лѣтописи лэкноусскому «16 Lancers», въ офицерскомъ собраніи коихъ Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоилъ принять обѣдъ.

Низкій песчаный берегъ тонетъ въ отдаленьи. Прибой продолжаетъ бѣлѣть и дробиться надъ довольно обширнымъ пространствомъ, усѣяннымъ мелями, гдѣ находятся знаменитыя устричныя банки съ жемчугомъ, плѣнявшимъ египтянъ и пышный цесарскій Римъ, куда по части этихъ драгоцѣнностей доставлялись положительно уники цѣлаго міра: въ «вѣчномъ городѣ» было тогда въ обычаѣ щедро украшать жемчужинами не только одежды женщинъ и мужчинъ, но алтари и самихъ боговъ, бранныя колесницы, оружіе и т. п.

Время за полдень. Суда скоро снимутся съ якоря. На «Азовѣ» поднятъ сигналъ: «Наслѣдникъ Цесаревичъ благодаритъ фрегатъ Владиміръ Мономахъ за подъемъ миноносокъ».

ЦЕЙЛОНЪ.

Объ англійской Индіи на Западѣ долго господствовали и до сихъ поръ держатся несомнѣнно односторонніе и оптимистическіе взгляды путешественниковъ, являвшихся туда въ качествѣ беззаботныхъ туристовъ, которыхъ при малѣйшей рекомендаціи радушно встрѣчалъ хлѣбосолъ-колонизаторъ и которые eo ipso почти невольно проникались постепенно мыслями и чувствами гостепріимныхъ хозяевъ. На материкѣ Европы общественное сознаніе видимо не реализировало того простаго факта, что неестественное усиленіе одного морскаго государства — на счетъ остальныхъ болѣе континенталныхъ и на счетъ безотвѣтнаго Востока — во-первыхъ анормально, а во-вторыхъ эфемерно; ибо земля тяготѣетъ къ землѣ и опытомъ доказано, поскольку непроизводительна роль Карѳагена, когда на свѣтѣ есть римскіе легіонеры. Только такимъ непониманіемъ положенія вещей объясняется, почему напр. въ сороковыхъ годахъ принцъ Вальдемаръ Прусскій (братъ тогдашней королевы Маріи Баварской) отправился изъ Тріеста воевать подъ британскими знаменами со свободолюбивымъ царствомъ сикховъ. Уже ранѣе того, впрочемъ, прусскій капитанъ фонъ-Орлихъ участвовалъ въ несправедливомъ походѣ 1842 г. на Афганистанъ! Бѣдная Азія, когда же тебя христіанскіе народы Запада признаютъ равноправной и достойной вполнѣ человѣческаго отношенія?

Наши фрегаты рѣжутъ спокойную поверхность океана на пути въ Коломбо. Убаюкивающая слухъ и зрѣнье тихая жалоба потревоженныхъ водъ будитъ въ душѣ вереницу нетлѣнныхъ впечатлѣній изъ яркаго прошедшаго. Природа Индіи вспоминается сначала какъ-то живѣе культурныхъ образовъ и памятниковъ съ глубокимъ значеніемъ . . .

. . . . Предвечернія минуты на равнинахъ Пэнджаба. Въ легкомъ туманѣ серебрятся Гималаи. Небо обратилось въ расплавленную массу золота. Облака рдѣютъ рубинами. Отъ темнаго пурпура до нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ розоваго цвѣта трепещетъ твердь. Если бы ихъ согласно дѣйствительности и непосредственно могъ воспроизвести художникъ, — ему бы не повѣрили, его бы сочли за сумасброднаго импрессіониста. Но вѣдь въ Индіи зачастую видишь въ моментъ заката, какъ изсиня-зеленый лучъ бьетъ съ горизонта отъ

багровой полосы, гдѣ только-что скрылось солнце?! Тамъ все — контрастъ, все — нераздѣлимая амальгама.

О чемъ ни задумаешься изъ осмотрѣннаго на исчезнувшемъ за далью материкѣ, каждая подробность облечена въ новую обаятельную форму, эстетически закончена и невыразимо симпатична. Недаромъ, — правда, по моему крайнему разумѣнью, — между покинутой сегодня страной и нашей Скиѳіей такъ много родственныхъ чертъ, психическаго единства, неуловимыхъ на первый взглядъ аналогій.

ПРИРОДА ЦЕЙЛОНА.

Разобраться въ столь благодарномъ и непочатомъ матеріалѣ — задача, надѣюсь, близкаго будущаго. Пока же достаточно намѣтить связь, подыскать ей подходящее объясненіе, принять ее за лишнее неоспоримо-вѣское доказательство, чѣмъ мы являемся даже для сравнительно отдаленныхъ частей Азіи, а онѣ vice versa для насъ. Когда кропотливыми филологическими умствованіями пытаются установить братство англо-саксонской расы съ арійскими элементами Индіи, это — сентиментальная фикція: если же заговорить объ узахъ, исторически и этнографически скрѣплявшихъ русскій народъ съ Ирано-Тураномъ (отъ Каспія до Ганга и Деккана), то вопросъ совершенно правильно и законно обоснованъ минувшей и настоящей жизнью земель, о которыхъ собственно идетъ рѣчь.

И въ мелочахъ сказывается общность внутренняго характера! Наши слова «шуба», «шугай» тождественны съ наименованіемъ сколько-нибудь соотвѣтствующей одежды въ

сѣверо-западной Индіи. И тамъ, и на Руси одинаково принято было у многихъ мужчинъ, по суевѣрнымъ побужденіямъ, носить серьгу и т. д. и т. д. А развѣ мало точекъ соприкосновенія въ иныхъ особенностяхъ быта индійскаго и русскаго простонародья? Кто у насъ, напр. слышалъ, что за Гималаями существуетъ праздничный лѣтній обычай у парней прыгать разъ въ годъ вокругъ костровъ и пѣть игривыя пѣсни? Пусть интересующіеся справятся въ книгѣ Самуэльсона «Bulgaria», сколько есть однороднаго въ обстановкѣ балканскаго славянина и индуса. Развѣ не странно, что общины у насъ и за Гималаями отличаются одинаковымъ устройствомъ? Приводить примѣры можно безъ конца. Доказатель-

БУДДИЙСКІЕ МОНАХИ НА ЦЕЙЛОНѢ.

ная сила лежитъ не въ ихъ количествѣ, а въ качествѣ каждаго изъ нихъ: кто же однако, кромѣ закоснѣлыхъ западниковъ, хоть на минуту затруднится у насъ считать не сознанный еще нами Востокъ такой же органической по духу принадлежностью Мономаховой державы, какою по самой природѣ вещей въ урочный часъ стали Заволжье и Сибирь — оттого что, выражаясь лѣтописнымъ языкомъ, наши послы и воеводы «имя царя своего держали честно и грозно, по старинѣ».

Синее море разстилается дорогой камкой. Фрегатъ огибаетъ побережья Цейлона. Воскресающіе образы Индіи снова и снова дразнятъ мысленный взоръ. Вотъ они ростутъ, разгораются . . .

Лодки сіамскаго короля

КОЛОМБО

. . . . Твердыня Гваліоръ. Стѣны, за которыми при Моголахъ томились претенденты на дэлійскій престолъ: въ серебряныхъ цѣпяхъ, подъ отвратительнымъ дѣйствіемъ медленнаго яда — они умирали наконецъ отъ укушенія пущенной въ темницу кобры. Помимо принцевъ крови, тутъ же, — за узорчатыми башенными оградами, — изнывали въ плѣну почему-нибудь опасные или неугодные императорскому двору воинственные инородцы съ окраинъ. Между прочимъ, за гваліорскими валами сложилъ могучія, но трогательныя пѣсни узникъ

Аурангзеба-Кучалъ (вождь горцевъ «катакъ» съ афганской границы, дикій танецъ соплеменниковъ коего мы видѣли въ Лахорѣ). Эти пѣсни до сихъ поръ поются за Индомъ. Оріенталистъ Дарместетеръ недавно ихъ собиралъ и записывалъ на мѣстѣ.

Онѣ создались на крутизнахъ гордаго Гваліора, гдѣ вскорѣ затѣмъ великій маратъ Махададжи Синдія возмечталъ сплотить воедино южно-индійскую конницу султана Типу, витязей Раджпутаны, превосходную артиллерію Низама, популярные отряды французовъ и своихъ неотразимыхъ сородичей со свѣжими традиціями эпохи Сиваджи, — чтобы поразить и вытѣснить изъ страны усиливавшихся англичанъ. Правда, въ то время еще можно было предаваться подобнымъ иллюзіямъ: извѣстный намъ по исторіи мадрасскаго президентства графъ-де-Лалли, и савойскій графъ-де-Буань (Boigne), — къ слову сказать, бывшіе и служившіе въ Россіи до отъѣзда въ Индію, — являлись такими политическими соперниками и притомъ талантливыми военачальниками, что съ дѣятельностью ихъ британскому элементу нельзя было серьезно не считаться. Приблизительно въ ту же самую пору французскій посланникъ (le chevalier de St. Lubin) высадился около Бомбея и прибылъ въ маратскую столицу Пуну съ подарками отъ Людовика XVI, чтобы ободрить тамъ всѣхъ къ борьбѣ противъ Остъ-индской лондонской компаніи. Инструкторъ войскъ Низама — генералъ Raymond далъ немного позже своимъ баталіонамъ трехцвѣтное республиканское знамя, поощряя ихъ пѣть въ Гайдерабадѣ «Ça ira» и танцовать по ночамъ «Carmagnole». А какъ подумаешь, отъ успѣха французовъ въ Индіи не остается и слѣда! Между тѣмъ симпатіи туземцевъ безспорно были на ихъ сторонѣ: кукольныя представленія для народа (вродѣ нашего «Петрушки») тѣшили индусовъ на базарахъ начала XIX в. сценами пораженія англичанъ французами, и зрители радовались потѣхѣ.

Эти факты по своему, конечно, крайне любопытны, — но не на нихъ медлитъ воображеніе, когда оглянешься на покинутый полуостровъ. Его стародавній строй, его суровые обычаи и религіозныя основы гораздо властнѣе увлекаютъ мысль къ тому, что было и жизненно, и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастично. На первомъ планѣ какъ-то невольно припоминается обрядъ сожженія вдовъ. Рѣзкія, полныя трагизма очертанія всплываютъ передъ взоромъ. Зная хоть отдаленно характеръ страны и ея обитателей, легко возсоздаешь мечтой заразъ и грозную, и трогательную картину . . .

. . . . . Костеръ погребальный и близокъ, и страшенъ, и нѣмъ:
Потусклое тѣло недвижно и ждетъ разрушенья
Брамины сказали, что надо подумать надъ тѣмъ,
Какъ въ жизни грядущей достигнуть благаго рожденья.
Мы слабы и смертны, но воля сильнѣе чѣмъ рокъ, —
Законы природы ничтожны предъ подвигомъ духа:
Княгиня рѣшила покинуть обитель тревогъ,
И гулъ одобренья доходитъ до чуткаго слуха . . .
«Ты князя избавишь отъ долгихъ скитаній и мукъ,
Безмѣрно блаженство сгорѣвшаго съ вѣрной женою» —
Хоть сердце и очи туманитъ холодный испугъ,
Но вотъ она вышла и встала предъ смолкшей толпою! . .

Сотни рукъ тянутся къ вдовѣ, обрекающей себя пламени: «возьми съ собой на память въ лучшій міръ наши посильные дары дорогому усопшему!» Кто даетъ цвѣтокъ, кто — украшеніе, кто — благовонную эссенцію, и т. п. Все вокругъ «сати» до такой степени проникнуто сознаніемъ важности и знаменательности женскаго подвига, что даже твари его какъ-бы понимаютъ. Когда испепеляли сикхскаго царя Ранджитъ Синга, на его костеръ къ погибающимъ тутъ же наложницамъ слетѣли два голубя, словно возжаж-

ПРОЦЕССІЯ ПЕРАХЕРА ВЪ КАНДИ.

давшіе одинаковой съ ними кончины. За это ихъ увѣковѣчили особыми мраморными лотосами, вдѣланными въ могильную плиту лахорскаго владыки..... Можно-ли равнодушно говорить о строѣ народовъ, среди которыхъ выработался подобный взглядъ на жизнь и ея продолженіе — смерть? Что думать о краѣ, гдѣ возникали такое каменное олицетвореніе красоты и мощи какъ джодпорскій кремль или такой маленькій храмъ утонченнаго туземнаго искусства какъ альварскій зимній дворецъ? Забудемъ-ли мы, напримѣръ, когда-нибудь величіе перваго съ его чертогами на скалѣ, въ которыхъ изъ-подъ золотаго потолка со стѣнъ смотрятъ живописные боги и раджи, подъ ними же изящною каймою обрисовываются строфы старинныхъ пѣснопѣній на языкѣ Хинди? А мозаика на зеркалахъ въ галлереѣ за дурбарной залой его величества Мангалъ-Синга (въ Альварѣ)? Цвѣтныя гирлянды на стеклѣ, подражанія изумрудамъ и рубинамъ, сказочныя изображенія надъ дверьми, — вотъ она раджпутская Индія, представляющая сама по себѣ неисчерпаемо-оригинальный міръ! А войска этого по-европейски воспитаннаго махараджи съ ихъ сѣрыми мундирами, при синихъ златотканныхъ чалмахъ и темныхъ гамашахъ, — что̀ за молодецкая выправка у солдатъ князя, обучающаго ихъ не для пользы и обороны своего наслѣдія, но только въ видѣ одной изъ забавъ, разрѣшенныхъ ему чужеземными властями! Совершенно аналогичное явленіе наблюдается, впрочемъ, чуть-ли не повсюду: какое впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, въ крѣпости Джодпора туземцы-артиллеристы въ бѣломъ и алыхъ головныхъ уборахъ, — какъ эффектно красуются надъ пушками у обрывовъ желтые и другіе пестрые значки..... однако все здѣсь показное: орудія стары и ржавы, изъ нихъ нельзя стрѣлять! Остается любоваться панорамой.....

Образы за образами мелькаютъ въ длинномъ свиткѣ воспоминаній..... Таджъ. Гробница, въ которой даже воздухъ проникнутъ вѣяніемъ чего-то неземнаго и высшаго: если подъ этими ласково-дымчатыми сводами произнесешь хоть слово, звукъ идетъ въ глубину купола и ростетъ, — нѣсколько сказанныхъ словъ перерождаются уже въ нѣжную небесную музыку, сладко переливаются и уплываютъ въ невѣдомую даль, тонутъ въ ней и вдругъ опять призывно звучатъ съ тихою жалобой..... среди одушевленнаго камня и начертаній, гласящихъ: «земное бытіе для насъ — мостъ, по которому надо пройдти, но на которомъ ничего нельзя прочно построить; наша бренная жизнь длится какой-нибудь часъ, — отдадимъ же эти минуты молитвѣ, ибо что за ними — незримо!» Такъ хоронили при Моголахъ, когда вопросы сердца, по видимому, далеко не имѣли въ обыденной суетѣ XVI—XVIII вѣка первенствующаго значенія въ «жестоковыйную эпоху мрака и застоя» на европейскій взглядъ. Вѣрно-ли, однако, судятъ отрицающіе въ ней духовное содержаніе и всякіе признаки прогресса?

Съ точки зрѣнія нашей допетровской старины, она обладаетъ многими симпатичными чертами. Умершій въ 1605 году Акбаръ едва-ли не стоитъ на цѣлую голову выше многихъ приблизительно современныхъ ему монарховъ Запада. Гдѣ въ ту пору, кромѣ мусульмано-языческой Индіи, могли воплотиться такія дышущія вѣротерпимостью выраженія, какъ на одной надписи, сдѣланной другомъ императора Абу'ль Фазль въ какомъ-то кашмирскомъ храмѣ: «Боже! повсюду созерцаю Тебя, видя молящихся: на языкѣ каждаго народа слышится славословіе Тебѣ. Куда бы изъ числа зданій, воздвигнутыхъ для Тебя, я ни вошелъ — вездѣ ищу и стараюсь найдти Истину.» Этимъ объясняется, почему, — когда посланные изъ Гоа отцы-монахи не безъ трепета вручили въ подарокъ тому же дэлійскому падишаху изображенія Спасителя и Непорочной Дѣвы, а также Библію, — Акбаръ приложился къ нимъ и поднялъ Св. Писаніе до чела, въ доказательство глубокаго

благоговѣнія. Католикамъ было разрѣшено построить отдѣльную часовню. Моголъ посѣтилъ ее и въ землю поклонился изваянію Богочеловѣка.

Позже, при Шахъ-Джеханѣ, его первый министръ украсилъ свой лахорскій дворецъ ликами христіанскихъ святыхъ. Параллельно съ тѣмъ туземные художники приняли за обычай рисовать индійскихъ «султановъ надъ султанами» съ ореоломъ вокругъ головы, — невольно напоминая италіанскую школу.

БУДДИЙСКІЙ ХРАМЪ НА ЦЕЙЛОНѢ.

Дворъ въ Дэли и въ Агрѣ, съ его жизненнымъ блескомъ до паденія и точно выточенными фигурами властелиновъ почти всего полуострова, возстаетъ самъ собой, — по однимъ уже описаніямъ, — передъ мысленнымъ окомъ того, кто переступилъ въ царственныхъ городахъ черезъ когда-то считавшійся «высокимъ» и «малодоступнымъ» порогъ дурбарныхъ залъ Тамерланова потомства.

Роскошь обстановки отчасти станетъ понятна, если упомянуть, что безъ обремененія сельскихъ классовъ податями и налогами, императоръ лично получалъ — на деньги нашихъ дней — до полутора милліарда рублей въ годъ (а теперь финансы Индіи разстроены!). Эти суммы тратились на поддержку ремеслъ, кустарной промышленности и торговли. Гигантскія средства, которыми располагалъ Моголъ, текли обратно въ народную массу: ни копѣйки не шло на нужды, чуждыя прямымъ интересамъ Индостана. Полюбивъ его любовью своего отчича и дѣдича Бабера, дэлійскіе Тимуриды-правители по силѣ разума были патріотами, — насколько тогда, при довольно патріархально-дикомъ строѣ, возможно было условно быть таковыми. Страна несомнѣнно стала уже для самого основателя династіи второю родиною: оригинально, какъ онъ съ

НУВАРА-ЭЛІЯ.

нею первоначально ознакомился. Въ одеждѣ скромнаго путника Баберъ обошелъ будто-бы свое будущее царство вдоль и поперекъ, вдохнулъ въ себя вѣянье туземной старины и природы, налюбовался всѣмъ досыта и вернулся въ Среднюю Азію за войскомъ. Съ цѣлью справедливо управлять обширными владѣніями и главнымъ образомъ знать, что творится въ глуши или на границахъ, — Моголы мудро завели (по примѣру могущественнѣйшихъ древнеперсидскихъ царей и халифовъ Багдада) особый классъ чиновниковъ-инспекторовъ, которые слѣдили за мельчайшими подробностями жизни въ провинціи и (конечно, не съ одинаковымъ усердіемъ!) доносили о ней властелину. Отъ наблюдательности преданныхъ слугъ царя зависѣло въ значительнѣйшей степени внутреннее положеніе государства.

Четвергъ, 31 января (12 февраля).

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Ясное благоухающее утро, — одно изъ тѣхъ, когда душа сама себя исцѣляетъ отъ усталости созерцаніемъ гармоніи міра и отрѣшенности свободнаго духа «отъ всего, что влачится въ пыли».

Изъ лазурныхъ водъ океана, изъ чертоговъ бога Вишну, поднялся намъ на встрѣчу очарованный островъ, вокругъ котораго творчество индійскаго миѳа, буддійскихъ легендъ и мусульманскаго или точнѣе арабскаго простонароднаго преданія сплели и до нашихъ дней сплетаютъ вѣнокъ поэзіи въ ореолѣ святости и красоты. Цейлонъ! . . . . Безчисленные путешественники, ученые географы среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ, наконецъ за послѣднее время болѣе разносторонніе историки Востока, — всѣ говорили въ упоительно-восторженныхъ выраженіяхъ о цвѣтущемъ уголкѣ земнаго шара, окаймленномъ морскою пѣною у южной оконечности только-что покинутаго нами полуострова. Греки и римляне, бирманцы и кашмирцы, сіамцы и граждане Небесной имперіи, весь ближайшій къ Цейлону сѣверъ (до пригималайскихъ странъ включительно), мореплаватели съ береговъ Аравіи и Персіи, отважные воины подъ стягомъ португальскаго короля, медлительно-упорные колонизаторы-голландцы, кто только изъ нихъ не соприкасался съ Цейлономъ, не грезилъ и не любовался имъ, не разносилъ о немъ радужную вѣсть и сказочныя представленія по цѣлому міру! Однако, — несмотря на крайнюю доступность острова, раскинутаго такъ-сказать на перепутьи между восточными и западными странами, — несмотря на то, что онъ издавна служилъ звеномъ между ними и широко былъ всегда сопричастенъ культурно-международнымъ сношеніямъ, — о его географическомъ положеніи долго никто не имѣлъ вполнѣ опредѣленнаго понятія. Размѣры Цейлона рисовались въ крайне преувеличенномъ видѣ, иногда онъ даже смѣшивался со столь на него непохожей Суматрою. Уже индусы-космографы по размѣрамъ считали Ланку («блестящую») отдѣльнымъ материкомъ, вдающимся далеко въ море отъ юго-восточной части ихъ роднаго полуострова. Западъ на первыхъ порахъ усвоилъ себѣ подобный взглядъ и, фантазируя въ такомъ направленіи, рисовалъ себѣ Цейлонъ сушею, соединяющею Африку съ Китаемъ. Эллины македонской эпохи мало разсѣяли заблужденій по этому поводу и послѣднія продержались до XVI столѣтія. Только Аристотель въ главѣ III «De mundo» пытался съузить очертанія неизслѣдованнаго острова и высказывалъ предположеніе, не меньше-ли онъ Британіи. Самъ Марко Поло не опровергъ господствавшихъ предразсудковъ и, одинаково съ буддійскими

туземными лѣтописями, приписываетъ Цейлону древности значительно большій объемъ, на который будто-бы пагубно повліяли стихійныя силы природы, — между прочимъ еще въ IV столѣтіи нашей эры.

Историческая жизнь острова находится въ тѣсной зависимости отъ всего того, что происходило въ южной Индіи и въ Декканѣ, — отчасти-же даже обусловлена была нарожденіемъ могущественнаго буддизма на сѣверо-востокѣ полуострова, откуда онъ широкими волнами, размывая наслоенія браминской религіи, прорвался за предѣлы своей родины и, наводняя цѣлую Азію, не могъ не кинуть ростковъ и дѣйствительно пустилъ глубокіе корни на дивной Ланкѣ, гдѣ на высотахъ величавой Адамовой горы туземцы издревле хотятъ видѣть слѣды ногъ «учителя-Будды». Въ доисторическія времена Цейлонъ населяла темнокожая и некрасивая расса, стоявшая на очень низкой степени культурнаго развитія. Когда изъ цвѣтущаго царства Магады (у Ганга) на дальній югъ устремились предпріимчивые воители съ міросозерцаніемъ арійскаго характера, — они въ нѣкоторомъ родѣ явились тамъ піонерами цивилизаціи, насадителями земледѣлія и ремеслъ, борцами за религіозныя идеи. Благодаря конечной побѣдѣ пришельцевъ надъ полудикими островитянами, изъ Бенгаліи по слѣдамъ единоплеменниковъ скоро направились новые выходцы. Привлекая къ себѣ соотечественниковъ, князья-завоеватели постепенно набирались силъ и энергіи въ своемъ полумирномъ воздѣйствіи на аборигеновъ Цейлона. Приходъ буддійскихъ монаховъ, закладка монастырей, разцвѣтъ учености, сооруженіе замѣчательныхъ архитектурныхъ памятниковъ и т. п. и т. п. довершили духовное торжество сѣверныхъ началъ надъ туземными.

Грустная исторія первоначальнаго воздѣйствія колонизаторовъ съ Запада на ни въ чемъ неповинное населеніе Цейлона съ одной стороны крайне поучительна для мыслящихъ русскихъ людей, подтверждая ранѣе высказанные мною взгляды на ненормальность отношеній Европы къ народамъ Востока; но съ другой стороны свидѣтельствуетъ и о томъ, до какой степени эти народы въ сущности способны были давать надлежащій отпоръ врагу, пока его губительное отчасти вторженіе въ ихъ сферу, въ связи съ зависимостью послѣдняго отъ совершенно постороннихъ Азіи политическихъ причинъ, не заставляло туземцевъ все покорнѣе и покорнѣе склоняться передъ наступленіемъ германо-романской рассы.

Становясь твердой ногой на индійскомъ побережьѣ и порываясь далѣе на востокъ: къ цвѣтущей Малаккѣ и морямъ, омывающимъ Китай, португальцы сначала не обращали вниманія на Цейлонъ и не находили нужнымъ развѣтвлять своихъ силъ на безполезныя войны ближе къ Гоа. Только случайно, преслѣдуя съ безпощаднымъ упорствомъ ненавистныхъ мусульманскихъ купцовъ и мореплавателей, сыны Лузитаніи вошли въ одну цейлонскую гавань (гдѣ тѣ какъ разъ въ видѣ груза принимали многоцѣнныхъ мѣстныхъ слоновъ!) и постепенно завязали переговоры съ довольно безвластнымъ королемъ (Пракрама Баху IX), правившимъ тогда недалеко отъ Коломбо. Мѣстный царь не хотѣлъ давать въ обиду весьма ему полезныхъ и чрезвычайно дѣятельныхъ магометанъ, но въ то же время не прочь былъ и отъ выгодной торговли, и отъ заманчиваго союза съ видимо богатыми и хорошо вооруженными пришельцами. На первыхъ же порахъ эти взаимоотношенія ясно опредѣлились какъ неестественныя и коварныя. Фанатичные и легко опьяняемые успѣхомъ португальцы вскорѣ заносчиво взглянули на строй и бытъ Цейлона, гдѣ въ свою очередь не замедлили выразиться непріязненныя чувства къ закованнымъ въ броню иноземцамъ.

Высадившійся и укрѣпившійся въ Коломбо отрядъ вице-короля изъ Гоа (за неимѣніемъ камня для построекъ солдаты собирали пустыя раковины жемчужныхъ устрицъ и

ЯВАНСКІЙ ВУЛКАНЪ.

жгли изъ нихъ цементъ) не на шутку сдѣлался подозрительнымъ и опаснымъ для туземцевъ. Кровавое столкновеніе съ ними привело цейлонцевъ къ еще болѣе ожесточеннымъ распрямъ и схваткамъ съ непріятелемъ, каковыя потомъ и не прекращались въ теченіе полутора вѣка, — причемъ холодная жестокость европейскихъ воиновъ по истинѣ могла поспорить съ единичными фактами дикихъ казней и пытокъ, которыми неустойчивые на своемъ престолѣ мѣстные царьки силились внушить къ себѣ въ колебавшихся подданыхъ больше уваженія и страха. Португалія досадно запуталась на Цейлонѣ въ чуть-ли не безпрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ туземцевъ. Островъ сталъ требовать отъ Гоа постояннаго боеваго напряженія, ничего ровно не суля взамѣнъ. Любопытно, что на подмогу послѣднимъ изъ Индіи являлась нѣсколько разъ ратная сила малабарцевъ. Незнакомые съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія, при появленіи португальцевъ, туземцы-буддисты вскорѣ превзошли своихъ учителей по умѣнью обращаться съ нимъ и въ искусствѣ его изготовлять. Ружья съ Цейлона по всему Востоку стали извѣстны по своимъ прекраснымъ качествамъ и дорогой художественной насѣчкѣ; даже во Франціи не могли соперничать въ то время съ первоклассными оружейниками Цейлона. Энергичные патріоты организовали армію внутри страны и, спускаясь съ горъ, повели рядъ нападеній на Коломбо. Однажды туземцамъ удалось такимъ желѣзнымъ кольцомъ стянуть его, что, изнемогая отъ ужасовъ осады, европейцы солили тѣла убитыхъ, дабы имѣть мясо про запасъ, и въ мукахъ голода матери рѣшались ѣсть своихъ дѣтей. Этимъ отчасти объясняется, почему озвѣрѣлые португальскіе солдаты въ разгаръ неистоваго взаимоистребленія постепенно теряли всякое чувство мѣры, при расправѣ съ побѣжденными, и возмутительно насиловали инородческое населеніе, ознаменовывая моменты торжества и владычества надъ нимъ недостойнѣйшими жестокостями и безчеловѣчными поступками. Для примѣра, до чего могли доходить воины-христіане у Коломбо (какихъ-нибудь 300 лѣтъ тому назадъ!), стоитъ припомнить хотя-бы слѣдующій случай. Одного отважнаго цейлонца довелось взять въ плѣнъ: солдатъ-португалецъ, желая такъ-сказать воспринять его храбрость, подошелъ къ узнику, вырѣзалъ у него трепещущее сердце и принялся жадно пить его кровь . . .

ГИГАНТСКІЕ БАМБУКИ НА ЦЕЙЛОНѢ.

Вожаки неуступчивой національной партіи на Цейлонѣ вели войну противъ «бѣлыхъ» съ далеко неодинаковымъ успѣхомъ. Пользуясь помощью мусульманъ, они тѣмъ не менѣе въ минуты опасности постыдно предавали ихъ и даже какъ-то подарили португальцамъ головы этихъ злополучныхъ союзниковъ, воткнутыя на копья.

ПРІЕМЪ ВЪ КОЛОМБО.

Безпомощные въ низовинахъ близь Коломбо и чуждые горцамъ - соотечественникамъ короли острова, заискивая въ дружбѣ иноземцевъ, видѣли въ нихъ отчасти покровителей на случай интригъ придворнаго характера и заступниковъ со стороны самостоятельныхъ туземцевъ. Когда бывало нужно, эти номинальные главари народа и ихъ семьи принимали даже христіанство, получая имена: донъ Жуана, дона Филиппа, донны Катарины и т. п. На поприщѣ обращенія особенно дѣятельно трудились здѣсь францисканскіе монахи.

Домогаясь признанія одного отрокавнука своимъ наслѣдникомъ, слабохарактерный цейлонскій царь Буванека VII послалъ его золотую статую — при вѣнцѣ, усыпанномъ драгоцѣнностями, — въ Лиссабонъ и ее тамъ съ подобающими почестями короновали въ 1541 г. Тѣмъ временемъ однако доступъ внутрь страны былъ какъ и прежде немыслимъ для португальцевъ. Направлявшіяся туда военныя экспедиціи или отбивались, или истреблялись. Лишь немногія могли короткое время продержаться въ Канди, одной изъ горныхъ столицъ острова. Могущество лицъ, фактически правившихъ Цейлономъ, доросло вскорѣ до того, что новый самозванный властелинъ Раджа Синга («царь-левъ») имѣлъ возможность двигать съ возвышенностей на Коломбо 50-тысячную

ОХОТА НА ЯВѢ.

армію, 2000 слоновъ и колоссальнѣйшій обозъ, запряженный быками. Цейлонцы обзавелись даже своими судами для серьезныхъ морскихъ столкновеній съ португальцами; послѣдніе, не желая оставаться въ долгу, нещадно принялись истреблять селенія вдоль побережья, гдѣ имъ почему-нибудь казалось, что въ населеніи преобладаютъ непріязненныя чувства: при этомъ спокойно отрубались руки и ноги у дѣтей, чтобы только удобнѣе сорвать съ нихъ золотыя и серебряныя украшенія.

Тысячи кумировъ Будды изъ камня и бронзы низвергались католиками на землю; на глазахъ у матерей солдаты съ Запада поднимали на копья малютокъ; бѣлые варвары тѣшились кромѣ того кормленіемъ крокодиловъ многочисленными плѣнниками. Мѣстами чудовища до того привыкали лакомиться человѣческимъ мясомъ, что стоило свиснуть и десятки отвратительныхъ головъ подымалось изъ воды на встрѣчу жертвамъ. Крещеніе инородцевъ силою или обманомъ за мнимыя почести и презрѣнный металлъ, конечно практиковалось въ ту пору португальцами безъ зазрѣнія совѣсти. Немудрено, если прибрежные жители толпами бѣжали въ джонгль и въ горы, предпочитая жить въ изгнаніи и по-звѣриному чѣмъ покоряться чужанамъ-изувѣрамъ. Дурная слава о свирѣпости европейцевъ такъ долго продержалась въ странѣ, что даже и послѣ того, какъ португальцы были вытѣснены другими колонизаторами, кандійскій король въ 1664 г. отправилъ въ голландское Коломбо провинившагося сановника, съ просьбой испробовать на немъ какую-нибудь утонченную пытку, т. е. казнить его съ чисто западнымъ безсердечіемъ. Въ результатѣ антагонизмъ усиливался и португальское правительство вынуждено было содержать на островѣ 20,000 человѣкъ постояннаго войска, — изъ коего, правда, лишь $^{1}/_{20}$ долю составляли сами сыны Лузитаніи. При подобныхъ условіяхъ торговля не могла развиваться, а расходы на военное дѣло дѣлались все непосильнѣе. Хотя туземцы и призывались въ ряды солдатъ вице-короля, но на нихъ, очевидно, мало разсчитывали и ратная подмога чаще присылалась извнѣ: или съ малабарскаго берега, или изъ земли кафровъ. Послѣдніе вскорѣ проявили тутъ хорошія боевыя качества. Коломбо разросся, вмѣстилъ тысячи благородныхъ лузитанскихъ семействъ, обстроился христіанскими храмами и монастырями.

Чѣмъ-то вродѣ освободителей Цейлона отъ португальскаго ига на первыхъ порахъ явились упорные голландцы. Они, какъ нація, первоначально и не помышляли о самостоятельной торговлѣ съ дальнимъ Востокомъ, довольствуясь посылкой судовъ въ лиссабонскую гавань, для ввоза товаровъ и пряностей Индіи на сѣверъ. Но когда испанскій король Филиппъ II, увѣнчавшись въ 1580 г. португальской короной, изъ ненависти къ еретикамъ-голландцамъ конфисковалъ ихъ судовый караванъ у Лиссабона, — имъ поневолѣ пришлось искать прямаго пути въ Азію и тамъ столкнуться съ португальцами на правахъ равныхъ съ равными. Въ результатѣ у первыхъ возникла своя колоніальная политика, создались свои громадные интересы за тридевять земель и цвѣтущій, заманчивый Цейлонъ естественно привлекъ взоры мореплавателей, простершихъ до Явы вліяніе родной Голландіи. Ея представители съ первыхъ-же годовъ XVII в. попытались заручиться расположеніемъ правителей Канди, отрядили туда нѣсколько посольствъ, охотно вмѣшались въ распрю цейлонцевъ съ латинянами.

Въ 1602 г. пришелъ на Цейлонъ первый голландскій корабль «Овечка», подъ начальствомъ адмирала Шпильберга. Кандійскій король, провозгласившій себя около того времени императоромъ острова, — въ отличіе отъ другихъ вождей, пытавшихся присвоить себѣ царскій санъ, — проявилъ весьма понятную въ данномъ случаѣ подозрительность по отношенію новаго элемента съ Запада; у туземцевъ зарождалась понятная мысль, не являются-ли голландцы замаскированными врагами, а пожалуй еще и переодѣтыми португальцами:

въ концѣ концевъ царь принялъ адмирала-посла, снабженнаго вѣрительными грамотами отъ принца Оранскаго. Шпильбергъ встрѣченъ былъ въ нагорной столицѣ почетнымъ карауломъ изъ тысячи человѣкъ, — при знаменахъ и отчасти даже при оружіи, отбитомъ у португальцевъ. Въ торжественномъ шествіи, устроенномъ въ часъ пріема, участвовали «бѣлые» плѣнники съ отрѣзанными въ знакъ ихъ безпомощности ушами! Адмиралъ положилъ къ ногамъ кандійскаго владыки голландскій флагъ и почему-то также португальскій, — причемъ постарался убѣдить короля, будто Голландія преслѣдуетъ исключительно одну цѣль: считать его враговъ своими врагами. Растроганный правитель заключилъ посла въ объятья и позволилъ ему приступить къ постройкѣ укрѣпленій на берегу, добавивъ, что, если потребуется, — онъ — царь пошлетъ свою царицу и дѣтей помогать голландцамъ въ столь важной работѣ. Въ доказательство искренности своихъ намѣреній адмиралъ приказалъ схватить первое попавшееся ему на встрѣчу португальское судно съ грузомъ и представилъ его въ даръ кандійскому повелителю. Вначалѣ дѣло сближенія двухъ доселѣ чуждыхъ другъ другу народовъ на взглядъ быстро подвинулось впередъ; но когда Шпильбергъ отбылъ съ Цейлона, замѣститель адмирала (Sibalt de Weert) слишкомъ явно пересталъ радѣть о пользѣ цейлонцевъ и выказалъ въ этомъ отношеніи много эгоизма. Однажды, въ состояніи опьяненія, представитель Голландіи даже оскорбилъ царя, за что придворные, по собственному почину, умертвили дерзкаго вмѣстѣ съ его свитой. Цейлонскій императоръ послалъ тогда ихъ соотечественникамъ посланіе, оригинально составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Богъ справедливъ. Кто пьетъ, того постигаютъ несчастія. Если вы ищете мира, то пусть будетъ миръ, — если войны, то пусть загорится война». Нидерландское правительство, — очевидно, изъ осторожности, — не рѣшилось пренебречь торговыми выгодами во имя престижа націи и потому связь между двумя странами, несмотря на пролитую кровь, продолжалась по старому. Новый посолъ, отправленный въ Канди — Boschouwer весьма искусно повелъ всякіе переговоры и до того вкрался въ довѣріе царя, что сдѣлался его ближайшимъ руководителемъ, получилъ санъ «князя Анурадапуры», болѣе древней столицы острова и «рыцаря солнца», а также «предсѣдателя военнаго совѣта» въ Канди и «генералъ-адмирала цейлонской флотиліи».

ЦЕЙЛОНКА.

Португальцы понимали, что дѣло принимаетъ нежелательный для нихъ оборотъ, дважды пробивались съ большой отвагой въ нагорный край къ столицѣ, но безуспѣшно... Тѣмъ временемъ «анурадапурскій князь» ѣздилъ въ Голландію и просилъ у штатовъ неотложной помощи Цейлону, — чего ему однако послѣдніе не пожелали дать въ виду гордости и независимости, съ которой онъ себя передъ ними держалъ, дѣйствуя не какъ

УЛИЦА ВЪ БАТАВІИ.

представитель голландскихъ интересовъ, а какъ одинъ изъ вождей буддійскаго населенія. Тогда онъ склонилъ на свою сторону датскаго короля Христіана IV, понимавшаго, какъ полезно для всякаго западнаго народа встать твердою ногою на перепутьи полуденныхъ странъ, да еще по сосѣдству съ Индіей. Бошоуверъ отправился въ обратный путь съ 5 датскими кораблями, но умеръ по дорогѣ и смѣло задуманная экспедиція не имѣла

ЧАЙНАЯ ПЛАНТАЦІЯ НА ЦЕЙЛОНѢ.

послѣдствій: послѣдствія другаго рода, впрочемъ, не замедлили явиться. Храбрый португальскій губернаторъ Коломбо — Константинъ де Саа постепенно изнемогъ въ борьбѣ съ туземцами; когда его наконецъ завлекли въ засаду во время войны и онъ убѣдился въ невозможности съ честью пробиться сквозь ряды непріятеля, — то велѣлъ рабу подать себѣ воды и затѣмъ ударомъ кинжала въ сердце покончилъ съ собою, а его окровавленная голова вскорѣ на барабанѣ поднесена была ликующими подданными цейлонскому императору. Онъ же всетаки по малодушію не чувствовалъ у себя почвы подъ ногами и

въ припадкѣ какого-то безумія обязался, несмотря на одержанныя его войскомъ побѣды, ежегодно въ видѣ новой дани посылать португальцамъ двухъ слоновъ.

КАНДИ.

Отдаленная Батавія не осталась со своей стороны равнодушной къ событіямъ на Цейлонѣ и дѣятельно снарядила цѣлый отрядъ судовъ для продолженія борьбы съ латинянами. Въ отчаянномъ напряженіи энергіи они пробились вдругъ въ Канди, сожгли городъ и лишь при отступленіи къ морю лишились множества солдатъ, изъ череповъ которыхъ туземцы соорудили отвратительную пирамиду.

Въ 1656 г. португальскій Коломбо сдался голландцамъ, хотя кандійцы втайнѣ и явно прилагали всевозможное стараніе помѣшать этой сдачѣ, предотвратить ее и вообще препятствовать усиленію обоихъ пришлыхъ элементовъ, но было поздно . . .

Послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго нидерландскаго господства на островѣ (при бурной и оскорбительной оппозиціи изъ Канди) Мадрасъ завистливымъ окомъ сталъ взирать на

МУЗЫКА НА ЯВѢ.

богатую колонію соперниковъ по торговлѣ, завелъ переговоры о союзѣ съ недовольною нагорною столицею и, когда послѣдніе дома пострадали отъ республиканской Франціи, занялъ побережье почти врасплохъ, подкупивъ голландца-губернатора и переманивъ на свою сторону чужихъ наемныхъ солдатъ — швейцарцевъ. Остальной возмущенный гарнизонъ хотѣлъ бороться, но не имѣлъ силъ и дисциплины.

Первые англійскіе администраторы оказались не изъ удачныхъ и гораздо хуже предшественниковъ своихъ на Цейлонѣ стали имъ управлять, нимало не справляясь съ потребностями и обычаями кореннаго населенія. Параллельно шли интриги возстановить противъ кандійскаго короля, — ведшаго родъ отъ знатныхъ телугу изъ Мадуры, по родственнымъ связямъ съ прежней туземной династіей воцарившихся въ Канди, — властолюбивыхъ потомковъ болѣе древней царской крови. Такъ какъ проникать въ глубь острова было опасно, то для экспедицій туда взяли сипаевъ изъ Индіи и малайцевъ: «бѣлые» предпочитали руками азіатовъ завоевывать себѣ лучшія части Азіи и только изрѣдка принимать непосредственное участіе въ нешуточной борьбѣ. За то это послѣднее далеко не всегда вѣнчалось успѣхомъ: въ 1803 г. кандійцы, при помощи переселенныхъ на Цейлонъ кафровъ, сразу вырѣзали 300 человѣкъ англичанъ въ Канди, принятыхъ тамъ въ видѣ временнаго оккупаціоннаго отряда. Любопытно, что тогда-же туземцы взяли въ плѣнъ и пощадили 700 солдатъ-малайцевъ, безчеловѣчно

УРОЖЕНКА ЦЕЙЛОНА.

дравшихся съ ними отравленными кинжалами (крисъ), но не казнили ихъ.

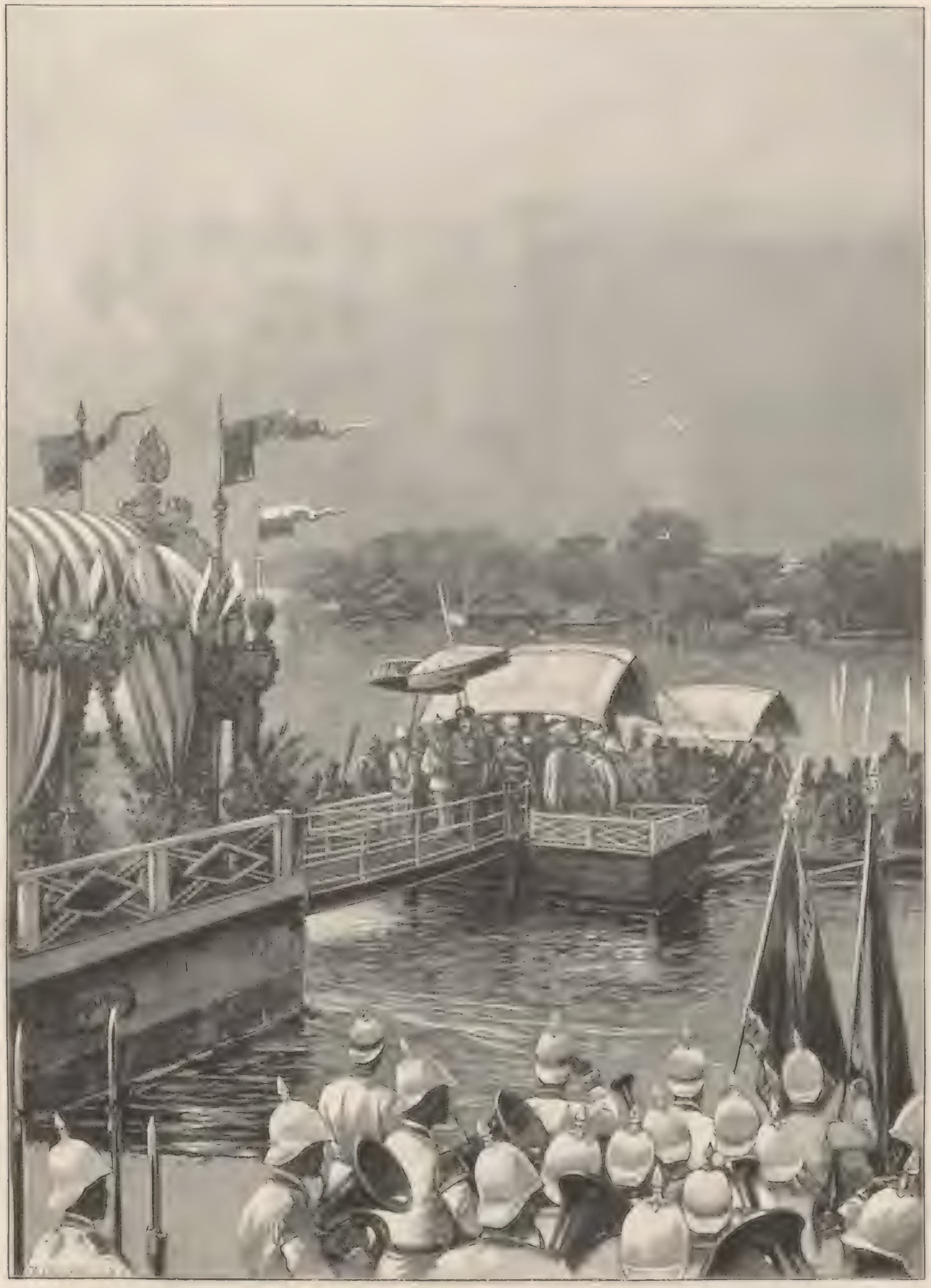
Власти Коломбо не скоро собрались отомстить за рѣзню. Правда, одинъ офицеръ съ горстью людей геройски пробился въ горы, однако не могъ тамъ удержаться и отсту-

пилъ. Европейцы до 1815 г. ограничились истребленіемъ посѣвовъ у непокорныхъ инородцевъ сожженіемъ храмовъ и деревень, истребленіемъ плодовыхъ деревьевъ и т. п. Король, въ свою очередь, приказывалъ хватать иноземныхъ купцовъ, считавшихся британскими подданными, и отсылалъ ихъ къ морю съ отрѣзанными носами. Такой удивительный порядокъ вещей продлился до момента внутреннихъ смутъ на островѣ, воспользовавшись коими англичане удачно заняли столицу и смѣстили правителя, къ счастью для нихъ неугоднаго народу за необычайную жестокость по отношенію къ своимъ.

Девятый часъ утра. Русскіе фрегаты по обычаю торжественно привѣтствуемы на рейдѣ Коломбо. Кромѣ пришедшаго непосредственно передъ ними «Turquoise», въ гавани

БУДДІЙСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ.

находятся разцвѣченныя флагами англійскія военныя суда «Boadicea», подъ флагомъ вице-адмирала Фримантль, и «Brisk». Страннаго типа лодки (такъ-называемыя «outriggers») — узкіе челноки съ бревномъ, прикрѣпленнымъ на нѣкоторомъ разстояніи сбоку для равновѣсія — мелькаютъ вокругъ насъ, напоминая, что уже въ лицѣ ихъ начался малайскій Востокъ (ибо сроднившіеся съ океаномъ арабы и мореплаватели съ индійскихъ побережій такой конструкціи не держатся); въ причудливой зелени сверкаетъ городъ; пальмы киваютъ листвой съ песчаныхъ низкихъ полосъ суши, словно затопляемой прибоемъ... Но нашему взору внятна и мила не эта картина. «Афродиты, родившейся изъ серебяной пѣны полуденныхъ морей» (я разумѣю Цейлонъ) сперва какъ-то не замѣчаешь: вниманіе поглощено присутствіемъ Великокняжеской яхты «Тамары», на которой только-что прибыли



ПРІЕМЪ ВЪ БАНГКОКѢ.

сюда и находятся въ ожиданіи Цесаревича И. И. Высочества Великіе Князья Александръ и Сергій Михаиловичи.

Августѣйшіе Братья встрѣчены на «Азовѣ» карауломъ и музыкой. Съ Ними пріѣзжаютъ представиться Престолонаслѣднику Ихъ спутники: и раньше того много постранствовавшій натуралистъ Густавъ Ивановичъ Радде (директоръ Тифлисскаго музея), графъ Александръ Николаевичъ Граббе (сотникъ Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка), командиръ «Тамары» Болеславъ Осиповичъ Якубовскій и ординаторъ Николаевскаго военнаго госпиталя Александръ Николаевичъ Зандеръ. Оба послѣднія лица были съ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ въ кругосвѣтномъ плаваніи на «Рындѣ», когда Е. И. Высочество впервые знакомился съ Азіей.

ПРИРОДА «ЛЬВИНАГО ОСТРОВА».

Крайне любознательное отношеніе къ ней побуждало уже тогда Августѣйшаго мичмана не ограничиваться посѣщеніемъ однихъ приморскихъ пунктовъ, но и углубляться по мѣрѣ возможности въ предѣлы материка. Съ этой цѣлью Великій Князь Александръ Михаиловичъ, попремѣнно сопровождаемый въ отпуску лейтенантами Ниловымъ и Эбелингомъ, посѣтилъ Южно-Уссурійскій край, Пекинъ и Великую Стѣну передъ Калганомъ, наконецъ любопытнѣйшіе города Индіи. Интересъ къ дальней чужбинѣ и особенно къ Востоку, очевидно, съ тѣхъ поръ еще возросъ въ отзывчивой душѣ преданнаго морскому дѣлу Великаго Князя, — чѣмъ и объясняется, что въ данное время онъ вновь, на собственной яхтѣ, совершаетъ оригинальнѣйшее и крайне поучительное плаваніе. Сопровождаемые лишь директоромъ Тифлисскаго

музея, графомъ Граббе, и врачемъ Августѣйшіе Братья легко и свободно передвигаются по Востоку, гдѣ и когда захотятъ, — выбирая при этомъ мѣстами стоянокъ любую заманчивую бухту, куда можетъ впорхнуть красавица «Тамара». Природа, люди, масса оригинальнѣйшихъ деталей доступна поэтому Ихъ Императорскимъ Высочествамъ значительно болѣе чѣмъ намъ и надо надѣяться, что обиліе художественнаго матеріала въ видѣ производимыхъ Ими на мѣстѣ фотографическихъ снимковъ для передачи каждаго характернаго момента путешествія, въ связи съ текстомъ дневниковъ г. Радде, составитъ впослѣдствіе выдающуюся по содержанію книгу въ европейской литературѣ. Мнѣ же присутствіе послѣдняго особенно отрадно потому, что я повредилъ ногу въ Мадурѣ, лежу и не могу принять участія въ экскурсіяхъ по острову. Настоящая глава явится такимъ образомъ простою обработкою предварительно собранныхъ о немъ данныхъ, отголоскомъ чужаго повѣствованія и моихъ собственныхъ замѣтокъ отъ 1887 г. когда я одинъ былъ на Цейлонѣ. Благодаря предположенному изданію «Плаваніе Тамары», всякій допущенный мною пробѣлъ о пребываніи Наслѣдника Цесаревича на «островѣ изумрудовъ и рубиновъ» естественно будетъ восполненъ.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЖИЛЬЕ НА ЦЕЙЛОНѢ.

Въ одиннадцатомъ часу орудія «Азова» встрѣчаютъ и провожаетъ салютомъ адмиральскую гичку «Боадицеи» съ губернаторомъ (Sir Arthur Havelock), пріѣзжавшимъ въ парадной придворной формѣ представиться Наслѣднику Цесаревичу (въ сопровожденіи адъютанта: капитана Pirie, въ мундирѣ 3-го гусарскаго полка, и еще 2 чиновъ администраціи: англичанина и туземца). Огромный молъ (длиннѣе версты) вблизи нашихъ судовъ, ограждающій когда-то весьма неспокойный рейдъ Коломбо, занятъ зрителями: говорятъ, будто здѣсь впервые видятъ военное судно типа «Памяти Азова». Толпясь и гуляя подъ зонтиками на камняхъ упомянутаго сооруженія, шоколаднаго цвѣта женоподобные цейлонцы, въ пестрыхъ юбкахъ (камбая) и съ черепаховыми гребнями въ завязанныхъ шиньонами и лоснящихся отъ кокосоваго масла длинныхъ волосахъ, только бородой выдаютъ свой полъ. До существованія мола, — заложенъ же онъ сравнительно недавно (при посѣщеніи города принцемъ Уэльскимъ въ 1875 г.) и оконченъ лишь въ 1885 г. — пароходамъ тутъ часто не было возможности грузиться. Сегодня тихо, но и то волны плещутъ о надводныя глыбы ненавистной имъ стѣны. При вѣтрѣ черезъ нея, должно быть, съ грохотомъ перекатывается валъ за валомъ: можно себѣ представить, какъ негостепріимно высматривалъ берегъ до послѣдняго времени въ періодъ юго-западныхъ муссоновъ!

Въ сіамскомъ храмѣ

Усилившееся торговое значеніе Коломбо будетъ не прочно, если инженеры углубятъ и расчистятъ проливъ между оконечностью Индіи и Цейлономъ: тогда все главное океанское движеніе на Востокъ и обратно изберетъ кратчайшій путь, чтобы выиграть по крайней мѣрѣ два дня, и средневѣковая стоянка арабовъ — Каламбу (будто-бы передѣланная португальцами на современный ладъ въ честь знаменитаго Колумба) займетъ второстепенное мѣсто.

Оффиціальный съѣздъ съ фрегата назначенъ въ 4 часа. Раньше чѣмъ передавать свѣдѣнія о немъ и главныхъ послѣдующихъ моментахъ дня, скажу еще между прочимъ хоть два-три слова о прошломъ острова, слывшаго у индусовъ за «Сингаладвипа» (материкъ львовъ), — отчего европейцами и поднесь принято величать туземцевъ словомъ «сингалезы».

Любопытна первоначальная хроника Цейлона, возникновеніе которой относится къ очень давнимъ временамъ. Сказочная окраска событій придаетъ особенный интересъ изложенію ихъ хода и полна намековъ на дѣйствительность уже болѣе историческаго характера.

Островъ издавна именуется «Львинымъ», хотя львовъ на немъ никогда не водилось и само названіе произошло, вѣроятно, лишь вслѣдствіе того, что основатель буддизма, — просвѣтившаго Цейлонъ, — въ числѣ множества прозвищъ имѣлъ прозвище Шакья-Синга (за непоколебимо-мужественное настроеніе) или же, по другому объясненію, въ виду легендарнаго происхожденія Виджаи, — арійскаго выходца, колонизировавшаго островъ. Преданіе гласитъ о дочери одного индійскаго властелина, бѣжавшей изъ родительскаго терема съ цыганами. Въ пустынѣ на таборъ напалъ «царь звѣрей» и дѣвушка ему приглянулась, пошла за нимъ въ его пещеру и у нихъ родились дѣти съ необыкновенными качествами духа и тѣла. Левъ безумно любилъ свою семью, но чувства не были взаимны: при первомъ удобномъ случаѣ семья бѣжала къ людямъ, — а когда звѣрь, тоскуя по своимъ, погнался за ними и сталъ грозою человѣческаго жилья, сынъ льва даже вызвался за богатую награду убить отца. Послѣдній, увидавши свое дорогое дѣтище, почувствовалъ сильнѣйшую радость и до того былъ полонъ добрыхъ намѣреній по отношенію къ сыну, вышедшему его убить, что стрѣлы, которыя послѣдній въ него принялся метать, — не причиняя вреда, отпрядывали отъ львиной шкуры. Но стоило царю звѣрей разсвирѣпѣть и начала добра, охранявшія его, сами собою исчезли: левъ палъ отъ руки сына и умеръ, положа ему голову на колѣни, въ предсмертныя минуты продолжая еще смотрѣть на него и любоваться имъ. Отъ такого-то полузвѣря зародилась династія зиждителей историческаго Цейлона.

Первое, что надо имъ поставить въ заслугу, это — неусыпныя заботы объ его орошеніи.

Цейлонскіе монархи издревле какъ-бы соперничали другъ съ другомъ при заботахъ объ обводненіи края. Цѣлые округа, въ данное время представляющіе собою міазмическій джонгль, встарь отличались цвѣтущимъ состояніемъ, были настоящими житницами, кормили относительно значительное населеніе (свыше пяти милліоновъ). О такого рода плодотворной дѣятельности краснорѣчивѣе всего говорятъ цифры. Царь Пракрама Баху I (12-го вѣка) приказалъ вырыть 1.470 водоемовъ и 534 канала, кромѣ того возобновилъ 2355 старыхъ водоемовъ и 3620 запущенныхъ каналовъ. Эти послѣднія сооруженія существовали уже за 1600 или 1700 лѣтъ до него, являясь результатами энергіи бенгалійцевъ, колонизировавшихъ дивный островъ. Еще и теперь насчитывается до 5000 водоемовъ, служащихъ на пользу земледѣлія и свидѣтельствующихъ о томъ, какъ буддійскіе монархи древности, строго согласно съ духомъ родной религіи, озабочены были дать своему народу-вегетаріанцу больше средствъ для жизни при помощи питательныхъ веществъ, не

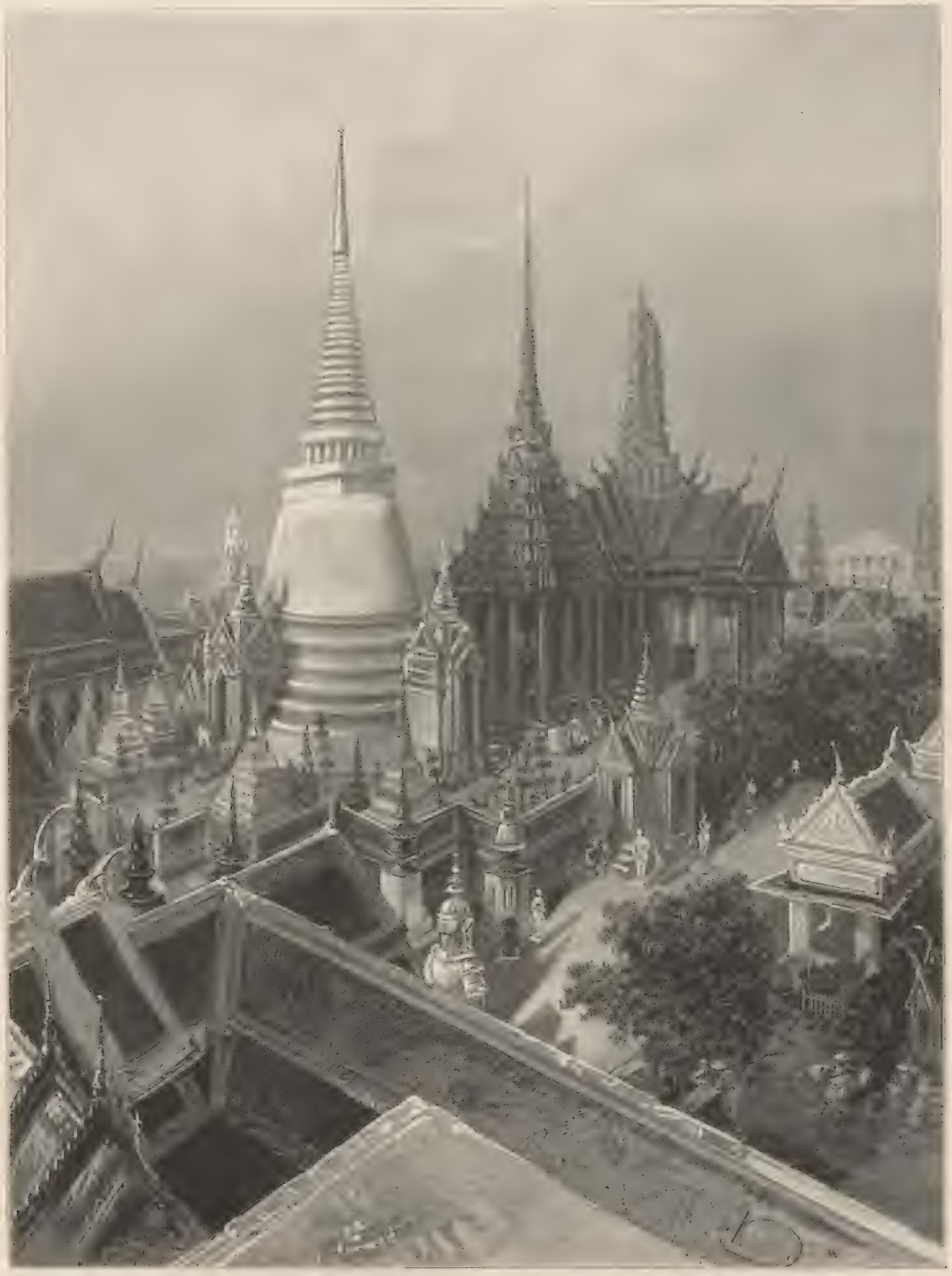
требующихъ кровопролитія. Культура риса развилась здѣсь тогда въ очень крупныхъ размѣрахъ, несмотря на необходимость поддерживать ее сложной ирригаціонной системой. Португальцы ею пренебрегли, голландцы при всемъ своемъ опытѣ достодолжно не воспользовались, англичане воспользовались — но довольно поздно и отмѣнивъ предварительно изъ либерализма стародавній обычай принудительнаго общественнаго труда, — по призыву барабана, — для поддержки оросительныхъ вѣтвей, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ застой и упадокъ смѣнили прежнее благоденствіе. Пришлось, да чуть-ли и не приходится запасаться рисомъ изъ южной Индіи, — а безъ него цейлонцу жизнь — не въ жизнь и онъ страдаетъ лихорадкой. Зачѣмъ же однако столь необходимый продуктъ обложенъ при ввозѣ тяжелой пошлиной?

Британскія власти постепенно дѣлаютъ, что могутъ, для подъема ирригаціи (хотя ⅙ края пока находятся въ запущенномъ состояніи отъ недостатка иниціативы со стороны правительства) и завели съ 80-хъ годовъ земледѣльческія школы съ цѣлью учить поселянъ всему полезному въ ихъ быту: занимающіеся тамъ работаютъ параллельно съ тѣмъ на себя.

ДОРОГА ИЗЪ КОЛОМБО ВЪ КАНДИ.

Къ сожалѣнію, все главное вниманіе англичанъ на Цейлонѣ сосредоточено — какъ, впрочемъ, и вездѣ — на быстрой наживѣ и, при отсутствіи нравственныхъ узъ между правящимъ элементомъ и туземцами, нужды послѣднихъ отчасти остаются на второмъ планѣ. У «бѣлыхъ» въ данную минуту — одна idée fixe: чай, приготовленіе его въ необъятномъ фантастическомъ количествѣ и открытіе для перепроизводства новыхъ рынковъ, между прочимъ: Россіи. Другіе вопросы, менѣе доходные съ точки зрѣнія предпріимчивыхъ плантаторовъ, играютъ незавидную роль. Вотъ почему энергія пришлаго элемента не направлена на пріисканіе средствъ къ подъему общаго благосостоянія островитянъ, а преслѣдуетъ свои временныя цѣли, которыя сегодня сулятъ безумный успѣхъ, завтра же грозятъ разореніемъ.

Арабы ввели кофейныя насажденія на Цейлонѣ, но туземцы до прихода европейцевъ или, — чтобы сказать точнѣе, — голландцевъ не умѣли приготовлять изъ растенія вещества для напитка и довольствовались лишь употребленіемъ листьевъ въ приправу пищѣ, а его нѣжныхъ цвѣтовъ для увѣнчанія алтарей Будды. Въ теченіе всего XVIII вѣка и до 1837 г. на островѣ не было ни одной значительной плантаціи кофе, пока наконецъ прозорливый англичанинъ Boyd Tytler не ввелъ вестъ-индскаго способа обработки почвы. Видя, какъ легко и выгодно заниматься этимъ дѣломъ, цейлонцы вскорѣ стали подражать «бѣлымъ» и въ холмистой части острова, наравнѣ съ настоящими плантаторами, принялись за систе-



ХРАМЪ ИЗУМРУДНАГО БУДДЫ ВЪ БАНГКОКѢ.

матическую культуру растенія. Такъ продолжалось до исхода 60-хъ годовъ, когда ежегодный вывозъ кофе достигъ стоимости 40 милліоновъ рублей и на затрачиваемый капиталъ всякій воздѣлыватель получалъ по 25 процентовъ. Громадное число тамиловъ изъ южной Индіи явилось дешевымъ и драгоцѣннымъ подспорьемъ для англичанъ при расширеніи ими сферы кофейныхъ плантацій, и въ результатѣ все клонилось къ общему благополучію. Но вдругъ на цейлонскія кофейныя плантаціи напалъ врагъ, худшій чѣмъ филоксера для виноградныхъ лозъ. Болѣзнь распространилась незамѣтно-быстро и никакія мѣры не могли пресѣчь ея пагубнаго дѣйствія. Ученый міръ могъ только въ подробностяхъ констатировать загадочность происхожденія и безпощадную силу недуга. Въ концѣ концевъ разоренные плантаторы вынуждены были искать что-нибудь взамѣнъ своихъ прежнихъ надеждъ и остановились на попыткахъ широко развить культуру чая. Бразилія къ тому времени наводнила Европу хорошимъ кофе и потому нужно было заботиться о созданіи другихъ продуктовъ, о завоеваніи другихъ рынковъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ЧАЯ.

Въ данное время кофейныхъ плантацій на островѣ осталось очень мало. Видя, что болѣзнь на нихъ съ тѣхъ поръ уменьшается, ботаники теперь объясняютъ, будто прямыя причины бѣдствія зависѣли отъ захвата слишкомъ обширныхъ районовъ исключительно подъ культуру кофе. Ютившійся на кустарникахъ джонгля отвратительный паразитъ Hemileia vastatrix, нуждаясь въ пищѣ при непомѣрномъ уничтоженіи послѣдняго, пошелъ войною на кофейныя насажденія и, пристрастившись къ нимъ, размножился въ ужасающемъ количествѣ. Такимъ образомъ плантаторы пострадали отъ стремительности своего собственнаго разрушительнаго натиска на растительный міръ. Но вѣрно-ли это?

Погода слегка нахмурилась и накрапывалъ дождь, но затѣмъ — опять ясно. Въ пятомъ часу Августѣйшіе путешественники, подъ громъ салютовъ, приняты у декорированной пристани съ арками. Орнаментомъ въ значительной степени являются фрукты. На видномъ мѣстѣ, среди крытаго прохода на улицу, красуется нарисованный госпожею Мутукистна (женою туземца-чиновника при таможнѣ) портретъ Наслѣдника Цесаревича.

Почетный караулъ выставленъ со знаменемъ и музыкой отъ «Gordon Highlanders». Кромѣ властей встрѣчаютъ консула: германскій, датскій, американскій и италіанскій, а также французскій вице-консулъ.

Ихъ Величества со свитами направляются по красиво убраннымъ (пальмовыми вѣтвями и шелками): «Church Street» и «Queen's Street» въ губернаторскую резиденцію. По дорогѣ, запруженной народомъ (съ массами любопытныхъ на терассахъ и въ окнахъ домовъ) растянуты солдаты того-же шотландскаго полка, за ними — «Gun Lascars» и

ДАГОБА НА ЦЕЙЛОНѢ.

«Ceylon Light Infantry Volunteers». Налицо стянуто чуть-ли не все войско, которымъ Англія располагаетъ на Цейлонѣ.

Изъ дома г. Гавелока Августѣйшіе путешественники вчетверомъ ѣдутъ кататься по городу. Онъ раскинутъ на бо́льшемъ пространствѣ чѣмъ Парижъ, тонетъ въ листвѣ озаренныхъ мягкимъ свѣтомъ красногрунтныхъ аллей, нравится съ перваго же знакомства съ нимъ — именно тѣмъ, что не похожъ на приморскій пунктъ, у котораго проза жизни убила окрестъ ласковую властность природы. Коломбо, несмотря на всю сосредоточенную въ немъ обширную торгово-промышленную дѣятельность острова съ ежегодными оборотами въ десятки милліоновъ рублей, извнѣ составляетъ неотдѣлимую частицу цейлонскаго растительнаго міра съ его ширью, и высью, и густотой: зданія, люди, повозки на

ЦАРСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ БАНГКОКѢ

половину затеряны подъ густою тѣнью деревъ самой внушительной величины, — лѣсъ царитъ здѣсь надъ человѣкомъ, а не послѣдній имъ себя, между прочимъ удобства-ради, окружаетъ. Вещество здѣсь полномочно своею могучею безсознательною жизнью, объемлетъ все и всѣхъ, съ любовной заботой склоняется надъ столь малыми передъ нимъ сознательными существами.

РИСОВЫЯ ПОЛЯ НА ОСТРОВѢ ЯВѢ.

Прибрежное населеніе довольно пестро по одеждѣ и по составу. Трудолюбивые тамилы изъ мадрасскаго президенства, наводнившіе и наводняющіе островъ съ цѣлыми семьями, придаютъ многому знакомый уже по Индіи видъ. Исконные коммерсанты Цейлона — мусульмане (такъ-называемые Moormen, Moors арабской крови) въ затѣйливыхъ соломенныхъ шляпахъ и съ гладко выбритыми словно металлическими по цвѣту головами, — щеголяющіе сравнительно цивилизованной внѣшностью парсы и афганцы среди голыхъ ребятишекъ индо-малайской рассы — туземцы съ окровавленными губами отъ жеванья бетеля, — проворные «кули» (чернорабочіе) съ

тяжелыми ношами въ корзинахъ, остроумно прикрѣпленными къ концамъ длиннаго гибкаго коромысла изъ дерева пальмы Китулъ, — парныя хижинообразныя арбы съ остророгими животными, терпѣливо несущими ярмо . . . . вотъ-что наиболѣе притягиваетъ взоръ европейца, впервые посѣщающаго Цейлонъ . . .

У БУДДИСКАГО ХРАМА ВЪ СІАМѢ.

Пятница, 1 (13) февраля.

Вчера послѣ парад-наго обѣда въ губернаторскомъ домѣ (Queen's House), въ 7 часахъ 45 минутъ, Ихъ Высочества тамъ же провели до $11\frac{1}{2}$ часа вечеръ, на который явилось множество приглашенныхъ (въ томъ числѣ туземцевъ). Нѣкоторые изъ послѣднихъ въ качествѣ вождей были съ медалями и при оружіи. Музыка гремѣла и все вокругъ дворца сіяло огнями иллюминаціи.

Переночевавъ на фрегатѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ направляется утромъ по желѣзной дорогѣ въ глубь острова (въ сопровожденіи Великихъ Князей и Королевича Греческаго, а также сэра Гавелока со свитой). На дебаркадерѣ почетнымъ карауломъ выстроены «Highlanders» и поѣздъ плавно отходитъ подъ звуки «Боже, Царя храни!»

Сперва на разстояніи примѣрно 60—70 верстъ тянется сравнительно болотистая низменность съ блѣдно-зелеными рисовыми полями и нескончаемыми пальмовыми рощами, непосредственно подступающими къ полотну дороги. Большія огненныя бабочки медленно взлетаютъ и теряются средь ихъ плѣнительнаго мрака. Въ избыткѣ жизни подъ лобзаньями солнца край поражаетъ густотой и разнообразіемъ растительности. Нѣтъ-нѣтъ и сверкнетъ уединенный прудъ съ лотосами, надъ которымъ кружатъ бѣлыя птицы. Домашніе черные буйволы, неподвижные здѣсь и тамъ среди ила, кажутся частицами тучной и влажной почвы.

ХРАМЪ СІАМСКАГО КОРОЛЯ ВЪ БАНГ-ПА-ИНѢ.

Путь въ Канди, стоившій большихъ затратъ и даже человѣческихъ жертвъ отъ убійственнаго климата (въ такъ-называемой долинѣ «Тѣни мертвыхъ»), вообще прорѣзаетъ пространство съ историческимъ прошлымъ: арену борьбы нагорнаго Цейлона съ наступавшими на него съ побережья пришлыми элементами, начиная съ героя Рамы и тамильскихъ завоевателей до европейцевъ включительно, которымъ страна крѣпко приглянулась среди полуденныхъ морей какъ оазисъ въ пескахъ пустыни.

Деревянныя и кирпичныя станціи (Келанія, Махара, Хенаратгода, Мирригама, Амбепусса и т. д.) съ босоногими желѣзнодорожными служащими въ синемъ съ красными кушаками, — толстые и короткіе столбы этихъ незатѣйливыхъ построекъ съ овладѣвшими каждымъ фасадомъ ползучими растеніями и цвѣтами, — золотистое одѣяніе бонзъ съ обнаженнымъ правымъ плечомъ, безобразно большими ушами и сбритыми бровями, — алыя чалмы иныхъ туземцевъ семитическаго типа, — совокупность очертаній и красокъ сливается въ гармоничное цѣлое! . .

НА СТРАЖѢ У СІАМСКОЙ «СВЯТЫНИ»

Движеніе по линіи довольно медленно: какихъ-нибудь 30—35 верстъ въ часъ! Тѣмъ легче и пріятнѣе озирать любопытную окрестность. Вотъ она становится гористѣе, разнообразнѣе, причудливѣе по освѣщенію и живописному фону. Черный гранитъ мѣстами по сторонамъ смѣняется сѣрыми выступами скалъ; настоящіе соборы зелени высятся изъ впадинъ между величаво выростающими холмами; изъ-за кофейныхъ кустовъ виднѣются коричневыя кровли хижинъ; маленькіе каскады серебрятся около тропинокъ тонущихъ въ зыбкой и радужной листвѣ, гдѣ нѣтъ-нѣтъ и промелькнетъ «свѣтлая» обезьянка; бамбуки съ мерцающими въ тѣни ярко-желтыми стволами распускаются гигантскими букетами надъ зеркальнымъ лономъ затерянныхъ въ чащѣ водъ; дорога же въ Канди смѣлымъ трасомъ стремится въ гору, извивается вдоль отвѣсныхъ обрывовъ, —

изъ которыхъ на встрѣчу тянется дѣвственный лѣсъ, — проникаетъ сквозь утесы, нагроможденные безпорядочными грудами, — подымается по кручамъ отъ станціи Рамбуканы въ область безподобныхъ по красотѣ пейзажей, обрамленныхъ синѣющей далью болѣе рѣзкихъ по формѣ и довольно нагихъ хребтовъ, которые достигаютъ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Одинъ похожъ на громаднѣйшую книгу и прозванъ «Bible Mountain», другой «Утуванканда» (за глубокою зеленою долиною Диканда) изгорбленъ точно верблюдъ, третій — ближайшій (Алагалла) извѣстенъ воспоминаніями о томъ, что кандійскіе цари сбрасывали съ него въ пропасть провинившихся подданныхъ и т. д.

Терассами спускаются съ ближайшихъ къ намъ высотъ искусно орошенныя рисовыя поля, — затѣмъ начинаютъ попадаться чайныя плантаціи...

Кульминаціоннымъ пунктомъ подъема на рельсовомъ пути является такъ-называемый «Sensation Rock» (собственно «перевалъ Кадуганава»): миновавъ рядъ довольно замѣчательныхъ тунелей, поѣздъ идетъ по краю страшной бездны, т. е. каймами прямо низвергающейся гнейсовой стѣны безъ признака растительности, которая однако тутъ положительно не пропускаетъ ни одного камня, чтобы не пустить корней и нарядными оранжевыми фестонами не повиснуть затѣмъ надъ бездной... Знаніе инженеровъ побѣдило природную относительную неприступность внутренняго Цейлона: за то постройка обошлась въ 17 милліоновъ рублей, т. е. по 140,000 съ версты!

Линія начинаетъ спускаться къ Peradeнiи. Такъ какъ сегодня и завтра придется непосредственно соприкоснуться съ живымъ культомъ Шакья-Муни на островѣ, — то кстати сказать два-три слова не столько о положеніи этой религіи въ странѣ, — о чемъ будетъ рѣчь потомъ, — сколько о тѣхъ нравственныхъ принципахъ, которые положены были въ основу ея и обусловили необычайный успѣхъ буддизма на Востокѣ. Говорить о нихъ in extenso безполезно. Важно оттѣнить характернѣйшія черты, въ связи съ общностью ихъ у всѣхъ народовъ земли, куда проникла проповѣдь «царевича-мудреца».

Президентъ теософическаго общества Олькотъ за послѣднее время энергично задался идеей найдти объединяющія духовныя звенья между краями, гдѣ Шакья-Муни чтится какъ божество. Съ этой цѣлью онъ объѣзжаетъ разныя страны Азіи, заводитъ знакомства съ первенствующими и прозорливѣйшими мѣстными жрецами, намѣчаетъ съ ихъ словъ и по собственному разумѣнію извѣстнаго рода credo для буддистовъ цѣлаго міра. Все несущественное, обрядовое, наносное и чисто случайное отстраняется: красною нитью должно проходить передъ ихъ глазами для утвержденія и признанія лишь главнѣйшее и неотъемлемое отъ роднаго «ученія». Такими путями постепенно можетъ выясниться многое изъ религіозныхъ особенностей Азіи, нагляднѣе предстанутъ вѣрованія сотенъ милліоновъ, обнажится душа эпохи, когда послѣднія создавались и «глаголомъ жгли сердца людей».

Въ Японіи, Бирмѣ, Читтагонгѣ и на Цейлонѣ программа Олькота и принятыя имъ 14 коренныхъ положеній уже одобрены. Ему остается ждать отвѣта, какъ посмотрятъ на его новшества въ дѣлѣ скрѣпленія родственныхъ по духу узъ Сіамъ и Камбоджа, Застѣнный Китай, Корея и Тибетъ. Что касается до послѣдняго, а значитъ и до Монголіи, до бурятъ и калмыковъ, — то мысли сподвижника Блаватской тамъ несомнѣнно встрѣтятъ сочувствіе и вниманіе.

Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ данную минуту представляетъ интересъ для иниціаторовъ движенія: дѣйствительно-ли нижеизложенное составляетъ 14 основныхъ истинъ, признаваемыхъ буддистами всего міра?

ВИДЪ НА БАНГКОКЪ СЪ ЗОЛОТОЙ ГОРЫ.

I) Надо относиться съ одинаковой терпимостью, незлобивостью и братскою любовью ко всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, а также съ полнымъ милосердіемъ ко всякаго рода тварямъ;

II) Міръ не созданъ, но самозарожденъ и развивается въ силу извѣстныхъ законовъ;

III) Будды («просвѣтленныя» существа) неоднократно нисходили для проповѣди на землю по прошествіи нѣкоторыхъ значительныхъ періодовъ времени (такъ-называемыхъ «кальпа»):

IV) Въ данномъ періодѣ четвертымъ «учителемъ» признается Шакья-Муни или Готама Будда, рожденный въ одной индійской царственной семьѣ около 2500 лѣтъ до насъ. Его слѣдуетъ считать за лице историческое. Имя ему было Сидхарта Готама;

V) Шакья-Муни училъ, что невѣдѣніемъ обусловлено желаніе. Неудовлетворенное желаніе служитъ причиной новаго рожденія, — оно же есть источникъ скорби. Дабы этой послѣдней не существовало, нужно избѣгнуть возрожденія, — для чего требуется смирить желанья: подобнымъ укрощеніемъ духа въ свою очередь вызывается знаніе высшаго порядка;

КОРЕННОЙ ЖИТЕЛЬ ЦЕЙЛОНА
ДИКАРЬ ВЕДДА

VI) Вѣра въ неизбѣжность душепереселенія объясняется узкостью умственнаго кругозора. Когда онъ расширяется, человѣкъ убѣждается въ ничтожности каждаго возрожденія и въ необходимости повести такой образъ жизни, чтобы оно не повторилось. Отъ невѣдѣнія проистекаютъ обманчивыя и неосновательныя мысли, будто за смертью уже нѣтъ ничего или будто затѣмъ насъ ждутъ: кого — вѣчное блаженство, кого — вѣчное мученіе;

VII) Люди перестаютъ заблуждаться, неукоснительно «творя любовь» ко всему живущему, развивая умъ, достигая мудрости, уничтожая въ себѣ потребность къ удовлетворенію низшихъ эгоистическихъ страстей;

VIII) Такъ какъ жажда жизни обусловливаетъ возрожденіе, — ее нужно утолить и тогда не возродишься. Человѣкъ же путемъ созерцанія способенъ дойдти до крайней степени покоя, опредѣляемой названіемъ «Нирваны»;

IX) Шакья-Муни училъ, что невѣдѣніе можно разсѣять, а также упразднить скорбь, если только познаешь четыре «благородныя» истины, именно:

1) бѣдственность бытія;
2) причину, ее вызывающую, т. е. ненасытное желаніе удовлетворить свои эгоистическія побужденія и неисполнимость этого стремленія;
3) искорененіе его или точнѣе отчужденіе себя отъ всего подобнаго;
4) способы достигнуть такой нравственной свободы.

Ихъ — восемь и кто имъ слѣдуетъ, — идетъ по восьми стезямъ добродѣтели, т. е. истинно вѣритъ, истинно думаетъ, истинно говоритъ, истинно поступаетъ, правильно устраиваетъ всю свою практическую жизнь, въ мѣру напрягаетъ свои силы, согласно съ истиной вспоминаетъ прошедшее, праведно наконецъ созерцаетъ;

ЛОВЛЯ ЦЕЙЛОНСКИХЪ СЛОНОВЪ.

X) Послѣднее состояніе духа ведетъ къ высшему просвѣтленію и способно развить въ каждомъ человѣкѣ типичныя качества Будды, присущія любому изъ насъ;

XI) «Татагата» (Будда), т. е. «являющійся и исчезающій подобно своимъ предшественникамъ» въ общемъ преподалъ, что надо перестать грѣшить, сдѣлаться добродѣтельнымъ, очистить сердце отъ скверны;

XII) Событія въ мірѣ опредѣляются «закономъ дѣлъ» (карма). Всякій самъ себя вызываетъ къ новому бытію, слагающемуся соотвѣтственно съ добрыми и дурными поступками въ прежнихъ существованіяхъ. Мы обусловили раньше своею волей все то, что переживается нами теперь;

ПАРАДЪ ВЪ САЙГОНѢ.

XIII) Благотворность, успѣшность «кармы» зависитъ отъ соблюденія слѣдующихъ нравственныхъ предписаній буддизма:

1) не убій,
2) не укради,
3) не прелюбодѣйствуй, или точнѣе воздерживайся отъ недозволенныхъ половыхъ сношеній.
4) не лги.
5) остерегайся опьяняющихъ напитковъ;

XIV) Долгъ родителей — заботиться объ образованіи дѣтей: буддизмъ — врагъ суевѣрія и заблужденія. Только согласное съ разумомъ допускаетъ Татагата, — на какой бы другой авторитетъ абсурды ни старались опереться (будь то изреченія великихъ мудрецовъ или голосъ преданія).

Двадцать минутъ перваго. До Канди осталось всего 6—7 верстъ: за близкой горной рѣкой уже начинаются утопающія въ зелени предмѣстья города. Ихъ Высочества проходятъ пѣшкомъ со станціи Peраденіи къ сосѣдней съ нею значительной чайной факторіи, чтобы посмотрѣть на работы по просушкѣ и упаковкѣ чая. Культура послѣдняго, за которую только пробовали взяться голландцы, привита менѣе вѣка назадъ: одними плантаторами — китайское растеніе, другими же болѣе прозорливыми — ассамское (съ настоящей родины его). Оно превосходно акклиматизируется какъ на низменныхъ, такъ и на возвышенныхъ мѣстахъ, однако на первыхъ пахучѣе и сочнѣе.

Надъ собираніемъ въ корзины молодыхъ и преимущественно годныхъ для приготовленія стеблей трудятся наемники и наемницы изъ южной Индіи, прибывающіе сюда на плантаціи положительно за кускомъ хлѣба и съ мыслью накопить здѣсь хоть сколько-нибудь денегъ для дальнѣйшей борьбы дома съ непосильною подчасъ нуждой. Могучіе тамилы, когда-то (со временъ Рамы) избиравшіе Цейлонъ цѣлью походовъ, и теперь притекаютъ толпами на островъ за относительной наживой, — но уже въ видѣ батраковъ, руководимыхъ какъ настоящее стадо вожаками типа Zigeunerbaron'овъ.

Листья сначала сушатся въ жаркихъ комнатахъ, скатываются затѣмъ на машинахъ особой конструкціи, выжимающихъ сокъ, и подвергаются броженію, — отчего мѣняютъ свой натуральный цвѣтъ на мѣднозеленый. Подъ конецъ, до того чтобы приступить къ сортировкѣ чая, его еще пропускаютъ черезъ паръ металлическаго сушильнаго прибора.

Осмотрѣвъ факторію, — принадлежащую «Ceylon Land and Produce Company», Ихъ Высочества возвращаются на декорированную станцію, чтобы въ экипажахъ отправиться въ Ботаническій садъ. Отъ многочисленной группы европейцевъ, собравшихся у желѣзной дороги, отдѣляется миссъ Evelyn Willenberg и подноситъ Наслѣднику Цесаревичу роскошный букетъ розъ отъ лица присутствующихъ дамъ.

Около часа пополудни Августѣйшіе путешественники уже въѣзжаютъ въ красивыя аллеи паркообразныхъ пераденійскихъ «Royal Botanical Gardens», раскинутыхъ на берегу быстрой Махавели-Ганга, съ трехъ сторонъ огибающей этотъ райскій уголокъ, который лѣтъ семьдесятъ отданъ правительствомъ въ вѣдѣніе ботаниковъ, но раньше составлялъ незатѣйливый цвѣтникъ для алтаря и плодникъ братіи маленькаго буддійскаго храма.

За каменной оградой и двойными желѣзными воротами, — у которыхъ незримо воркуютъ голуби, — открывается цѣлый міръ растительной мощи тропиковъ. На густомъ покровѣ зелени ярко выступаютъ какія-то фіолетовыя и темнокрасныя пятна. Гвинейскія

масляныя пальмы (Elaeis Guineensis), съ очень толстымъ стволомъ и длинными перистыми листьями, у входа въ садъ смѣняются стройными пальмами съ острова Кубы, мѣстными уроженками «зонтичными пальмами» (Talipot), пальмами-карликами, опахаловидными саговыми малайскими и сѣверо-американскими пальмами (Palmetto), кокосами, бананами, смоковницами, «каучуковыми», «камфорными», «хлѣбными», и «хинными» деревьями. Сѣрые, свѣтлокоричневые и желтые стволы, — корни исполиновъ, расползающiеся цѣпкою ратью змѣй, — душистыя орхидеи, въ сладкой нѣгѣ застывающiя среди нихъ надъ кормилицей-землей, — странные плоды съ голову взрослаго человѣка, совершенно зеленые апельсины и папоротники, — все это попадается на глаза чуть-ли не рядомъ и производитъ въ душѣ непривычнаго сѣверянина амальгаму самыхъ тонкихъ по качеству впечатлѣнiй: да, эта цейлонская флора — чудодѣйка! Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ на сравнительно тѣсномъ пространствѣ стольких разновидностей растительной жизни . . . Блестящiя ящерицы и жуки, — рыжеватыя и лисьеголовыя летучiя мыши, прицѣпившiяся къ листвѣ — полосатыя бѣлочки, перепрыгивающiя съ одного древеснаго титана въ глубь вѣтвей сосѣда, — заманчивыя ступенчатыя дорожки, уклоняющiяся отъ черезчуръ правильныхъ аллей къ лону матери природы, — вотъ она мирно развившаяся Перадения!

Достойный преемникъ управлявшихъ передъ тѣмъ выдающихся по знанiю и трудолюбiю ботаниковъ, ученый директоръ сада д-ръ Генри Тrименъ показываетъ его достопримѣчательности Ихъ Высочествамъ. Передъ тѣмъ какъ покинуть послѣднiй, Августѣйшiе путешественники сажаютъ на память по дереву: Наслѣдникъ Цесаревичъ — «желѣзное дерево» (по туземному: «на» или «нахара», иначе: Mesua ferrea), отличающееся красотой формы, нѣжнымъ запахомъ цвѣтовъ и своей прочностью для подѣлокъ.

Въ исходѣ втораго Августѣйшiе путешественники приближаются къ старому политическому центру острова. Лишенный всякаго внѣшняго величiя и довольно ничтожный по размѣрамъ городъ Канди на первыхъ порахъ даже слегка разочаровываетъ. Новенькiе домики, прямолинейныя улицы, европейцы-волонтеры у зданiя Почты . . . развѣ это нагорная столица и относительно недавнiй очагъ враждебныхъ думъ и чувствъ по отношенiю къ Западу? Экипажи Великихъ Князей проѣзжаютъ по «Ward Street», «Bund Road», «Victoria Esplanade» и «Church Street» къ такъ-называемому «Павильону» губернаторовъ, гдѣ предположено прогостить до слѣдующаго дня. Почетный караулъ выстроенъ отъ знакомыхъ по Коломбо «Highlanders». Выдающiеся по социальному положенiю туземцы и полуголые вожди въ живописной по складкамъ плащей одеждѣ, съ широкополыми шляпами

ГЕНІИ ОХОТЫ У АННАМИТОВЪ.

крайне неестественнаго покроя, сгруппированы при входѣ въ правительственную резиденцію, расположенную среди прелестныхъ садовъ у подножія холма (изъ гряды ему подобныхъ, опоясывающихъ болѣе низменную окрестность).

Послѣ короткой предвечерней прогулки и оффиціальнаго поздняго обѣда Ихъ Высочества отправляются посмотрѣть на процессію (Перахера) религіознаго характера, которая обыкновенно устраивается для народа или точнѣе жречествомъ для самого себя и вождей въ іюлѣ мѣсяцѣ, но сегодня экстренно организована въ честь Гостей съ Сѣвера. Зрѣлище — безспорно любопытнаго свойства и понятно, почему принцъ Уэльскій просилъ его повторить, запоминая оригинальныя подробности шествія. Оно — чисто индійскаго и притомъ буддійскаго происхожденія, будучи заимствовано изъ джаганнатскаго храма въ Пури у Бенгальскаго залива, гдѣ нѣкогда процвѣтала вѣра Шакья-Муни и культъ мощей, —

ТУЗЕМНАЯ МЕЧЕТЬ НА ЯВѢ.

празднество же, о которомъ идетъ рѣчь, посвящено именно торжественному передвиженію *Зуба* «учителя». На камняхъ Бхархутской ступы изваяна, между прочимъ, современная по деталямъ слоновая процессія во славу ковчежца съ останками Будды.

Скоро десять. Немного раньше, какъ говорятъ, картина была бы ярче, въ виду бо̀льшаго числа огней, которые постепенно меркли въ ожиданіи начала дѣйствія.

Въ полумракѣ различаешь примолкшую толпу, со вкрапленными въ нее европейцами: вотъ загудѣли унылые рога, запѣли кимвалы, запищали флейты, забили тамъ-тамы, заискрились наконецъ красноватымъ отблескомъ факелы длиннаго кортежа, — степенно выступившаго по направленію къ Именитымъ Посѣтителямъ, взирающимъ на Перахеру съ башенки — книгохранилища при кумирнѣ Малигава.

Мѣстные разодѣтые главари со значками-щитами, бритое духовенство, приплясывающіе и кривляющіеся чертопоклонники (Каттадія) въ украшеніяхъ-побрякушкахъ, богато убранные попонами и бляхами слоны (числомъ отъ тридцати до сорока) подъ балдахинами

на спинѣ для увѣнчанія поставленныхъ на нее предметовъ служенія, — вся эта масса колышется во мглѣ и медленно проходитъ мимо Ихъ Высочествъ.

ЦАРСКІЯ ПАГОДЫ ВЪ СІАМѢ.

Особенно бросается въ глаза одинъ четвероногій гигантъ съ рѣдкими для цейлонской породы клыками, — которые ему еще украсили крупными мѣдными оправами, — съ

ПРІЕМЪ ВЪ КАНТОНѢ.

перьями и краснымъ сукномъ на головѣ, съ гармонично позванивающими кольчиками: въ отличіе отъ другихъ животныхъ, никто на немъ не сидитъ, — два вожака лишь и два слона поменьше идутъ по сторонамъ избранника, несущаго колоколообразный драгоцѣнный сосудъ (Карандава), гдѣ помѣщается «зубъ Будды».

Встарь эти процессіи, кромѣ прямой религіозной цѣли, имѣли также и ту, чтобы великолѣпіемъ ихъ порадовать и почтить обожествляемаго царя, — которому подданные прощали всякую несправедливость, за тяжкіе грѣхи котораго они скорбно молились и постились, самый прахъ коего послѣ сожженія отдавали человѣку въ черной маскѣ, чтобы онъ его везъ по мутной рѣкѣ Махавели и развѣялъ по вѣтру.

Осѣненные «бѣлымъ зонтомъ» властелины острова, довольно поздно создавшіе себѣ столицу изъ Канди, устроились въ ней, правда, гораздо хуже и бѣднѣе прежнихъ повелителей, — подъ чьею эгидой цвѣлъ Цейлонъ; но и послѣдніе хозяева нагорнаго края сравнительно долго умѣли продержаться на извѣстнаго рода высотѣ могущества: такъ, напр. питая глубокую ненависть къ европейцамъ, будто-бы «пьющимъ кровь и питающимся *бѣлыми* камнями», король Раджа Синга не постѣснился въ 1679 г. безпричинно и безнаказанно избить голландское посольство, привезшее ему для потѣхи его любимыхъ птицъ (соколовъ съ малабарскаго берега и боевыхъ пѣтуховъ изъ Тутикорина), не постѣснился тогда же морить въ тяжкомъ заточеніи терпѣвшихъ крушеніе англичанъ и высѣчь свиту французскаго посла за то, что послѣдній, вопреки этикету, верхомъ попытался доѣхать до дворца. Въ ту пору и колонизаторы по нравственнымъ качествамъ стоили цейлонскихъ деспотовъ: суровые голландцы, колесовавшіе въ Батавіи за честолюбивые замыслы одного изъ своихъ губернаторовъ Коломбо, параллельно снаряжали здѣшнимъ буддистамъ суда для доставки съ индо-китайскихъ побережій болѣе свѣдущаго въ вопросахъ религіи духовенства. Кстати, надо замѣтить: связь послѣдователей Шакья-Муни на островѣ Ланкѣ съ единовѣрнымъ Востокомъ (по временамъ даже съ весьма отдаленнымъ) поддерживалась искони: путями сообщенія служилъ не только океанъ, а являлась и суша. Многіе цейлонцы ходили въ Китай черезъ Гималаи, неся богдыханамъ: рѣдчайшіе аметисты, сапфиры и рубины, наконецъ

НА ЦЕЙЛОНСКОЙ ЧАЙНОЙ ФАКТОРІИ.

У СІАМСКОЙ КУМИРНИ.

изящнѣйшіе на свѣтѣ кумиры «бога-учителя». Иногда нужно было потратить десять лѣтъ на дорогу туда!

Средніе вѣка, по видимому, усилили подобное сознаніе внутренняго сродства между политически чуждыми странами, гдѣ привился культъ Будды. Между тѣмъ теперь взаимодѣйствіе ихъ въ упадкѣ. Когда-то кашмирцы преподавали сингалезамъ азбуку своего религіознаго искусства. Въ данную минуту тамъ на сѣверѣ отчасти забыто и оно, но совершенно утрачены реальныя представленія о знакомомъ съ древности югѣ. Глава моравской миссіи въ Ладакѣ г. Вебберъ почему-то нашелъ нужнымъ недавно написать для туземцевъ цѣлую книжку о настоящемъ положеніи Цейлона; однако по моему еще — вопросъ, есть-ли дѣйствительная потребность у нихъ знать грустную истину о паденіи легендарнаго прошлаго на полумиѳическомъ островѣ.

Суббота, 2 (14) февраля.

Кандійское озеро, созданное въ XIX столѣтіи послѣднимъ властелиномъ, мерцаетъ въ лучахъ утра сумрачною гладью окаймленныхъ зеленью водъ. Ихъ Высочества направляются къ прибрежному храму, чтобы посмотрѣть на диковинный и незримый для простыхъ смертныхъ «зубъ Шакья-Муни». Хранящее его капище въ архитектурномъ отношеніи мало интересно, воздвигнуто при помощи плѣнныхъ португальцевъ и характерно лишь по стѣнной живописи, изображающей мученія въ аду. Благовонія наполняютъ воздухъ кумирни, фигуры «царевича-мудреца» выдѣляются надъ утопающими въ цвѣтахъ алтарями, сѣдые монахи съ благоговѣніемъ вынимаютъ изъ нѣсколькихъ все уменьшающихся и вставленныхъ другъ въ друга сосудовъ palladium Цейлона: нечеловѣческій клыкъ, вправленный въ лепестки золотаго лотоса. Вмѣщающіе его ковчежцы сдѣланы изъ того же металла, увѣшены нитями драгоцѣнностей, имѣютъ форму колокола и напоминаютъ повсемѣстно существующіе памятники буддизма (отъ сибирскаго Сѣвера до Явы), такъ-называемые монгольскіе «субурганы», «ступы» древней Индіи и «дагобы» цейлонскихъ ревнителей, т. е. сооруженія изъ различнаго матеріала и самой различной величины (отъ почти миніатюрныхъ для домашнихъ жертвенниковъ до гигантскихъ и подавляющихъ великолѣпіемъ орнамента). Какой-то досужій англичанинъ вычислилъ, что изъ камней одной цейлонской дагобы можно сложить стѣну въ полторы сажени высоты, на разстояніи отъ Эдинбурга до Лондона!

КАНТОНЪ.

Кто только изъ туристовъ ни смѣялся надъ вѣчно почти незримымъ религіознымъ сокровищемъ Канди, — страннымъ «зубомъ» (далада), занесеннымъ на островъ изъ сравнительно дальней Ориссы, увозившимся съ бою обратно на материкъ браманистами, снова побѣдно возвращавшимся сюда въ центральныя старыя столицы? . . При знаменитомъ чингисханидѣ Кублай-ханѣ велись тщетные переговоры объ уступкѣ ему этой буддійской «святыни». Въ началѣ XV вѣка цейлонцы провинились передъ Небесной имперіей и за это ихъ покарало спеціально снаряженное китайское войско: въ числѣ богатыхъ трофеевъ, отправленныхъ въ Нанкинъ участниками безпримѣрнаго въ своемъ родѣ морскаго похода находился будто-бы и пресловутый клыкъ. Одноименную или тождественную съ нимъ драгоцѣнность португальцы захватили однако потомъ на Цейлонѣ. Индо-бирманскіе буддисты заволновались и послали въ Гоа выкупить ее. Горевавшіе отъ безденежья «лузитанскіе доны» (къ слову сказать, продававшіе чванливымъ сингалезамъ дворянскій титулъ по очень дешевой цѣнѣ) порадовались предложенію, но духовенство съ инквизиторами во главѣ наотрѣзъ отказало потворствовать языческимъ бреднямъ и въ торжественномъ ауто-да-фэ сожгло ненавистный ему предметъ чужаго поклоненія. Въ результатѣ получилось слѣдующее: цейлонцы признали фактъ плѣненія и уничтоженія «подлиннаго зуба» вымысломъ, пали ницъ передъ новоявленнымъ и квази-настоящимъ, продали даже еще другой совершенно аналогичный съ нимъ въ область Пэгу на рубежахъ Индо-Китая. Вѣра остается непошатнувшейся: восточному человѣку историческія доказательства ничего ровно не говорятъ, — убѣдительна для него одна сила чувства, могучимъ токомъ проникающая толпу, заставляя ее бѣжать сомнѣнья, безусловно уповать и пламенно молиться.

СІАМСКАЯ КУМИРНЯ

На лицѣ монаховъ-хранителей «далады» играетъ добрая улыбка, но вообще у нихъ въ чертахъ разлиты скорѣе грусть и покорность судьбѣ. Дни славы и могущества кумирни Малигава, а въ связи съ этимъ и жречества, миновали: очень крупное недвижимое имущество, даръ царей монастырямъ чуть-ли не съ незапамятныхъ временъ, подлежитъ конфискаціи на пользу народнаго образованія въ краѣ, — хотя религіозные центры именно-то

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ ВЪ СІАМѢ.

и служили издревле интересамъ просвѣщенія, годнаго для туземцевъ. Въ эпоху процвѣтанія буддизма на Цейлонѣ, когда властители ставили духовныхъ наставниковъ въ желтомъ одѣяніи превыше всего на свѣтѣ, среди нихъ еще царило соревнованіе: школы держались различнаго богословскаго направленія (между прочимъ сіамскаго), подъ вліяніемъ постоянныхъ военно-политическихъ и бытовыхъ соприкосновеній съ Мадурой и Танджоромъ воспринимали шиванто-вишнуитскую еретическую окраску и т. д. Но тогда по крайней мѣрѣ этотъ міръ жилъ и боролся орудіемъ знанія. Съ тѣхъ поръ люди и обстоятельства

ГОНКОНГСКІЙ РЕЙДЪ.

измѣнились. Никто не подвергаетъ мукамъ и не преслѣдуетъ мѣстное жречество, какъ бывало изрѣдка при наиболѣе своевольныхъ и жестокихъ правителяхъ, — параллельно же, съ присущей индійскому Востоку вѣротерпимостью, подъ наплывомъ иноземныхъ понятій и религіозныхъ взглядовъ падаетъ значеніе старой обрядности, завѣтной книжной премудрости, меркнетъ наконецъ самый блескъ нѣкогда священныхъ преданій. Незлобивы по отношенію къ иновѣрцамъ сингалезы были давно: вопросы убѣжденій и совѣсти въ истинныхъ буддистахъ не должны вызывать ни слѣпой приверженности, ни вражды. Несторіане и гонимые шии-

ФРУКТЫ НА ЯВѢ.

ты тысячу лѣтъ тому назадъ, язычники съ близкаго материка при бѣшеномъ натискѣ ислама, тѣснимые голландцами католики-туземцы съ побережій, — всякій поочередно находилъ внутри острова убѣжище и привѣтъ. Въ 1845 г. въ одномъ изъ мѣстныхъ округовъ убило молніей нѣкоего любимаго туземцами капитана Роджерса: буддисты рѣшили ознаменовать память о немъ сооруженіемъ небольшаго христіанскаго храма!

Передъ тѣмъ какъ покинуть Канди Августѣйшіе путешественники совершаютъ еще прелестную прогулку по оригинальной дорогѣ, которая зигзагами бѣжитъ вокругъ мирно дремлющаго озера. Каскады зелени спускаются по направленію къ ней съ кудрявыхъ окрестныхъ холмовъ. Любой поворотъ, любой скатъ къ водѣ — полны поэзіи. Среди лона влаги виднѣется островочекъ, гдѣ прежніе цари держали взаперти, а по временамъ и казнили ревнуемыхъ женъ первобытными способами. По народному вѣрованію утопленницы здѣсь и понынѣ не находятъ покоя, ищутъ жертвъ и ежегодно будто-бы находятъ; ибо берега топки, а тихая озерная гладь алчнѣе бездны . . .

ДОРОГА ВЪ КАНДИ.

Въ 10 часовъ 40 минутъ утра Ихъ Высочества покидаютъ въ экстренномъ поѣздѣ красиво декорированный туземцами мѣстный вокзалъ (съ гирляндами изъ нѣжныхъ листьевъ кокоса и съ надписями: «Welcome to the Royal Visitors», «Long live H. I. H. the Czarewitsch») и направляются на югъ: выше, въ горы. Линія у станцій Галбода и Ватавала окаймлена молодыми недавно расчищенными чайными плантаціями: уродливо обнажена грудь холмовъ, лежатъ и гніютъ поваленныя деревья, чернѣютъ обугленные пни . . .

На станціи Гаттонъ (съ изящной металлической верандой и аркою, перекинутой черезъ рельсовый путь), въ 20 минутъ втораго часа пополудни, опять ждутъ экипажи для посѣщенія недалеко отстоящихъ скачекъ Дарравелла (за $3^1/_2$ верстъ). Ипподромъ и клубъ организующаго ихъ общества празднично убраны. Августѣйшіе путешественники привѣтствуются звуками гимновъ (русскаго, греческаго и англійскаго). Зрители-европейцы въ числѣ 300 человѣкъ (преимущественно плантаторы) почтительно обнажаютъ передъ Ними головы. Затѣмъ пестрятъ еще толпы туземцевъ, между которыми едва-ли не преобладаетъ тамильскій элементъ (довольно жалкіе и тощіе съ виду люди, въ рабскихъ условіяхъ коротающіе среди нагорнаго Цейлона свой вѣкъ, — изнемогая съ одной стороны

ПРИСТАНЬ ВЪ ГОНКОНГѢ.

отъ задолженности за провозъ сюда изъ Индіи и отъ значительныхъ мѣстныхъ цѣнъ на предметы первой необходимости, которые, вдобавокъ, покупаются обязательно на самой подрядившей рабочаго плантаціи, — а кромѣ того страдая и отъ климата, нерѣдко вызывающаго на возвышенностяхъ жестокія простуды и чахотку). Темное населеніе, по отзыву газетъ, жаждетъ взглянуть поближе на «Рушія Кумарайя» (Русскаго Престолонаслѣдника).

Скаковой кругъ очень малъ. Изъ лошадей отличается, по странной случайности, «Донъ».

ИЗЪ СОКРОВИЩНИЦЫ СІАМСКАГО КОРОЛЯ.

Пробывши на ипподромѣ около часа, Ихъ Высочества удостоиваютъ посѣтить зданіе дарравелльскаго клуба и отправляются дальше со станціи Гаттонъ на станцію Нану-ойя. Дорога безконечными поворотами (мимо раззоренныхъ кофейныхъ насажденій) тянется живописными ущельями и постепенно достигаетъ, идя впередъ спиралью, болѣе пяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. По временамъ полотно пути бѣлѣетъ прямо надъ каймой обрыва: вагоны точно висятъ на воздухѣ среди скалъ. Яснѣе и яснѣе обрисовываются самая большая гора Педроталлагалла и Адамовъ пикъ мусульманскаго преданія, столь же знаменитый и столь же овѣянный легендой у буддистовъ, у браманистовъ, даже у христіанъ. Послѣдніе, составляющіе на Цейлонѣ множество преимущественно католическихъ общинъ, думаютъ, будто пресловутая вершина сохраняетъ слѣды колѣнъ

молившагося тамъ Апостола Θомы, — сингалезы считаютъ ее освященною стопами своего «учителя», а индусы — Шивы.

Природа окрестъ замѣтно измѣнилась. Пальмы и смѣнившіе ихъ бананы уступили мѣсто могучимъ зарослямъ алоэ. Ландшафты принимаютъ шотландскій оттѣнокъ. На первый взглядъ чудится, что міръ тропиковъ кончился и поѣздъ идетъ по западно-европейской возвышенной странѣ. Въ шестомъ часу вечера Августѣйшіе путешественники въ экипажахъ направляются изъ городка Нану-ойя за 7 верстъ,

БЕТЕНЗОРГСКІЙ ДВОРЕЦЪ НА ЯВѢ

на гористое плато «Нувара-Элія» (царскій очагъ свѣта), обрамленное нелюдимыми хребтами. Здѣсь не было встарь туземнаго жилья. Кромѣ богомольцевъ, отшельниковъ и бѣглецовъ (между прочимъ кандійскихъ правителей въ эпоху несчастной борьбы съ «бѣлыми» пришельцами) сюда никто не всходилъ, хотя мѣстность до тонкости изучена была сосѣднимъ населеніемъ. Лишь въ 20-хъ годахъ открыли ее британскіе офицеры-охотники, и слава о ней сразу прогремѣла. Въ Коломбо поняли важность обладанія санаторіумомъ, гдѣ бы колонизаторы (особенно войско) могли отдыхать отъ зноя на побережьяхъ и подкрѣплять

МОНАСТЫРЬ НА ГОЛУБОЙ РѢКѢ.

силы въ климатическихъ условіяхъ, сродныхъ сѣверянину. «Нурэлія» (какъ ее искаженно прозвали англичане) стала застраиваться уютными коттэджами и разростаться въ смыслѣ центра осѣдлости. При всемъ постепенно обнаружившемся несходствѣ приравниваемыхъ другъ другу зонъ, европейцы тутъ тѣшились и тѣшатся утреннимъ холодкомъ въ зимніе мѣсяцы, позволяющимъ даже зажигать огонь въ каминахъ, — частыми туманами, способными навести сплинъ, — наконецъ элегическимъ характеромъ широкаго травянистаго межгорья съ коричнево-зеленой топью у подножія лѣсистыхъ угрюмыхъ склоновъ . . . При-

ЗНАТНАЯ СІАМСКАЯ СЕМЬЯ

сутствіе колокольчиковъ, незабудокъ (правда, среди фантастически окрашенныхъ орхидей и фіолетовыхъ генціанъ!) усугубляетъ иллюзію, — а мирты, лавры и стройныя пиніи вдали положительно рисуются хвойными деревьями.

При быстрыхъ перемѣнахъ температуры (въ теченіе 6 часовъ градусникъ показываетъ колебанія на двадцать по Реомюру) немудрено однако, если Нувара-Элія скоро будетъ признана вредною для пребыванія послѣ изнѣженной жизни у моря.

Великіе Князья и принцъ Греческій останавливаются въ «Queen's Cottage» (въ виду его непомѣстительности губернаторъ сопровождалъ только до станціи Гаттонъ), а часть свиты въ «Grand Hotel» и клубѣ.

Ихъ Высочества остаются здѣсь до 5 (17) февраля, посвящая время прогулкамъ и охотѣ. Окружающая долина съ маленькимъ озеромъ по серединѣ слегка напоминаетъ

мѣстность въ Альварѣ, гдѣ мы двигались черезъ джонгль на слонахъ. Экскурсіи за дичью не увѣнчиваются особеннымъ успѣхомъ ни въ Воскресенье, ни въ Понедѣльникъ.

Наслѣднику Цесаревичу удается, впрочемъ, убить оленя-рогача (sambhur stag). Погода хмурится и небо дождливо, хотя сезонъ считается зимнимъ и сухимъ. Кочубей ушелъ въ горы на охоту за дикими слонами съ извѣстнымъ охотникомъ на нихъ Le Mesurier, который непосредственно передъ тѣмъ сопровождалъ И. И. В. Великихъ Князей Александра и Сергія Михаиловичей въ ихъ смѣлыхъ охотничьихъ экскурсіяхъ внутри острова. Истребленіе лѣсныхъ великановъ, когда-то практиковавшееся въ очень большихъ размѣрахъ съ

УЛИЦА ВЪ БАНГКОКѢ.

цѣлью оградить полезныя деревья и насажденія отъ разрушительныхъ набѣговъ каждаго такого гиганта, теперь ограничено: да и сами слоны все больше боятся и бѣгутъ человѣка, прячутся въ непроходимой чащѣ, въ сознаніи своей относительной безпомощности забиваются въ тишь и тѣнь! Послѣ Нувара-Эліи Августѣйшимъ путешественникамъ предстоитъ видѣть «крааль» (такъ съ португальскаго періода принято называть ловлю, загонъ слоновъ въ тщательно огороженное пространство среди джонглей).

Пятаго утромъ (въ девятомъ часу). Ихъ Высочества отправляются изъ Нану-ойи обратно по желѣзной дорогѣ до пункта Уругодевати, откуда въ 3 часахъ 15 минутъ до вечера въ экипажахъ ѣдутъ десятки верстъ почти до искусственнаго озера или точнѣе огромнаго резервуара Лабугама (отсюда, не щадя затратъ, сдѣланъ длиннѣйшій водопроводъ

ВСТРѢЧИ НА ГОЛУБОЙ РѢКѢ.

въ Коломбо), съ остановкой въ Хангвела у одного родовитаго сингалеза (Don Solomon Dias Bandaranaike), принимавшаго здѣсь въ свое время принцевъ: Эдинбургскаго въ 1870 г. Уэльскаго въ 1875 г. и его сыновей въ 1882 г.

ЗОЛОТАЯ ГОРА ВЪ БАНГКОКѢ.

Около упомянутаго водоема воздвигнутъ рядъ построекъ для Именитыхъ Гостей и свиты. Губернаторъ и много англичанъ прибыли на крааль, сооруженный въ относительной глуши (еще за нѣсколько верстъ), куда надо пробираться недавно проложенной узкой дорогой.

Описывать его я съ чужихъ словъ лучше не стану, — тѣмъ болѣе что скоро, въ Сіамѣ, придется видѣть сотни слоновъ въ первые моменты ихъ плѣна и тогда удобнѣе будетъ очертить цейлонскій пріемъ и получающіяся отъ него впечатлѣнія съ одной стороны, съ другой-же нарисовать полную картину перомъ очевидца.

Туземные вожди округа Сабарагомува организовали и энергично руководятъ облавой, на свой счетъ кормятъ добрыхъ двѣ тысячи загонщиковъ, безвыходно днюютъ и ночуютъ съ ними въ лѣсу, постепенно стягивающимся кругомъ (иногда крича, зажигая огни, вообще пугая) изводятъ дикихъ слоновъ, которые какъ разъ попались въ раіонъ ловитвы. Заполоненіе великановъ джонгля началось уже 2 мѣсяца тому назадъ; люди самоотверженно ведутъ ее по твердо обдуманному плану; мѣшавшихъ и черезчуръ безпокойныхъ животныхъ найдено было даже возможнымъ пропустить черезъ цѣпь. Остальные чего-то ждутъ, томятся, инстинктивно удаляются отъ взора человѣка, чуютъ бѣду и не въ состояніи прорваться на волю. Сингалезы искусно ведутъ это дѣло, изощряясь въ знаніи характера и привычекъ слоновъ. Наконецъ поймано девять: самаго маленькаго подводятъ въ даръ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Великіе Князья возвращаются 8-го февраля въ Коломбо и лишь 12-го разстаются: «Тамара» направляется на Тутикоринъ.

ВЪ ТИХІЙ ОКЕАНЪ.

> Задумч[illegible] мѣсяцъ плыветъ подъ лазури[illegible].
> Надъ зыбкой пучиной нависли туманы блестящіе.
> Безбрежное [illegible] устало играть не[illegible].
> Узоромъ [illegible]имъ затканы волны шумящія.

«Память Азова» и «Мономахъ» идутъ ширью полуденныхъ водъ на Сингапуръ: къ «Вратамъ Солнца» (Solis Portus географа Птолемея), къ «золотоносной» Малаккѣ (древнему Офиру) . . . .

По мѣрѣ того какъ чередуются дни и все рѣже оглядываешься назадъ на осмотрѣнное и покинутое, обновляемая отдыхомъ душа ощущаетъ наплывъ силъ и осязаетъ свои невидимыя крылья: мы собственно торопимся и стремимся уже не на чужбину, а домой, — потому что (хотя оно и звучитъ парадоксально!) для сердца каждаго русскаго, въ особенности же для нашихъ моряковъ исполненный грозной мощи Тихій океанъ въ символическомъ смыслѣ — второе отечество: свободное море . . . .

Насколько пройденный и по временамъ крайне тяжкій путь уносилъ въ область культурно-историческихъ и политическихъ, зачастую безспорно гадательныхъ размышленій, — настолько дальнѣйшіе моменты стоянокъ и плаванія яснѣе и такъ-сказать выпуклѣе: это тоже будетъ рядъ незнакомыхъ любопытныхъ земель, — но самобытнѣе очерченныхъ, чѣмъ англійскія колоніальныя владѣнія, и рѣзче замкнутыхъ по строю противъ разрушительнаго воздѣйствія западной цивилизаціи, чѣмъ терпѣливый Египетъ или безпомощно-унылая Индія и миніатюрный Цейлонъ. Въ справедливости подобнаго взгляда легко убѣдиться, если только представить себѣ, куда направляется «Азовъ». Вѣдь ему не придется болѣе бросать якоря и ждать у такихъ безразличныхъ и ничего русскому моряку не говорящихъ пунктовъ, какъ космополитическій Суэзъ или строго коммерческіе Бомбей и Коломбо! Характерныя, симпатичныя, искренно гостепріимныя побережья ждутъ насъ за Сингапуромъ . . . .

Идти въ Батавію, ступить на голландскую территорію подъ экваторомъ, увидѣть заботливо мыслящій объ инородцахъ и безхитростно расположенный къ намъ сѣверный народъ — развѣ это не наслажденіе своего рода? Что для насъ и для нашего внѣшняго развитія значила при Петрѣ честная и примѣрно трудолюбивая Голландія, понятно въ Россіи всякому школьнику. Приблизиться къ батавскому рейду подъ флагомъ Престолонаслѣдника, отвѣтить громомъ салютовъ на дружескій привѣтъ, въ расцвѣтѣ нашей современной военно-морской силы появиться передъ потомками скромныхъ учителей Преобразователя и Создателя новой русской державы — свѣтлое историческое событіе, какія рѣдко повторяются. Голландцы его навѣрно оцѣнятъ и радостно къ нему отнесутся.

НАШИ КОРЕЙЦЫ У ВЛАДИВОСТОКА

Предстоящая поѣздка въ глубь острова тоже, очевидно, будетъ непринужденнѣе обставлена, нежели мучительно-быстрыя передвиженія по царству королевы Викторіи. Одна уже перспектива подъема на вершину настоящей вулканической горы заставляетъ съ нетерпѣніемъ считать дни до индо-нидерландскаго побережья. А затѣмъ идетъ Сіамъ, — почти совершенно неизвѣстный европейскому міру, по своему культурный и здоровый основами своей политико-экономической непорабощенности Западомъ?! Король Чулалонкорнъ, говорятъ, съ живѣйшими благоположеніями готовится встрѣтить и со сказочнымъ блескомъ принять Дорогаго Гостя и вообще всю нашу эскадру. «Страна» измышленнаго неумными туристами «бѣлаго слона» (такихъ нѣтъ въ дѣйствителности, да едва-ли и раньше существовало) должна, конечно, дать много пищи для путевыхъ замѣтокъ и

МЫСЪ БАСАРГИНА У ВЛАДИВОСТОКА.

непосредственно-колоритныхъ описаній: только-бы поскорѣе сверкнулъ призывной гладью довольно мало извѣданный кораблями знойный Сіамскій заливъ!

Пребываніе въ Сайгонѣ, операціонномъ базисѣ тонкинскаго наступленія на важную окраину Китая, въ свою очередь должно быть связано съ чисто французскимъ энтузіазмомъ при чествованіи дружественной націи. Намъ — русскимъ, почти никогда не заглядывающимъ на далекую восточную чужбину, чтобы присматриваться къ степени умѣнья и средствамъ европейцевъ-колонизаторовъ, посѣщеніе центральнаго уголка громкой по названію «Индо-китайской имперіи», — управляемой изъ Парижа, — вдвойнѣ поучительно, вдвойнѣ полезно послѣ британскихъ владѣній и патріархально опекаемой Явы. Это тѣмъ болѣе кстати, что каждая наглядная цифра, каждая яркая подробность, каждое исполненное жизненнаго трепета явленіе по неволѣ будутъ и должны наводить на мысль, до какой степени мы — русскіе, будучи по престижу первыми въ Азіи, добровольно пока уступаемъ, кому придется, свою историческую роль и завѣщанную предками миссію главарей Востока. Отъ подобнаго ненормальнаго положенія вещей въ смыслѣ матеріалнаго процвѣтанія выигрываютъ, что ни годъ, ставители западныхъ началъ, — чуждые по духу и въ сущности ненавистные тѣмъ народамъ древняго предтипа, которымъ они пушками навязали общеніе съ собой: Бирмы, Камбоджіи, Аннама больше нѣтъ; Сіамъ — наканунѣ опасныхъ катастрофъ извнѣ, Японія — на порогѣ страшныхъ усобицъ; одинъ Китай на стражѣ своихъ и безсознательно на стражѣ русскихъ интересовъ со змѣиной мудростью отстаивается, копитъ силы противъ заморскаго врага, тоскливо озирается на безмолвный Сѣверъ, — единственное государство, откуда воспитанная въ принципахъ самодержавія страна богдыхановъ можетъ и привыкла ждать нравстенной опоры, безкорыстной помощи, фактическаго союза на почвѣ взаимныхъ интересовъ.

НАША ЦЕРКОВЬ ВЪ ХАНЬКОУ

На этомъ Сѣверѣ тумана, тайги и льдовъ, — въ крайней Восточной Сибири Хабарова и ему подобныхъ удальцевъ, — въ краю, возсоединенномъ съ Россіей геніемъ Муравьева-Амурскаго, — тамъ еще почти повсемѣстно царятъ первозданная тишина, глубочайшій покой, неподвижность окоченѣнія. Лишь въ исходѣ вѣка, съ проложеніемъ новыхъ путей, для нашего восточнѣйшаго побережья можетъ настать новая эра съ неожиданными послѣдствіями, — а пока на немъ, конечно, почіетъ печать чего-то несложившагося и грустнаго словно бытъ коренныхъ насельниковъ. Тѣмъ больше вниманія и безпристрастнаго сужденія требуется отъ всякаго, кто хотѣлъ бы провести поучительную параллель между благодатными странами открывающагося намъ тихо-океанскаго юга съ

СВѢТЛЫЙ СІАМСКІЙ СЛОНЪ.

его изумрудною Явою, неисчерпаемыми естественными богатствами индо-китайскихъ земель, самоувѣренною жизненностью Небесной имперіи и т. п. съ одной стороны, когда съ другой рисуешь себѣ топь и глушь, необъятныя пустынныя окраины государства, которое, — при всей ихъ кажущейся убогости и суровости, — призвано быть очагомъ свѣта для смежныхъ съ ними пространствъ съ потерявшимъ себѣ счетъ населеніемъ.

Крошечная Голландія обладаетъ въ раіонѣ Азіи свыше чѣмъ тридцатью милліонами жителей (да это еще у экватора, гдѣ природа — рай!): важнѣйшая держава, въ предѣлахъ этого материка, на трети его не насчитаетъ и половины такого числа подданныхъ.

НА «ВЛАДИВОСТОКѢ» У КИТАЙСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Колонизаторы съ Запада подѣлили, хоть и не безъ зависти и не безъ вражды, лучшія приморскія области иноплеменной суши. Такіе города съ міровымъ торговымъ значеніемъ, какъ создавшійся на голомъ скалистомъ островѣ Гонконгъ или «Львиный городъ» (Сингапуръ) краснорѣчивѣе всего служатъ доказательствами европейской неутомимой предпріимчивости въ противоположность азіатской спячкѣ. Но питаясь соками самаго гигантскаго материка и держа, когда можно, въ экономическомъ рабствѣ сотни милліоновъ многострадальныхъ двуногихъ существъ, уповаютъ-ли піонеры цивилизаціи на будущій успѣхъ? Лѣпясь по уступамъ и краямъ обрыва, развѣ не пребываютъ они въ

ДВОРЕЦЪ ВЪ САЙГОНѢ.

вѣчной тревогѣ, что камни зашевелятся и бездны не избѣжать?! Когда весь Востокъ рано или поздно проснется, разбуженный тѣми же безпокойными элементами отрицающей его рассы, — когда онъ, подобно Ильѣ Муромцу, почувствуетъ въ себѣ силу великую и захочетъ сказать «свое слово», — тутъ одпѣми угрозами, грубымъ насиліемъ и случайнымъ поверхностнымъ разгромомъ внутренняго разлада не утишить. Вотъ почему Россіи выпала на долю благая часть незримо крѣпнуть среди сѣверныхъ и степныхъ пустырей въ ожиданіи спора двухъ міровъ, гдѣ не имъ обоимъ будетъ принадлежать рѣшеніе.

Вторженіе въ чужой замысловатый строй, эксплоатація Азіи во славу жалкихъ эгоистическихъ предубѣжденій современнаго soit-disant образованнаго человѣчества намъ

претило. Мы слишкомъ двѣсти лѣтъ оставались дома, — ибо нельзя называть естественное сліяніе съ Туркестаномъ и Пріамурьемъ политическими захватами, — мы оставались дома съ традиціонною безпечностью и могучей лѣнью, пока Тихій океанъ становился ареной западно-европейскаго натиска на туземцевъ со стариннымъ государственнымъ устройствомъ и несомнѣнной культурой.

Результаты налицо. Пришельцы по мѣрѣ возможности обидѣли и развѣнчали Востокъ. Куда они приходятъ для житья и наживы, — это имъ не родина, какою напр. русскому быстро дѣлается любая окраина, — это имъ не братья по Божескому и людскому закону: это для нихъ — страна добровольнаго тоскливаго изгнанія, а народъ —

КАНТОНСКІЙ ВИЦЕ-КОРОЛЬ

скоты. Послѣдніе мало-по-малу реализируютъ въ сознаніи значеніе такого возмутительнаго взгляда и платятъ «учителямъ» сугубою непріязнью: гдѣ и какъ однако искать защиты, оплота противъ иноземца-врага?

Народное миѳологизирующее творчество не дремлетъ. Чѣмъ бодрѣе на Азію наступаетъ Европа, тѣмъ свѣтлѣе тамъ озаряется въ устахъ молвы и преданія Бѣлый Царь. Откуда зародилась идея объ Его существѣ, чѣмъ уяснить обаяніе одного уже имени?

Въ глубинѣ нашего средневѣковаго прошедшаго навѣрно таится причина вѣщаго явленія. Когда изъ праха и бѣды, послѣ тягчайшаго униженія и потоковъ крови христіанская Русь начала складываться въ стройное цѣлое загадочно-привлекательною амальгамою Ирана и Турана, — ея лучшіе Князья, ея богоугоднѣйшіе Святители заставили себя уважать восточными государями, — нравственными качествами поразили побѣдителя-монгола

ХАНЬКОУ

наравнѣ съ инородцемъ Поволжья, принимавшимъ нашу рѣчь и бытъ. Въ ту пору наихудшихъ испытаній, — при владычествѣ Чингисханидовъ, которымъ Индія и Тибетъ, Индо-Китай и Небесная имперія, Самаркандъ, Афганистанъ и Персія были одинаково, хотя и временно подчинены, — «великіе печальники и молитвенники за землю русскую» духовно завоевали намъ симпатіи азіатскихъ народовъ. Что разъ упало на такую воспріимчивую почву какъ фантазія и чувство восточнаго человѣка, — никогда не забывается, но дастъ ростки и плоды. Мы сильны тамъ, на безконечныхъ рубежахъ своихъ, не только былою и настоящею казацкой удалью, не только условною подготовленностью вести (отъ чего

КУМИРНИ ВЪ СІАМѢ.

Боже упаси!) войну, — а главнымъ образомъ и почти, можно сказать, исключительно: доброю вѣстью, облетѣвшею и облетающею азіатскій материкъ, о праведной жизни и дѣлахъ представителей давно угасшаго поколѣнья. Оттого-то искреннею лаской дохнетъ на насъ совершенно чужой Сіамъ, оттого управляемые республиканцами старики-аннамиты придутъ низко поклониться нашему Престолонаслѣднику, оттого презирающій европейцевъ Китай готовится встрѣтить Его Императорское Высочество съ неслыханнымъ радушіемъ, съ Царскими почестями. Вотъ сколь далеко проникаютъ лучи отъ могилы тѣхъ, кто широко понималъ и горячо любилъ свое отечество: иныя звѣзды померкли, но ихъ прежній свѣтъ еще идетъ и разгорается по безбрежью вселенной!

На западныхъ граняхъ Тихаго океана въ высшей степени любопытенъ уровень разнообразнаго культурнаго развитія. Отъ полудикихъ обитателей индо-малайскаго архипелага и нашихъ доисторически обставленныхъ инородцевъ до проникнутыхъ мусульманскими идеями яванцевъ какой по видимому незначительный, но въ дѣйствительности рѣзкій по духу переходъ!

Соприкоснуться еще разъ въ открывающемся передъ нами гигантскомъ раіонѣ съ религіей Индіи, пересаженною въ совершенно ей не сродныя внѣшнія условія и всетаки

ЯПОНЦЫ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ВООРУЖЕНІИ.

пустившей крѣпчайшіе корни, — снова найдти въ числѣ предметовъ культа ея отрѣшающее отъ земли искусство (въ памятникахъ, кумирахъ, отчасти даже въ живописи и одеждѣ) вѣдь это-же отраднѣйшая сложная работа для мысли, для эстетическаго воспріятія, наконецъ для осязательнаго, такъ-сказать, уразумѣнія истины, что сила чувства и вѣры, т. е. то, — чѣмъ въ благородномъ, арійскомъ смыслѣ слова живетъ и по своему великъ мирный индусъ, — не признаетъ законовъ пространства и времени, — творитъ повсюду, куда передается, и созидаетъ притомъ далеко не на пескѣ! Будь иначе, развѣ прозаически настроенная Японія украсила-бы драгоцѣннѣйшими лаками и бронзами свои изящнѣйшіе по

Наше кладбище у Нагасаки.

отдѣлкѣ храмы въ честь Будды, — развѣ оттуда предпринимались-бы опасныя морскія экспедиціи въ глухую Корею, процвѣтавшую нѣсколько вѣковъ тому назадъ и просвѣщенную подъ вліяніемъ желанно явившейся изъ-за тридевяти земель санскритской цивилизаціи, въ формѣ буддійской книжности?

ТРОННЫЙ ЗАЛЪ СІАМСКАГО КОРОЛЯ.

Существовавшія по всему древнему и средневѣковому Востоку взаимоотношенія духовнаго характера пока, съ европейской точки зрѣнія, представляются довольно мало выясненными; но уже самый фактъ ихъ безпрерывнаго существованія и воздѣйствія на ходъ міровыхъ событій по моему — неизмѣримо важнѣе скучныхъ мелочей, изъ которыхъ сложена старательно изучаемая нами европейская исторія.

Тамъ, въ игнорируемой Азіи, народы вѣчно ощущали трепетъ мистическихъ порывовъ въ ту безплотную вышину обряда и молитвы, гдѣ передъ Божественными Началами смолкаютъ враждующіе элементы націонализма, племеннаго разногласія и т. п. Тишиною вѣетъ отъ многихъ нѣкогда раздиравшихся смутами многолюднѣйшихъ областей, гдѣ съ почитаемаго безкровными жертвами алтаря очи изваяннаго или металлическаго Шакья-Муни взглянули съ кротостью и тайной на притекающую къ нему толпу.

Обломки его статуй, нетлѣнно уцѣлѣвшія изображенія «царевича-учителя» и браминскихъ небожителей, опустѣлые города-монастыри съ дивными по архитектурѣ индійскими капищами и барельефами рѣдкой красоты, — все это еще не исчезло съ поверхности

БАНГКОКЪ СЪ РѢКИ.

Явы, въ одинокомъ величіи затеряно въ сторонѣ отъ дорогъ, убѣдительно говоритъ о прежнемъ обаяніи Индостана и просыпавшемся въ немъ типичномъ Drang nach Osten. Потому-то въ предѣлахъ французскаго Индо-Китая и сохранились до сихъ поръ, на неопредѣленной границѣ съ Сіамомъ, развалины безсмертныхъ чертоговъ богамъ съ отразившимся на камняхъ пантеономъ гангетическаго стройнаго міра. Эпическіе герои, фантастическія исчадія простонародныхъ вѣрованій, отвлеченные символы жрецовъ, — каждая особенность его запечатлѣна тамъ, въ этой отцвѣтшей Камбоджіи, рукою безвѣстнаго художника-ваятеля или творческимъ помысломъ зодчаго, которыхъ слушались и которымъ помогали цари. Идолы Будды какъ нѣчто чудотворное привозились съ юго-запада въ Небесную имперію. Религія и знаніе, блестящими звеньями скрѣпляющія братство народовъ, шли туда же изъ Индіи. Послѣ всего мною сказаннаго о ней, — въ смыслѣ характе-

ПРІЕМЪ ВЪ ХАНЬКОУ.

ристики культурно-исторической, — освѣщеніе западныхъ побережій Тихаго океана мягкими лучами ея древняго быта и чистѣйшихъ упованій, быть можетъ, придастъ этимъ окраинамъ восточной Азіи еще болѣе симпатичный для русскаго сердца оттѣнокъ. Если ужъ любить и признавать родной намъ сосѣдній материкъ за что-то близкое духомъ и органически съ нами единое, — то любовь должна въ равной мѣрѣ переноситься на всякій уголочекъ земли, гдѣ убѣжденный монархистъ-азіатъ въ трудѣ и покаяніи находитъ задушевный отвѣтъ на самые жгучіе для человѣка вопросы: зачѣмъ мы собственно живемъ и какъ избѣгнуть страданія?

Двѣ относительно близкихъ встрѣчи съ соотечественниками (въ Сингапурѣ ждетъ эскадра подъ флагомъ вице-адмирала Назимова, въ Ханькоу представится колонія русскихъ

ДВОРЕЦЪ-БАНГ-ПА-ИНЪ ВЪ СІАМѢ.

чаеторговцевъ) примиряютъ отчасти съ неизбѣжностью разлуки съ Россіей до Мая мѣсяца. Кромѣ добродушной Явы и экзотическаго Сіама, лежащія на пути нашемъ страны дохнутъ на насъ чѣмъ-то родственнымъ и, пожалуй, совсѣмъ не покажутся чужбиной: мы съ дѣтства привыкаемъ относиться къ Китаю и Японіи (Сайгонъ же — частица прежней державы богдыхановъ) какъ чему-то тѣсно съ нами связанному и духовно гораздо болѣе близкому, чѣмъ надменная Западная Европа. Чувства къ нимъ, не будучи ничѣмъ особенно положительнымъ, то же время сами за себя говорятъ, какъ инстинктивное тяготѣніе въ сторону прочной и обоюдно полезной пріязни съ дальнимъ Востокомъ. Вѣдь не можемъ же мы напр. забывать, что при возмущеніяхъ китайской черни противъ европейцевъ, русскихъ сознательно щадили и отличали отъ «заморскихъ чертей»? Памятно, надо надѣяться, — и японцамъ, чей Императорскій флотъ никогда не открывалъ огня противъ ихъ побережій и, находя недостойнымъ мстить за таинственныя мнимо-политическія

убійства изъ-за угла, свято хранилъ и хранитъ обычай дружить со «страной восходящаго солнца», гдѣ у насъ насчитывается столько продолжительныхъ якорныхъ стоянокъ и

ЯПОНІЯ. КОБЕ.

бѣлѣетъ не одна надгробная плита! Фактъ посѣщенія Русскимъ Престолонаслѣдникомъ этого крайняго восточнаго государства, — пытающагося создавать, въ духѣ началъ новѣй-

шей цивилизаціи, на развалинахъ своего древняго и патріархальнаго строя, — какъ нельзя болѣе будетъ соотвѣтствовать необходимости засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ міромъ искренность нашихъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ отдаленнѣйшему отъ Европы монарху и къ его смущаемому неожиданными реформами народу.

ПРІЕМЪ ВЪ СИНГАПУРѢ.

Иностранцы, свивая себѣ въ Японіи ненадежное гнѣздо, давно уже сѣютъ тамъ подозрѣніе и нелюбовь къ Россіи. Воспитанные на заграничный ладъ и въ чуждыхъ по культурѣ университетахъ туземные радикалы проникаются предубѣжденіями западнаго человѣка противъ «сѣвернаго колосса» и склонны поверхностно судить о насъ въ печати и литературѣ.

Предполагаемое общеніе Августѣйшаго путешественника съ лучшими государственными людьми Ниппона, съ его стариннѣйшими городами и памятниками, съ основами его первобытной жизни и лучистой старины безспорно можетъ привести только къ хорошимъ результатамъ и углубленному взаимопониманію. Дай-то Богъ!

Разумнѣйшіе японцы сознаютъ, по видимому, опасность слишкомъ безусловнаго подчиненія иноземщинѣ съ отрицаніемъ вѣковыхъ завѣтовъ родной власти и религіи. Поворотъ въ національно-благомъ направленіи — вѣроятно, вопросъ недалекаго будущаго. Самобытность Азіи и 800—900 милліоновъ ея работящаго, мыслящаго, даровитаго населенія должна во имя справедливости и правильно опредѣляемаго прогресса сказаться съ удвоенною силою.

ТОРГОВЕЦЪ НА УЛИЦАХЪ НАГАСАКИ.

Высокая степень художественно-матеріальной, а въ иныхъ отношеніяхъ и соціальной культуры, достигнутая тамошними народами служитъ однимъ изъ главныхъ ручательствъ тому, что это и возможно и желательно. Западъ великъ въ извѣстномъ раіонѣ дѣятельности, пока не направляетъ избытокъ энергіи на саморазрушеніе.

Перевоспитать Востока, до полнаго воплощенія въ себѣ христіанскихъ принциповъ, онъ не властенъ, — сломить же его упорную затаенную мощь изъ-за моря физически нельзя. Остается слѣдовательно примѣнить къ огромнѣйшему материку новую гуманную точку зрѣнія: искусственная прививка безпочвеннаго просвѣщенія Азіи не нужна, толчекъ же для свободнаго развитія опекаемыхъ побережій давно данъ и отнюдь не требуетъ повторенія.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.